

ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY

GERMAN PHILOLOGY
IN ST. PETERSBURG
STATE UNIVERSITY

V

GERMAN AS A LANGUAGE
OF PROFESSIONAL COMMUNICATION

A collection papers

Edited by: Sergey T. Nefedov, Elena A. Kovtunova

St. Petersburg University Press
2015

Deutsche
Philologie

V

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НЕМЕЦКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ

V

ЯЗЫК ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
КОММУНИКАЦИИ — НЕМЕЦКИЙ

Сборник статей

Под редакцией: С. Т. Нефёдова, Е. А. Ковтуновой

Издательство С.-Петербургского государственного университета

2015

УДК 81'42
ББК 81.2Нем
Н50

Рецензенты:

д-р филол. наук проф. *В.А. Андреева* (С.-Петербург. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена),
д-р филол. наук проф. *А.В. Ачкасов* (С.-Петербург. гос. ун-т)

*Рекомендовано к публикации
научной комиссией филологического факультета СПбГУ*

Н50 Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. V: Язык профессиональной коммуникации — немецкий: сб. ст. / под ред. д-ра филол. наук С.Т. Нефёдова, канд. филол. наук Е.А. Ковтуновой. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2015. — 212 с.

В сборник вошли статьи, посвящённые некоторым аспектам лингвистической теории профессиональной коммуникации, среди которых прагматика научного дискурса, метаязык различных профессиональных сфер. Авторы статей стремились рассмотреть функционально-текстовую проблематику в социально-коммуникативном контексте.

Предназначено в первую очередь для филологов-германистов, а также для лингвистов, интересующихся вопросами профессиональной коммуникации.

This collection of papers includes works devoted to particular aspects of the linguistic theory of professional communication including scientific discourse pragmatics and the metalanguage of various professional fields. The focus of the authors' attention was functional stylistics in the context of social communication.

This edition is primarily aimed at Germanists and other linguists interested in professional communication issues.

**УДК 81'42
ББК 81.2Нем**

Научное издание
НЕМЕЦКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
Вып. V
ЯЗЫК ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ — НЕМЕЦКИЙ
Сборник статей

Редактор *Е.П. Парфёнова*. Технический редактор *Л.Н. Иванова*.

Подписано в печать с оригинала-макета 07.12.2015. Ф-т 60×84/16.
Усл. печ. л. 12,32. Уч.-изд. л. 14,19. Тираж 200 экз. Заказ №

Издательство СПбГУ.
199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, д. 11/21.

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник научных статей является продолжением серии «Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете» и посвящён общим и частным вопросам профессиональной коммуникации (*нем. fachsprachliche Kommunikation, Fachkommunikation*), среди которых прагматика научного дискурса, происхождение, статус и функционирование единиц метаязыка профессиональной коммуникации, проблемы перевода в специальных областях.

Подходы к изучению языка профессиональной коммуникации отражают общие тенденции в развитии лингвистики и смену в ней теоретических установок в изучении языковых явлений. Торстен Рёльке предлагает различать три направления в рассмотрении данного феномена, соответствующие трём моделям профессиональной коммуникации. Во-первых, он выделяет *системно-лингвистический* подход, соответствующий инвентарной модели описания профессиональных языков в 50–70-е годы прошлого века. В рамках этой модели на материале разных естественных языков учёные изучали профессиональный «инвентарь» (специальную лексику, терминологии и терминосистемы). Исходя из данной концепции, профессиональный язык определялся как «система языковых знаков, которая находит своё применение в рамках профессиональной (специальной) коммуникации» [3: 15–21]. С таким пониманием профессионального языка связана социолингвистическая трактовка данного явления как подъязыка, социолекта (*нем. Varietät*) [4: 103–106]. Эта трактовка находится в неразрывной связи с противопоставлением профессионального и общенационального языка (*Fachsprache — Gemeinsprache*).

Следующий этап в изучении языка профессиональной коммуникации условно начинается в 80-е годы прошлого века и отмечен обращённостью к *лингвопрагматической* и *текстоцентрической* парадигмам (контекстная модель профессиональной коммуникации). Соответственно, профессиональный язык рассматривается уже не просто как инвентарь специальных языковых средств, а как

совокупность высказываний, текстов, обеспечивающих профессиональную коммуникацию (нем. *Fachtext*). Такая расширенная модель профессиональной коммуникации принимает во внимание не только внутриязыковые, но и экстралингвистические факторы (социологические, психологические, семиотические, коммуникативные). Это обусловило усиление междисциплинарного характера исследований специальных языков [3: 21–26].

Наконец, постулируемая с 90-х годов XX века *лингвокогнитивная функциональная модель* профессиональной коммуникации выдвигает на передний план участников коммуникации, их ментальные и эмоциональные характеристики как предпосылки использования специальных знаков в специальных текстах [3: 26–31]. Когнитивная лингвистика понимает язык профессиональной коммуникации, с одной стороны, как систему единиц, вербализующих предметное профессиональное знание в виде объединения «концептов и категорий, связи между которыми носят взаимообусловленный характер». С другой стороны, она рассматривает язык профессиональной коммуникации в динамике дискурсивного развертывания как формирующийся и функционирующий «в определённой сфере коммуникации» и представленный «в текстах, значимых для этой сферы» [1: 46]. С учётом последних достижений коммуникативно-прагматического и когнитивного направлений современной лингвистики выполнены статьи, входящие в данный сборник.

Сборник состоит из двух основных разделов: 1) прагматика профессиональной коммуникации в науке; 2) метаязык профессиональной коммуникации.

Научная коммуникация как одна «из наиболее востребованных сфер человеческой деятельности и познания с точки зрения исследовательского интереса» [2: 4] стала объектом лингвопрагматических исследований, вошедших в *первый раздел* сборника.

Первые четыре статьи выполнены на материале современных лингвистических текстов. В статье *С.Т. Нефёдова* анализируется функциональный потенциал вопросительных структур в нетипичных для них контекстах научного сообщения. *Э.К. Абдурахманова* изучает метадискурсивные элементы разных типов, обеспечивающие эффективность и надёжность восприятия научной информации. О текстотипологических особенностях авторского предисло-

вия как паратекста рассуждает в своей статье *И.А. Вороновская*. В свою очередь, *Н.С. Супоницкая* исследует коммуникативные стратегии авторизации в научном тексте и обосновывает зависимость степени эгореферентности от коммуникативно-прагматической задачи коммуникативно-смысловых текстовых блоков.

Исторические научные тексты составили эмпирическую базу исследований *М.Н. Дмитриевой* и *А.К. Филипповой*. *М.Н. Дмитриева* рассматривает метакоммуникативные высказывания в переводе трактата Бозция Ноткером Немецким. Автор отмечает, что такие языковые единицы способствуют более чёткому структурированию текста, и проводит типологические параллели между более ранними и современными текстами научной коммуникации. Проанализировав многочисленные метафоры, а также другие средства создания образности в лингвистических трудах великого немецкого учёного XVIII века Г.В. Лейбница, *А.К. Филиппова* подвергает сомнению общепринятый тезис об обезличенности научного стиля речи.

Нестандартная интерпретация индивидуально-авторского научного стиля представлена в статье *А.В. Елисеевой*, которой удалось на ярких примерах продемонстрировать, что экспрессивность и сознательно производимый комический эффект отнюдь не чужды научным текстам. Статья *Л.Я. Слинной* представляет собой подробный анализ особенностей содержательной структуры научно-популярного текста, а также конкретных способов передачи специальной информации; она завершает первый раздел сборника.

Во *второй раздел* сборника вошли статьи, объединенные вокруг феномена *метаязыка профессиональной коммуникации*. *К.А. Филиппов* в своей статье обращается к описанию метаязыка немецкой грамматики И.К. Готшеда, *К.В. Манёрова* исследует метаязык немецких авторских словарей на примере Лютеровского Индекса и словаря И.В. Гёте.

Продолжая анализ метаязыковых единиц в профессиональной коммуникации, начатый некоторыми авторами в первом разделе, *А.В. Мельгунова* изучает вопросы метафорического образования немецкой технической терминологии, *Е.А. Ковтунова* рассматривает дискуссионные в терминоведении и фразеологии проблемы статуса немецких специальных словосочетаний.

Особенности перевода политической терминологии общественно-политических параллельных текстов из материалов ООН и Форума «Петербургский диалог» обсуждаются в статье *Л.Н. Григорьевой*. Проблемы перевода музыкальных терминов и профессионализмов В.А. Моцарта стали предметом изучения в статье *А.В. Бояркиной*.

Раздел завершает статья *Л.Ф. Бирр-Цуркан*, обращённая к дихотомии понятий свой/чужой в русской и немецкой терминологии и освещающая лингвокультурологические аспекты интересующей автора проблематики.

Сборник дополняют статья о проблемах и перспективах переводческого образования *Н.Д. Имеретинской*, лингвострановедческий очерк *Л.И. Подгорной* и рецензия на сборник научных статей коллег-германистов из Чехии, составленная *Л.Я. Слинной*.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Голованова, Е.И.* Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011.
2. *Чернявская, В.Е.* Интерпретация научного текста: учеб. пособие. 4-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
3. *Roelke, Th.* Fachsprachen. 2., durchges. Aufl. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2005.
4. *Löffler, H.* Germanistische Soziolinguistik. 4., neubearb. Aufl. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2010.

REFERENCES

1. *Golovanova, E.I.* Vvedenie v kognitivnoe terminovedenie [Introduction to cognitive terminology]: ucheb. Posobie. M.: FLINTA: Nauka, 2011 (in russia).
2. *Chern'avskaya, V.Y.* Interpretatsiya nauchnogo teksta: [Interpretation of Scientific Text]: ucheb. Posobiye. 4-e izd. Moskva, Izd-vo LKI, 2007 (in russia).
3. *Roelke, Th.* Fachsprachen. 2., durchges. Aufl. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2005.
4. *Löffler, H.* Germanistische Soziolinguistik. 4., neubearb. Aufl. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2010.

Е. А. Ковтунова

I. ПРАГМАТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В НАУКЕ

УДК 811.112.2

С. Т. НЕФЁДОВ

Санкт-Петербургский государственный университет

ЯЗЫК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ: ВОПРОСИТЕЛЬНОСТЬ В АССЕРТИВНОЙ «СРЕДЕ» НАУЧНОГО ТЕКСТА

Ключевые слова: язык науки, письменная научная коммуникация, лингвистический дискурс, интеррогативность, вопросительные структуры.

Язык науки можно охарактеризовать *ex negativo*. В статье анализируется функциональный потенциал высказываний в форме прямых вопросов и косвенно-вопросительных структур в нетипичных для них контекстах научного сообщения. Прагматически предельно низкая частотность первых мотивирована социально-этическими нормами общения: в науке не запрашивается искомая информация, а предлагаются собственные решения проблемных ситуаций. Относительно редкое использование структур второго типа коренится в необходимости следовать коммуникативным принципам количества и релевантности передаваемой информации и дозированно формулировать проблемность. Низкая частотность оборачивается для анализируемых структур повышением прагматического потенциала, что делает их эффективным инструментом контроля над вниманием адресата и стимулирует научную дискуссию.

S. T. NEFEDOV

St. Petersburg State University

LANGUAGE OF LINGUISTICS: INTERROGATIVITY WITHIN ASSERTIVE CONTEXT IN GERMAN ACADEMIC WRITINGS

Keywords: language of science, written academic communication, linguistic discourse, interrogativity, direct and indirect questions

The language of science can be described *ex negativo*. This article analyzes the functional potential of the statements in the form of direct questions and indirectly-interrogative structures in atypical contexts of the scientific communication. From pragmatic perspective extremely low frequency of the first type of the structures is motivated by the socio-ethical standard of communication: scientists do not aim to require the information, but they offer their own solutions for the problem situations. Relatively rare use of the structures of the second type is rooted in the need to follow the pragmatic principles of the quantity and the relevance of the information transmitted that is achieved by accurate measuring and gradual formulation of the problem. In its turn, low frequency makes the analyzed structures an effective instrument of recipient's attention control and stimulates the scientific discussion.

Естественным контекстом употребления прямых вопросов является диалог, в котором коммуниканты синхронно взаимодействуют друг с другом в одних и тех же пространственно-временных обстоятельствах. Такого рода коммуникативные ситуации непосредственного общения («communication in face-to-face interaction»), вслед за Дж. Лайонзом [10: 637] и Е.В. Падучевой [21: 259; 22: 3–4], принято называть «каноническими». В «канонической ситуации» ведущие антропоцентры коммуникации — «полноценный говорящий» [21: 260] и «синхронный адресат в том же месте и зоне видимости» [22: 3] — обеспечивают единство и континуальность интеракции. По сравнению с диалогическим взаимодействием в письменной коммуникации процессы производства автором текста и восприятия его реципиентом разделены во времени и пространстве. Строго говоря, письменный текст изъят из непосредственной ситуации общения коммуникантов. Как материализованный продукт интеллектуальной деятельности человека он обретает, согласно Х. Бринкманну, относительно автономное бытие и собственную «траекторию жизни»: оставаясь за рамками коммуникативно-речевой ситуации, в которой письменный текст был создан, он продолжает ещё долгое время — иногда на протяжении веков — быть востребованным и понятным новым поколениям носителей языка или же мгновенно устаревает и предается забвению [1: 42].

Специфика письменной коммуникации удачно обозначена К. Элихом термином «извлеченность из речевой ситуации» (*die «Sprechsituationsentbindung»*) [5: 25]. По сути, всякий раз, когда текст становится востребованным в письменной коммуникации, точнее следовало бы говорить о двух, хотя и связанных, но всё

же принципиально различных, коммуникативных событиях в связи с одним и тем же текстом: о коммуникативной ситуации текстоорождения и о коммуникативной ситуации текстовосприятия в условиях «отложенного» («растянутого») во времени и пространстве общения (в терминах А. Реддера — «zerdehnte Sprechsituation») [11: 288]. Поэтому в неканонической ситуации автор текста вообще не может быть уверен в том, что его интеллектуальный продукт когда-либо попадет в поле зрения, будет воспринят и осмыслен адресатом. Как справедливо отмечает Г. Грефен, со стороны адресанта это всегда лишь «попытка» установить через текст контакт с потенциальным адресатом («Vermittlungsversuch») [8: 26].

Следует, однако, заметить, что из-за разделенности позиций автора и реципиента, а, тем самым, коммуникативных ситуаций производства и восприятия, текст никогда не теряет изначально заложенных в нем связей с целями и задачами той сферы социальной практики, которую он призван обслуживать, и своих жанрово-стилистических характеристик. Социально-коммуникативный контекст в нем как бы консервируется и всякий раз должен быть восстановлен в своих сущностных чертах, чтобы текст был адекватно понят реципиентом в границах авторского замысла.

В несколько ином плане сказанное касается и употребления языковых форм в функционально нетипичных для них условиях. Приспосабливаясь к новому коммуникативному контексту, они наследуют и сохраняют часть своих исходных семантико-содержательных свойств. Так, например, в ассертивной «среде» научного текста вопросы в форме синтаксически самостоятельных предложений не теряют полностью своих связей с породившим их диалогическим дискурсом и продолжают индуцировать акциональность. Но она, естественно, проявляется в ослабленном виде, так как смена «коммуникативного модуса» общения (термин Н.К. Рябцевой: [24: 83]), переход от синхронно протекающей речевой акциональности по схеме «вопрос — ответ» к дистантному изложению информации не проходит для них бесследно. Этому, по сути, и посвящена настоящая статья.

В научной коммуникации на протяжении длительной истории её развития сложилась собственная система лексических и грамматических средств, наиболее приспособленных по своему семантико-функциональному потенциалу к представлению общезначимой

для общества научной информации. В совокупности эти средства формируют «речевую системность научного стиля» [17; 18] и «общепринятый язык науки» («alltägliche Wissenschaftssprache» [4: 340]). К числу таких средств в функциональной стилистике и в лингвистике, изучающей профессиональные языки (Fachsprachlinguistik), принято относить терминологию и целый ряд грамматических единиц и структур: пассив и его аналоги — деагентивные неопределенно-личные, безличные, рефлексивные структуры, номинализованные образования, коннекторно-связующие слова, тотально-обобщающие прономинативы, формы атемпорального презенса, синтаксические конструкции с копулятивными глаголами и целый ряд других средств, создающих в научном тексте «отвлеченно-обобщенность» [17]. Они позволяют автору научного текста представить решение некоторой проблемы как процесс надындивидуального творчества, в отрыве от агенса познавательной деятельности и актуальной ситуации, т.е. в полном соответствии с выработанным на протяжении десятилетий (и даже веков), общепринятым «формально-логическим (коллективным)» [23: 90] принципом представления научной информации. Регулярность их применения в устной и письменной коммуникации прочно связывается в сознании носителей языка с чертами «научности» и научного стиля. Поэтому такие языковые единицы и структуры можно рассматривать как проекции в речевую ткань научного текста исторически сложившихся социально-культурных норм и этических канонов представления научной информации. Они являются языковыми сигналами научно-познавательной деятельности и маркерами профессиональной компетенции исследователя («Signale von wissenschaftlichem Handeln und fachlicher Autorität») [12: 5] и «контекстуализируют» данную важную сферу социальной практики.

Если принять во внимание отмеченные выше задачи научной коммуникации и присущие ей принципы осуществления научно-познавательной деятельности, то становится очевидным, что вопросительные структуры достаточно трудно вписать в контексты научной речи. С прагматической точки зрения это обстоятельство имеет рациональное объяснение: в практике научных исследований не запрашивают информацию у других, а, напротив, предлагают свои собственные решения. Именно поэтому структуры с семантической вопросительности обладают очень низкой частотностью в

научных текстах, даже более низкой, чем автореферентные обозначения автора в 1-м лице, нарративные структуры и концептуальные метафоры [20: 60–61; 19: 13–14].

По подсчетам автора настоящей статьи доля структур в форме прямых вопросов и структур с косвенной вопросительностью составляет в научных лингвистических статьях и монографиях в среднем немногим более 2 %, причем из них на долю синтаксически самостоятельных вопросов приходится всего лишь около 1 %. Эти данные обобщены в нижеследующей таблице.

Частотность вопросительных форм в научных текстах

Жанр научного текста, автор	Предикации			
	общ. кол-во	прямые вопросы, кол-во / %	косвенно-вопросит. структуры, кол-во / %	вопросит. формы, общ. кол-во %
А) Научные статьи				
Egbert, 2002	401	0 / 0	0 / 0	0 / 0
Hennig, 2006	584	1 / 0,17	11 / 1,88	12 / 2,05
Steinhoff, 2007	582	0 / 0	1 / 0,17	1 / 0,17
Thaler, 2007	636	0 / 0	8 / 1,26	8 / 1,26
Schiewe, 2011	307	8 / 2,6	5 / 1,63	13 / 4,23
Kretzenbacher, 1995	441	1 / 0,22	1 / 0,22	2 / 0,45
Ehlich, 1995	438	2 / 0,46	4 / 0,9	6 / 1,37
Ehlich, 2006	332	14 / 4,22	11 / 3,31	25 / 7,53
Итого:	3721	26 / 0,7	41 / 1,1	67 / 1,8
Б) Часть из коллективной монографии				
Linke, Nussbaumer, 2000	651	16 / 2,46	8 / 1,23	24 / 3,7
Монография Ernst, 2002	4196	45 / 1,07	65 / 1,55	110 / 2,62
Итого:	8568	87 / 1,02	114 / 1,33	201 / 2,35

В качестве единицы измерения при качественно-количественной оценке обследованных научных текстов по характеру и месту в них интеррогативности взята такая составляющая пропозициональной организации текста, как предикация. Под предикацией при этом понимается двухкомпонентная текстовая структура, воплощающая динамическое развертывание предметного содержания текста (своего рода «квант» информации) и состоящая из предикативно определяемого компонента (субъекта) и предизируемого признака (предиката).

В отечественной лингвистике данное понятие «предикация» исходно сложилось, как известно, в грамматической теории В.Г. Адмони [16] и обозначает как сам процесс «приписывания» в речемыслительном акте предметно мыслимому понятию динамического, протекающего во времени признака, так и результат «взаимного приписывания», обнаруживаемого в структурно-грамматической форме предложения [16: 43]. Сходное понятие достаточно активно применяется при описании грамматических структур текста и зарубежными языковедами [2; 14]. Так, Х. Вайнрих определяет предикацию практически сходным с В.Г. Адмони образом: «Предикацией мы обозначили особую структуру с детерминативными отношениями компонентов, в которой субъекту приписывается предикат, а именно, с интенцией подчеркнутого утверждения (ассерции)»¹ [14: 183].

При выявлении удельного веса текстовых структур с семантической вопросительности лингвистическому анализу были подвергнуты более 8500 предикаций. Это общее количество предикаций составляет исходное основание оценки частотности исследуемых структур, вербализующих разные содержательные типы вопросительности, и не учитывает распределение языковых форм на синтаксически ядерные (матричные) и зависимые (придаточные). Иначе говоря, количество финитных форм предикатов в изученных текстах соответствует количеству проанализированных предикаций.

¹ «Eine Prädikation haben wir als ein Determinationsgefüge besonderer Art bezeichnet, in dem einem Subjekt ein Prädikat zugesprochen wird, und zwar mit dem Geltungsanspruch einer ausdrücklichen Feststellung» [14: 183].

В ассертивной (экспликативно-аргументативной) «среде» научного сообщения интеррогативные структуры как типичные элементы диалогического дискурса приспособляются к новому прагматическому контексту, в котором изменяются все главные параметры коммуникативной ситуации: роли коммуникантов и пространственно-временные условия общения. Смена режима коммуникации, или «коммуникативного модуса», по Н.К. Рябцевой [24: 82–83], применительно к обсуждаемым структурам происходит в следующем направлении: синхронная двусторонняя вопросно-ответная интеракция → дистантное однопольное сообщение.

Исходя из широко принятого в лингвистической прагматике тезиса о том, что в интенциональном плане вербальная коммуникация покрывается тремя основными предназначениями языка: трансфером знаний, координацией действий и выражением чувств («Wissenstransfer», «Handlungskoordination», «Ausdruck von Empfindungen») [15; 9: 250–256], можно говорить о том, что прямые и косвенные вопросительные структуры в научном тексте не меняют ингерентно присущей им «прикрепленности» к эпистемическим ситуациям получения и трансфера знаний. Вместе с тем они обнаруживают и некоторые принципиальные функционально-содержательные отличия.

Косвенно-вопросительные высказывания изначально приспособлены к «ассертивному модусу» и органично входят в контексты научного сообщения. Их информирующая интенциональность отражена даже в специальном немецкоязычном термине «Inhaltssätze». Этот термин широко принят в современных немецких грамматиках как родовое обозначение для всех типов придаточных дополнительных предложений, объединяющее внутри себя целый ряд семантико-синтаксических подклассов, в том числе косвенно-вопросительные предложения, содержащие косвенную речь («indirekte Fragesätze») и не содержащие косвенной речи и служащие для выражения проблематичности, спорности, сомнительности и подобно именуемого в предложении положения вещей («Fragenebensätze») [7: 67–68; 3: 1042–1043; 6: 315]. Уже «внутренняя форма» термина «Inhaltssätze» указывает на то, что такие придаточные предложения эксплицируют (истолковывают / раскрывают) содержание компонентов синтаксически матричного предложения, т. е. в целом коммуникативно направлены на сообщение. Принимая во

внимание эту общую интенциональность сложноподчиненных предложений с придаточными дополнительными, П. Айзенберг задается справедливым вопросом: «Имеют ли косвенные вопросы, как и прямые в их обычном употреблении, какое-либо отношение к вопросительности?»² [6: 315]. При этом по традиции он присоединяется к положительному ответу на этот вопрос со ссылкой на Й. Эрбена, Х. Бринкманна, Х. Вайнриха и других грамматистов, поскольку косвенно-вопросительные структуры в подавляющем большинстве случаев допускают коррелятивную трансформацию в прямой синтаксически самостоятельный вопрос. Такая синтаксическая трансформация является сама собой разумеющейся и естественной для построений, содержащих косвенную речь («indirekte Fragesätze»): Er fragte, ob ich käme → Er fragte: „Kommst du?“. Но становится затруднительной и отнюдь не очевидной для всех других придаточных дополнительных, ср.: Sie weiß, ob er kommt ≠ *Sie weiß: „Kommt er?“.

Принципиальное уточнение на этот счет вносится в дуденовской «Грамматике»: все косвенно-вопросительные предложения (за редким исключением) допускают преобразование в синтаксически самостоятельное предложение, но при трансформации косвенно-вопросительных структур, не содержащих косвенной речи, должна быть показана их семантическая дополнительность, нацеленность на выражение внутреннего содержания когнитивных состояний знания, мнения, сомнения, рациональной оценки и т. д. говорящего. Эта особенность косвенно-вопросительных структур второго типа проиллюстрирована в дуденовской «Грамматике» через позиционное предшествование в трансформации прямого вопроса обозначению внутреннего эпистемического состояния субъекта: (1) Sie weiß, ob er kommt → (2) Kommt er? — Sie weiß es. [3: 1042].

Сравнение исходного косвенно-вопросительного предложения (1) и трансформации с прямым вопросом (2) показывает, что в предложении (1) собственно вопросительность в информационно-смысловой структуре данного сообщения отодвинута на задний план и представлена в ослабленном виде как рефлексия говорящего

² „Haben indirekte Fragesätze wie direkte im Normalfall etwas mit dem Fragen zu tun?“ [6: 315].

на предполагаемые знания адресата о ситуации «er kommt». Формально снижение «градуса» вопросительности отражено в понижении синтаксического ранга вопроса до уровня зависимого придаточного предложения. Коммуникативная и семантическая девальвация вопросительности в контекстах научного текста присуща и вопросительным высказываниям в форме синтаксически самостоятельных предложений.

Прямые вопросы (в особенности без вербальной контекстуальной подготовки) претерпевают значительную коммуникативную трансформацию при вхождении в ассертивный экспликативно-аргументативный контекст научного сообщения. Функционально они сближаются с косвенно-вопросительными построениями, так как не служат здесь более как в диалоге для запроса отсутствующей информации, а используются в целях передачи информации, участвуя в формулировании проблемности. Но при этом, как показал проведенный анализ, вопросы в форме синтаксически самостоятельных предложений, как правило, совмещают функцию экспликации решаемой научной проблемы с ярко выраженными прагматориторическими функциями. Критически низкая частотность обращается для них повышенным коммуникативно-прагматическим потенциалом в нетипичном окружении и делает их одним из мощных инструментов ведения научной дискуссии.

В коммуникативно-ориентированной функциональной лингвистике текста давно осознанно, что автор научного текста, следуя канонам жанра, стремится не только беспристрастно и объективно представить свои идеи, но и изложить их в предельно убедительной и прагматически эффективной форме, чтобы его точка зрения и личный вклад в разработку проблемы были восприняты и получили ответный отклик [17: 242; 13: 260]. Поэтому он активно использует стратегии воздействия и контроля над вниманием адресата. В частности, это становится желательным и даже необходимым, когда автору научного сообщения требуется привлечь внимание адресата к новому повороту в обсуждении проблемы или подготовить почву для новых аргументов. В качестве инструмента, приводящего в действие стратегию привлечения внимания реципиента и акцентирования ключевых моментов в развитии экспликативно-аргументативного процесса, используются в том числе и вопросительные структуры в форме синтаксически самостоятельных предложений.

При этом способы их включения в текст могут быть разными: как с предварительной контекстуальной подготовкой, так и без неё.

В прагматическом плане прямым вопросам без вербальной подготовки в известной степени сопутствует эффект неожиданности, что, естественно, создает коммуникативное напряжение в ожиданиях адресата, например:

(1) ... muss betont werden, dass es auch eine positive Bewertung von Stilelementen in der Oberflächenstruktur gibt. **Wie aber kann man das Phänomen Stil im Rahmen der Pragmalinguistik fassen?** Wenn Sprache nicht ein ... starres System ist, sondern identisch mit Handeln, dann ... (Ernst 2002, 171).

(2) Der Ausdruck „Wissenschaft“ lässt das spezifische Verhältnis dieser gesellschaftlichen Unternehmung, der Wissenschaft, zum Wissen recht direkt erkennen. Er ist zudem hinreichend abstrakt ... **Was aber bedeutet Wissenschaft, sofern die Sprache betroffen ist?** Die Beziehung zum Wissen wird hier ... (Ehlich 1995, 341).

(3) ... Die hier skizzierte Form von aufklärerischer Sprachkritik aber hat ... das Ziel, die Fähigkeit zu einer begründeten und begründbaren Sprachkritik als allgemeine kulturelle Fähigkeit zu vermitteln, nahezu ebenso wie das Lesen oder Schreiben, wie Kenntnisse über Geschichte und Literatur. (...) Sprachkritik in diesem Sinne ist folglich ein Bestandteil von sprachlicher Ausbildung und sprachlicher Bildung, mithin ein Gegenstand für die Schule. **Wie lässt sich dieser Anspruch der aufklärerischer Sprachkritik begründen?**

Normreflexion und Normbewertungen als sprachkritische Tätigkeit ... (Schiewe 2011, 24).

Приведенные вопросительные высказывания следует рассматривать как языковые сигналы, указывающие адресату на стремление автора научного текста сфокусировать внимание на новой грани обсуждаемой проблемы (1) и (2) или расширить доказательную базу предыдущей аргументации и благодаря этому повысить в глазах реципиента достоверность исследования в целом (3).

Наблюдение над текстовым материалом, кроме того, показало, что эксплицитно не подготовленные предтекстом синтаксически

самостоятельные вопросительные предложения с функцией введения новой (под)темы или новых аргументов в пользу авторской точки зрения тяготеют к употреблению в строго определенных частях текста, а именно: в начальных абзацах разделов или же на границах абзацев лингвистических работ. Таким образом, их применение имеет структурно-композиционное измерение; см. примеры (1), (3), а также нижеследующие:

(4) 6. Der Ressourcencharakter der Sprache und das sprachliche Handeln (Здесь и далее подчеркнуто мною. – С.Н.)

Offensichtlich haben Sprachen, hat Sprache Struktur. Oder, anders gesagt, sie hat eine Menge von Strukturen. ***Was hat es damit auf sich?***

Hier kann es nützlich sein ... (Ehlich 2006, 17).

(5) 4. Wissenschaftssprachliche Strukturen und der Rahmen der Fachsprachanalyse

Die in § 3 vorgestellten Daten sind leider keine Einzelfälle. Wie repräsentativ sie sind, ist auf der Grundlage umfangreicher Korpora weiter zu eruieren. ***Was aber kennzeichnet die Art von sprachlichen Strukturen, die den Kandidaten solche erhebliche Mühe gemacht haben?*** Immerhin haben ... (Ehlich 1995, 336).

Формулирование проблемности в опоре на семантический потенциал прямых вопросительных структур нередко сопровождается в научном тексте стандартизованными вводными высказываниями, оформленными предикациями с семантикой возникновения / появления / наличия проблемы типа Die Frage stellt sich / ergibt sich / drängt sich auf; Das Problem bleibt; Die Frage hält stets präsent im Hintergrund; Die Frage muss lauten и др., например:

(6) Als allgemeine Kommunikationstheorie ist die Sprechakttheorie aber nicht geeignet, ... ***Es erhebt sich daher die Frage: Wie erkennen die Hörer ... die kommunikative Funktion von Äußerungen?*** Die meisten sprachlichen Ausdrücke können ... (Ernst 2002, 121).

(7) ***Es ergibt sich die Frage, ob dieses unterschiedliche Verhalten von so ... als korrelatives so zusammengefasst werden kann***

... Wie kommt es zu der Weglassbarkeit in (9) und der Nichtweglassbarkeit in (10)? In (9) besetzt so ... (Hennig 2006, 418).

(8) ... so bleibt das Problem, was eigentlich gemeint ist, wenn man sagt, dass ein bestimmter Text ... pragmatische Präsuppositionen mache: Ist damit das gesamte Wissen gemeint ...? Ist nur das Wissen gemeint, das er beim Rezipienten ... voraussetzt? Oder hebt der Begriff der pragmatischen Präsupposition gar nicht (nur) auf solche Wissensbestände ab ...?

Можно заметить, что в последних двух примерах прямые и косвенные вопросительные структуры используются параллельно. Вместе с тем, их вклад в экспликацию обсуждаемой проблемы и стимулирование научной дискуссии несколько различается, так как они вступают в смысловое взаимодействие не только с текстовым содержанием в целом, но и друг с другом. Проблемность, сформулированная посредством косвенно-вопросительного предложения в более общем виде, получает здесь конкретизацию и уточнение в серии синтаксически самостоятельных вопросов. Поэтому в таком применении прямые вопросы оказываются текстуально подготовленными дважды: через вводящую речевую стереотипную формулу и косвенно-вопросительную структуру. В отличие от первых приведенных текстовых фрагментов с «неподготовленными» вопросами повышенное прагматическое воздействие на адресата опирается здесь не на эффект «неожиданности», а на механизм смыслового повтора и нагнетания коммуникативного напряжения.

Особо следует сказать о вопросительных структурах, которые вводятся шаблонными модализированными формулами с *müssen*. Эксплицируя внутреннее состояние автора, модальный глагол *müssen* является не только имплицитным маркером «присутствия говорящего», но и, благодаря своей деонтической семантике долженствования, сигнализирует о переходе от дистанцированно-обезличенного научного изложения к активному личному вмешательству автора в аргументативный процесс. Это выражается в категоричном навязывании собственной точки зрения и, так сказать, «нажиме» на адресата, но формально всё преподносится как объективная необходимость, например:

(9) 2.3.2. Pragmatische und semantische Präsuppositionen

Nach allem bisher Gesagten *muss die Kernfrage lauten: Sind Präsuppositionen Elemente der Semantik oder Pragmatik? Und wie kann man ... die Präsuppositionen ermitteln?* Als brauchbarste Lösung haben sich zwei Theorien erwiesen ... (Ernst 2002, 33).

(10) *Die allgemeinste Frage der Gesprächsanalyse muss lauten: Was passiert in einem Gespräch, damit wir kommunizieren können?* Dazu muss man ... (Ernst 2002, 128).

Таким образом, в ассертивной «среде» научного сообщения собственно вопросительные и косвенно-вопросительные структуры используются автором прежде всего для формулирования проблемности. Однако такое формулирование всегда оказывается прагматически заряженным, выделенным на фоне плавной, логически выстроенной подачи научной информации. В связи с этим вопросительные структуры, вербализующие проблемность, используются по большей мере в «узловых» частях научного текста, в которых вводятся новые (под)темы для обсуждения, подготавливается почва для дополнительных аргументов, планируются дальнейшие шаги научного анализа и т. д. Они оказываются текстовыми сигналами комплексного назначения, при помощи которых автор научного текста приводит в действие различные коммуникативные стратегии, объединенные единой целью — целью продвижения вперед научной аргументации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Brinkmann, H.* Sprache als Teilhabe. Ansätze zur Sprachwissenschaft / Hrgs. M. Scherner. Düsseldorf: Schwann, 1981.
2. *Chafe, W.* Integration and involvement in speaking, writing, and oral literature // Spoken and written language: Exploring orality and literacy / ed. D. Tannen Norwood, 1982.
3. *Duden.* Die Grammatik. Unentbehrlich für richtiges Deutsch. 8., überarb. Aufl. Mannheim; Zürich: Dudenverlag, 2009.
4. *Ehlich, K.* Die Lehre der deutschen Wissenschaftssprache: sprachliche Strukturen, didaktische Desiderate // Linguistik der Wissenschafts-

sprache / Hrsg. H.L. Kretzenbacher, H. Weinrich. Berlin, New York: de Gruyter, 1995. S. 325–349.

5. *Ehlich, K.* Text und sprachliches Handeln. Die Entstehung von Texten aus dem Bedürfnis nach Überlieferung // A. Assmann, J. Assmann, Chr. Hardmeier Schrift und Gedächtnis. Beiträge zur Archäologie der literarischen Kommunikation / Hrsg. A. Assmann, J. Assmann, Chr. Hardmeier. München: Fink, 1983. S. 24–43.

6. *Eisenberg, P.* Grundriss der deutschen Grammatik. Bd. 2: Der Satz. 4., aktualis. und überarb. Aufl. Stuttgart; Weimar: Metzler, 2013.

7. *Engel, U.* Deutsche Grammatik: Neubearbeitung. 2., durchges. Aufl. München: Iudicium, 2009.

8. *Graefen, G.* Der wissenschaftliche Artikel — Textart und Textorganisation. Frankfurt a.M.; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Peter Lang, 1997.

9. *Graefen, G., Liedke, M.* Germanistische Sprachwissenschaft. Deutsch als Erst-, Zweit- oder Fremdsprache. 2., überarb. Aufl. Tübingen; Basel: A. Francke Verlag, 2012.

10. *Lyons, J.* Semantics. Vol. 1, 2. London etc.: Cambridge univ. press., 1978.

11. *Redder, A.* Kohärenz und Kohäsion // Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. 1. Halbband. Berlin; New York: de Gruyter, 2000. S. 275–283.

12. *Steinhoff, T.* Zum ich-Gebrauch in Wissenschaftstexten // Zeitschrift für germanistische Linguistik. 2007. Vol. 35. S. 1–26.

13. *Weinrich, H.* Sprache, das heißt Sprachen. 3., ergänz. Aufl. Tübingen: Narr, 2006.

14. *Weinrich, H.* Textgrammatik der deutschen Sprache. 4., revid. Aufl. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag, 2007.

15. *Zifonun, G., Hoffmann, L., Stecker, B.* et al. Grammatik der deutschen Sprache. 3 Bde. Berlin; New York: de Gruyter, 1997.

16. *Адмони, В.Г.* О предикативности // Учен. записки Ленинградск. пед. ин-та. 1957. Т. 28, вып. 2. Ленинград: Ф-т иностр. языков. С. 23–44.

17. *Кожина, М.Н.* Научный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта; Наука, 2006. С. 242–248.

18. *Кожина, М.Н.* О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими: учеб. пособие. Пермь: Изд-во Пермск. ун-та, 1972.

19. *Нефёдов, С.Т.* «Нарративный запрет» в лингвистическом дискурсе // Научное мнение: научный журнал / Санкт-Петербургский университетский консорциум. № 9. СПб., 2014. С. 9–19.

20. *Нефёдов, С.Т.* Императивы лингвистического дискурса // Научное мнение: научный журнал / Санкт-Петербургский университетский консорциум. № 5. СПб., 2014. С. 58–64.

21. *Падучева, Е.В.* Семантические исследования (Семантика времени. Семантика нарратива). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

22. *Падучева, Е.В.* Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 3–18.

23. *Пумлянский, А.Л.* Функциональный стиль научной и технической литературы // Вопросы языкознания. 1977. № 2. С. 87–97.

24. *Рябцева, Н.К.* Коммуникативный модус и метаречь // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 82–92.

Источники иллюстративного материала

Egbert 2002 — *Egbert, M.* Syntaktische Merkmale von übrigens in der Hauptposition: im Mittelfeld des Verb-Zweit-Satzes. Zeitschrift für germanistische Linguistik. 2002. Vol. 30. S. 1–22.

Ehlich 1995 — *Ehlich, K.* Die Lehre der deutschen Wissenschaftssprache: sprachliche Strukturen, didaktische Desiderate // Linguistik der Wissenschaftssprache / Hrsg. H.L. Kretzenbacher, H. Weinrich. Berlin, New York: de Gruyter, 1995. S. 325–349.

Ehlich 2006 — *Ehlich, K.* Sprachliches Handeln — Interaktion und sprachliche Strukturen // A. Deppermann, R. Fiehler, Spranz-Fogasy. Grammatik und Interaktion. Untersuchungen zum Zusammenhang von grammatischen Strukturen und Gesprächsprozessen / Hrsg. A. Deppermann, R. Fiehler, Spranz-Fogasy. Radolfzell: Verlag für Gesprächsforschung, 2006. S. 11–20.

Ernst 2002 — *Ernst, P.* Pragmalinguistik. Grundlagen. Anwendungen. Probleme. Berlin; New York: de Gruyter, 2002.

Hennig 2006 — *Hennig, M.* So, und so, und so weiter. Vom Sinn und Unsinn der Wortklassifikation // *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. 2006. Vol. 34. S. 409–431.

Kretzenbacher 1995 — *Kretzenbacher, H.L.* Wie durchsichtig ist die Sprache der Wissenschaften? // *Linguistik der Wissenschaftssprache*. / Hrsg. H.L. Kretzenbacher, H. Weinrich. Berlin, New York: de Gruyter, 1995. S. 325–349.

Linke, Nussbaumer 2000 — *Linke, A., Nussbaumer, M.* Konzepte des Impliziten: Präsuppositionen und Implikaturen // *Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung*. 1. Halbband. Berlin; New York: de Gruyter, 2000. S. 435–448.

Schiewe 2011 — *Schiewe, J.* Was ist Sprachdidaktik? Einige programmatische Überlegungen // B. Arendt, J. Kiesendahl. *Sprachkritik in der Schule. Theoretische Grundlagen und ihre praktische Relevanz* / Hrsg. B. Arendt, J. Kiesendahl. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2011. S. 19–30.

Steinhoff 2007 — *Steinhoff, T.* Zum ich-Gebrauch in Wissenschaftstexten // *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. 2007. Vol. 35. S. 1–26.

Thaler 2007 — *Thaler, V.* Mündlichkeit, Schriftlichkeit, Synchronizität. Eine Analyse alter und neuer Konzepte zur Klassifizierung neuer Kommunikationsformen // *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. 2007. Vol. 35. S. 146–181.

REFERENCES

1. *Brinkmann, H.* Sprache als Teilhabe. Ansätze zur Sprachwissenschaft / Hrsgs. M. Scherner. Düsseldorf: Schwann, 1981.

2. *Chafe, W.* Integration and involvement in speaking, writing, and oral literature // Tannen D. (ed.) *Spoken and written language: Exploring orality and literacy*. Norwood, 1982.

3. *Duden*. Die Grammatik. Unentbehrlich für richtiges Deutsch. 8., überarbeitete Aufl. Mannheim, Zürich: Dudenverlag, 2009.

4. *Ehlich, K.* Die Lehre der deutschen Wissenschaftssprache: sprachliche Strukturen, didaktische Desiderate // *Linguistik der Wissenschaftssprache* / Hrsg. von H.L. Kretzenbacher, H. Weinrich. Berlin, New York: de Gruyter, 1995. S. 325–349.

5. *Ehlich, K.* Text und sprachliches Handeln. Die Entstehung von Texten aus dem Bedürfnis nach Überlieferung // A. Assmann, J. Assmann,

Chr. Hardmeier Schrift und Gedächtnis. Beiträge zur Archäologie der literarischen Kommunikation / Hrsg. München: Fink, 1983. S. 24–43.

6. *Eisenberg, P.* Grundriss der deutschen Grammatik. Bd. 2: Der Satz. 4., aktualis. und überarb. Aufl. Stuttgart; Weimar: Metzler, 2013.

7. *Engel, U.* Deutsche Grammatik: Neubearbeitung. 2., durchgesehene Aufl. München: Iudicium, 2009.

8. *Graefen, G.* Der wissenschaftliche Artikel — Textart und Textorganisation. Frankfurt a.M.: Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Peter Lang, 1997.

9. *Graefen, G., Liedke, M.* Germanistische Sprachwissenschaft. Deutsch als Erst-, Zweit- oder Fremdsprache. 2., überarb. Aufl. Tübingen; Basel: A. Francke Verlag, 2012.

10. *Lyons, J.* Semantics. Vol. 1, 2. London etc.: Cambridge univ. press., 1978.

11. *Redder, A.* Kohärenz und Kohäsion // Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. 1. Halbband. Berlin; New York: de Gruyter, 2000. S. 275–283.

12. *Steinhoff, T.* Zum ich-Gebrauch in Wissenschaftstexten // Zeitschrift für germanistische Linguistik. 2007. Vol. 35. S. 1–26.

13. *Weinrich, H.* Sprache, das heißt Sprachen. 3., ergänz. Aufl. Tübingen: Narr, 2006.

14. *Weinrich, H.* Textgrammatik der deutschen Sprache. 4., revidierte Aufl. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag, 2007.

15. *Zifonun, G., Hoffmann L., Stecker B.* et al. Grammatik der deutschen Sprache. 3 Bde. Berlin; New York: de Gruyter, 1997.

16. *Admoni, V.G.* O predikativnosti [About predication] // Uchen. zapiski Leningradsk. ped. in-ta. T. 28. Vyip. 2. Leningrad: F-t inostr. Yazyikov, 1957. S. 23–44 (in russia).

17. *Kozhina, M.N.* Nauchnyiy stil [Scientific Style] // Stilisticheskiiy entsiklopedicheskiy slovar russkogo yazyika / pod red. M.N. Kozhinoy. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva: Flinta; Nauka, 2006. S. 242–248 (in russia).

18. *Kozhina, M.N.* O rechevoy sistemnosti nauchnogo stilya sravnitelno s nekotoryimi drugimi [About systematic of scientific style by comparision with some other]: ucheb. posobie. Perm: Izd-vo Permsk. un-ta, 1972 (in russia).

19. *Nefedov, S.T.* «Narrativnyiy zapret» v lingvisticheskom diskurse [«Narrative prohibition» in linguistic discourse] // Nauchnoe mnenie:

nauchnyiy zhurnal / Sankt-Peterburgskiy universitetskiy konsortsium. SPb., 2014. № 9. S. 9–19 (in russia).

20. *Nefedov, S.T.* Imperativyi lingvisticheskogo diskursa [The imperatives of linguistic discourse] // Nauchnoe mnenie: nauchnyiy zhurnal / Sankt-Peterburgskiy universitetskiy konsortsium. SPb., 2014. № 5. S. 58–64 (in russia).

21. *Paducheva, E.V.* Semanticheskie issledovaniya (Semantika vremeni. Semantika narrativa) [The Semantic investigations (The semantics of time. The semantics of narrative)]. Moskva: Shkola «Yazyiki russkoy kulturyi», 1996 (in russia).

22. *Paducheva, E.V.* Egotsentricheskie valentnosti i dekonstruktsiya govoryaschego [The egocentric valence and the deconstruction of speaker] // Voprosyi yazykoznavaniya. № 3. 2011. S. 3–18 (in russia).

23. *Pumlyanskiy, A.L.* Funktsionalnyiy stil nauchnoy i tehnikeskoy literatury [The functional style of scientific and technical literature] // Voprosyi yazykoznavaniya. 1977. № 2. S. 87–97 (in russia).

24. *Ryabtseva, N.K.* Kommunikativnyiy modus i metarech [The communicative modus and the metacommunication] // Logicheskiy analiz yazyika: Yazyik rechevyih deystviy. Moskva: Nauka, 1994. S. 82–92 (in russia).

Нефёдов Сергей Трофимович

Доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии СПбГУ.

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Sergej T. Nefedov

Full Doctor of Philological Sciences, Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University.

Address: 7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: nefedovst@gmail.com

**МЕТАДИСКУРСИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ
КАК ТИПИЧНЫЕ СТРУКТУРЫ ЯЗЫКА НАУКИ
(на примере немецкоязычных лингвистических
монографий)**

Ключевые слова: язык науки, метадискурс, научный текст, метадискурсивные маркеры, авторизованность

Метадискурс следует рассматривать как один из видов проявления авторской субъективности в тексте. В научных текстах присутствие автора маркируется разными классами грамматических единиц. В статье представлены имеющиеся в немецкоязычных лингвистических текстах метадискурсивные элементы по форме и функциям, дано количественное соотношение наиболее частотных функциональных видов. Посредством метадискурсивных маркеров автор комментирует сам процесс коммуникации, свою речевую деятельность в ориентации на адресата, что делает восприятие сложной научной информации более эффективным и надежным.

E. K. ABDURRAKHMANOVA

St. Petersburg State University

**METADISOURCE ELEMENTS
AS TYPICAL STRUCTURES OF ACADEMIC LANGUAGE
(by the example of german linguistic monographs)**

Keywords: academic language, metadiscourse, academic text, metadiscourse markers, authorization

Metadiscourse should be considered as one of manifestation of the text subjectivity. In the linguistic texts presence of author markers with different arts of grammatical units. This paper discusses form and functions of the metadiscourse elements in german linguistic texts, briefly presents quantitative ratio of the most frequency functions of this elements. With the aid of the metadiscourse markers an author comments the act of communication, his speech activity in orientation on recipient, which makes perception of complicated information more effective and reliable.

Термин «метадискурс» был введен Зелигом Харрисом (Harris 1959), чтобы описать текстовые элементы, которые комментируют информацию в тексте, но сами не содержат существенной информации о предмете речи. На сегодняшний день существует множество дефиниций понятия «метадискурс» (Vande Kopple 1985, 2002; Crismore, Fansworth 1990; Markkanen 1993; Luuka 1994; Bunton 1999; Hyland 2000, 2005; Hyland, Tse 2004; Dafouz 2003). Так, А. Крисмор считает целью метадискурсивных элементов «направлять, а не информировать читателя» [6, с. 280]. В. Вэйнд Коппл определяет метадискурс как «дискурс, который используют не для того, чтобы раскрыть референциальный материал, а для того, чтобы помочь читателю связать, организовать, интерпретировать и оценить материал» [9, с. 83]. Х. Хайланд утверждает, что метадискурс воплощает идею, что коммуникация больше, чем обмен информацией между коммуникантами, она включает в себя также субъективное начало, отношение и предположения говорящего о ходе самого коммуникативного процесса. Отсюда следует, что автор не только репрезентирует информацию, но и вносит изменения в ход рассуждений, а также пытается взглянуть на сообщаемое с позиций читателя [8, с. 3].

Метадискурсивные элементы не несут важной информации о теме научного текста, а помогают структурировать его и ориентировать читателя в потоке передаваемой автором-исследователем научной информации. Выражения с метадискурсивной функцией реферируют не к предметно-тематической линии сообщения, а к различным аспектам самого процесса интеракции [3, с. 99]. Образно описала тексты с метадискурсивными маркерами Анна Вежбицка: «... в сознании слушающего возникает двухголосный текст. Не диалог, а двухголосье: воссоздаваемая («понимаемая») последовательность предложений отправителя и собственный комментарий... Высказывание о предмете может быть переплетено нитями высказываний о самом высказывании. В определенном смысле эти нити могут сшивать текст о предмете в тесно спаянное целое, высокой степени связность. Иногда они служат именно для этого» [1, с. 403–404]. Такие «нити» Анна Вежбицка называет «метатекстовыми».

Метадискурсивные элементы представлены в научном тексте разными грамматическими формами: от отдельного слова до целых

предложений или даже цепочки предложений. Материал собранных метадискурсивных элементов из немецкоязычных лингвистических статей позволяет выделить следующие основные структурно-грамматические типы данных единиц.

Метадискурсивные элементы могут быть представлены в научном тексте: 1) отдельными словоформами: *einerseits, andererseits, erstens, zweitens, nämlich, letztlich* и т. д.; 2) предложно-субстантивными группами: *mit anderen Worten, im Folgenden, von ungeheurer Bedeutung, aus dem bisher Gesagten*; 3) простыми предложениями в составе сложного: *Es geht dabei also darum; Beispiel X zeigt, dass; wie wir noch sehen werden; wie bereits erwähnt; es ist schwer zu sagen, was...* и т. д.

Помимо того, что метадискурсивные элементы гетерогенны по своей структуре, они выполняют и разные функции в научном тексте. В ходе анализа собранного корпуса примеров, насчитывающих 1039 предложений с метадискурсивными элементами из немецкоязычных лингвистических статей, были выделены наиболее частотные их функции.

1. Текстовые связки

Метадискурсивные структуры в данной функции определенным образом добавляют информацию, связывают части текста, структурируют текст. Данный тип метадискурсивных построений составил 53 % от всего количества примеров и является самым многочисленным. Текстовые связки можно разделить на 5 подвидов в зависимости от способа введения информации в текст.

В зависимости от этого можно говорить о следующих более частных функциях:

а) функция распределения информации в необходимой для автора последовательности по степени релевантности, сопровождающейся членением текста на структурно-смысловые части: *vor allem, in erster Linie, zuerst, erstens, zweitens, drittens, so, also, zunächst, zudem, zum einen, zum anderen, einerseits, andererseits, letztendlich*.

Damit erfasst Paduceva zwei wichtige Punkte, die bei Lyons unklar bleiben und keine Beachtung finden: **zum einen**, dass der Bezugspunkt sprachlicher Einheiten nicht nur der 'Sprecher' sein kann, und **zum anderen**, dass dieser 'Sprecher' nicht als tatsächlich existente, unteilbare und selbst-identische Einheit aufgefasst werden (*Sonnenhauser, 4*);

б) функция интерпретации и маркирования семантико-смысловых отношений между частями текста: *damit, hierfür, demzufolge, darüber hinaus, außerdem, somit, so, also, dementsprechend, ebenfalls, vgl., ebenso, genauso wie*.

Auffällig ist **zudem** die fehlende Unterscheidung solch zentraler Begriffe wie ‘Subjekt’, ‘Selbst’, ‘Subjektivität’ und ‘Selbstbewusstsein’, die oft wie selbstverständlich synonym verwendet werden. (*Sonnenhauser, 17*);

Da auch generische Pronomen wie *man* Eigenschaften wie Pronomen der ersten und zweiten Person aufweisen, rechnet er sie **ebenfalls** zu den egophorischen Ausdrücken — **genauso wie** logophorische Verwendungen des Pronomens der dritten Person (*Sonnenhauser, 33*);

в) функция отсылки к предыдущему/ следующему внутритекстовому окружению / контексту (ретроспекция и проспекция) — *als nächstes, im Folgenden, aus dem bisher Gesagten, wie wir noch sehen werden, weiter, wie wir schon gesehen haben, es wurde bereits erwähnt, wie bereits erwähnt, wie sich später zeigen wird, oben erwähnt, dies*.

Wie sich später zeigen wird (vgl. v.a. **Kapitel 4.3**), reduzieren sich beide damit letztendlich auf eine ontologische Komponente, und sind dadurch gegeneinander austauschbar (*Sonnenhauser, 21*);

г) функция выделения релевантного в тексте, актуализация тех или иных содержательных моментов текста: *besonders, insbesondere, hat darauf aufmerksam gemacht, dass...*

Da die Gesprächsanalyse **insbesondere** in Finnland ein neues Gebiet ist, sind die Diskussionen, die ich mit deutschen Linguisten habe führen können, für mich von einer ganz entscheidenden Bedeutung gewesen (*Tittula, 5*)

д) о функции введения сообщаемого путем пояснения или конкретизации; перефразируя ту или информацию, автор объясняет, поясняет, уточняет: *bwz. (beziehungsweise); nämlich; und zwar; genauer gesagt; müssen wir uns demnach klar darüber sein, dass; interpretiert als; es geht also darum; wenn wir exakt vorgehen wollen; mit anderen Worten, anders gesagt, das heißt*.

Er sieht **nämlich** im Diskurs der ersten Person, in dem der Sprecher als lokutionäres Agens sich auf sich selbst als Ego bezieht und im Standardfall dafür einen Ausdruck mit der Bedeutung ‘ego’ oder ‘selbst’ in der Rolle des syntaktischen Subjekts verwendet, größere Subjektivität, als im Diskurs der dritten Person (*Sonnenhauser, 17*).

2. Метадискурсивные структуры в субъективно-оценочной функции

Метадискурсивные маркеры оценки или отношения автора к сообщаемому составляют около 24 % и представлены в научном тексте языковыми единицами, подобными нижеследующим: *zentral, grundlegend, bemerkenswert, sinnvoller wäre es, auffällig, wichtig, möglich, unmöglich, notwendig, relevant, fraglich, von einer ganz entscheidenden Bedeutung sein, von ungeheurer Bedeutung sein, bedeutend.*

In diesem Kapitel komme ich auf **die wichtigsten** Abgrenzungskriterien zurück und versuche, den Gegenstand dieser Untersuchung, den Metadiskurs, näher zu bestimmen (*Tittula, 34*).

3. Эпистемические метадискурсивные элементы

Метадискурсивные элементы с данной функцией составляют 14 % от всего корпуса примеров и относятся к сфере познания говорящего, его речемыслительным процессам. Они эксплицитно обозначают научно-познавательные операции автора-исследователя, такие, как выдвижение гипотезы, её доказательство, представление аргументов, обобщение закономерностей в виде утверждений и т. д., которые он совершает по ходу научной аргументации; например: *wird angenommen, werden hier analysiert, ich behaupte immer noch, können wir sagen, es sei hier aber nur festgestellt, so kann man vermuten, dass..., ich hoffe, scheint, es scheint.*

Dennoch **wird angenommen**, dass sie über eine nicht nur raumzeitlich fixierte, sondern auch über eine transzendente Identität verfügt (*Sonnenhauser, 14*).

Ich **hoffe**, daß diese Arbeit zur konstruktiven methodologischen Diskussion auf dem Gebiet der Gesprächsanalyse anregen kann (*Tittula, 5*).

4. Дейктические метадискурсивные элементы (5 %)

К ним относятся такие слова, как *hier, mein, unser, ich, wir, uns, jetzt*. Данные метадискурсивные элементы отсылают к личности автора, адресанту, к коммуникативной ситуации.

So können **wir uns** z.B. nach Techtmeier „nicht auf Äußerungen beschränken, die sprachliche Oberflächenphänomene oder Äußerungs-

funktionen zum Gegenstand haben, sondern haben auch Äußerungen als ‘metakommunikativ’ einzustufen...“ (Tittula, 42)

5. Ссылки (4 %)

Данную функцию выполняют следующие метадискурсивные элементы: *nach X, wie X mehrfach betont, seiner Meinung nach, bei X*. Они актуализируют такое свойство научного стиля, как диалогичность: тексты научного стиля — это всегда борьба идей, взаимодействие старых и новых взглядов.

Wie Jakobson mehrfach betont, ist Sprache zu verstehen als „ein System der Systeme, ein Gesamtcode (overall code), der verschiedene Sondercodes (subcodes) enthält“ (Sonnenhauser, 60).

Следует отметить, что не все метадискурсивные элементы поддаются четкой классификации, зачастую один и тот же метадискурсивный элемент может выполнять одновременно несколько функций, например обобщение и перефразирование, как это можно наблюдать на примере текстового фрагмента с элементом **also**: *Im Bezug auf die Fragen der Subjektivität von Sprache und des sprachlichen Ausdrucks von Subjektivität stellt sich das zusätzliche Problem, wie Subjektivität mit dem objektivierenden Medium der Sprache überhaupt in Zusammenhang gebracht werden kann. Es geht also um die Frage, inwiefern Sprache als Objektivierung des reflexiven Selbstbezugs dienen kann, ohne ein hypostasiertes Subjekt anzunehmen* (Sonnenhauser, 47). Здесь *also* в составе метадискурсивного высказывания *es geht um die Frage* позволяет автору перефразировать мысль и в то же время подвести итог тому, о чем было сказано в предыдущем предложении. Также неоднозначно можно рассматривать выделенный элемент в данном текстовом фрагменте: как один метадискурсивный элемент (*Es geht also um die Frage*) или как два отдельных метадискурсивных элемента (*Es geht um die Frage + also*). В этом состоит еще одна трудность выделения метадискурсивных элементов: кроме того, что функции этих элементов не имеют четких границ, они могут соединяться друг с другом, привнося в текст все новые способы введения информации.

Представленная выше классификация метадискурсивных единиц, собранных из немецкоязычных лингвистических монографий, позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, названные метадискурсивные элементы являются в большинстве случаев своего рода «заготовками» для данного типа текста. Особенно ярко это видно на примерах первой функциональной группы метадискурсивных элементов — текстовых связок. Они стереотипны и типичны для научного текста. Научный текст имеет свои характерные стилевые черты: объективность, точность, обобщенность, отвлеченность, логичность, доказательность, ясность [4, с. 22]. И метадискурсивные элементы не могут не соответствовать данным характеристикам текста, функции метатекстовых элементов зависят от указанных жанро-типологических черт научного стиля речи. Именно поэтому такие метадискурсивные элементы, как *einerseits, andererseits, letztendlich, vor allem, zunächst, bzw., das heißt, und zwar* и др. изобилуют в научном тексте, ведь они обладают имплицитной эгореферентностью, что соответствует правилам научного стиля.

Метадискурсивные структуры выполняют очень важную для научных текстов функцию членения научного сообщения на логически соотнесенные части и тем самым делают текст более транспарентным для восприятия потенциальным адресатом. Так, например, в метадискурсивной структуре *es sei zu betonen, dass...* важна семантика глагола *betonen*, обозначающего совершаемую исследователем научно-познавательную операцию выделения части передаваемой научной информации на фоне текущей аргументации. Таким образом автор именуется свои познавательные «шаги», ориентируясь на адресата.

Как уже отмечалось выше, метатекст не служит раскрытию темы текста, он комментирует саму коммуникацию. Тогда, казалось бы, данные элементы нарушают Принцип Кооперации Пола Грайса, а именно максимум релевантности: будь релевантным, говори по теме [2, с. 223]. Однако это ошибочное предположение: функции метадискурсивных элементов обусловлены прагматикой. Важнейшим свойством метадискурса является его ориентация на речевую ситуацию, на восприятие конкретного текста реципиентом. Метадискурс и метадискурсивные элементы соотносятся с такими прагматическими понятиями, как интенция адресанта текста, способ кодирования сообщаемого, восприятие текста адресатом. Для метадискурсивных элементов, в том числе для рассмотренных выше, текстовые функции лежат в сфере прагматики, точ-

нее — в «обслуживании» письменной научной коммуникации. Чаще всего метадискурсивные элементы выполняют текстообразующую функцию, формируя «метатекстовый каркас» основного текста [5, с. 80–92] и реализуют такую текстообразующую категорию, как связность текста.

Кроме того, другой важной функцией метадискурсивных элементов научного текста является то, что они поясняют информацию, комментируют сообщаемое. Автор сообщает о своих намерениях, предвосхищая последующую информацию в тексте, тем самым он вовлекает читателя в процесс коммуникации и учитывает его ожидания. Метадискурсивные элементы также являются способом выражения отношения автора к сообщаемому. Таким образом, метадискурсивные элементы выполняют важные прагматически ориентированные функции, они служат общей цели — совершить успешный коммуникативный акт, передать информацию как можно более последовательно, четко, логично и эффективно. Текст можно сравнить с мозаикой, пазлом, где имеется множество деталей, и чтобы получить полную картину, недостаточно просто приложить кусочки друг к другу, а важно их скрепить. Так, метадискурсивные элементы, подобно выступам и пазам на краях деталей мозаики, служащих для ее скрепления, формируют текст, связывают предложения в единое целое, мысли в единый логичный поток, тем самым делая текст понятным для читателя и удобным для его восприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вежбицка, А.* Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М.: 1978. С. 403–404.
2. *Грайс, Г.П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика, М., 1985. С. 223.
3. *Нефедов, С.Т.* Специфика кодирования метадискурсивной информации в научном тексте. // Вестник Омск. ун-та, 2013. Вып. 3 (69). С. 99.
4. *Чернявская, В.Е.* Интерпретация научного текста. М.: Книжный дом «Либриком», 2006. С. 22.
5. *Шаймиев, В.А.* Композиционно-синтаксические аспекты функционирования метатекста в тексте // Русско-американский журнал по

русской филологии. 1996. № 4. СПб. (Россия), Лоуренс (США). С. 80–92.

6. *Chrismore, A.* The rhetoric of textbooks: Metadiscourse // *J. of Curriculum Studies*. 1984. № 16. С. 280.

7. *Harris, Z.* Linguistic transformations for information retrieval // *Papers in Structural and Transformational Linguistics*. Dordrecht: D. Reidel, 1970.

8. *Hyland, K.* *Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing*. London: Bloomsbury Publ., 2005. P. 3.

9. *Vande Kopple, W.J.* Some exploratory discourse on metadiscourse // *College Composition and Communication*. 1985. № 36. P. 83.

Источники иллюстративного материала

Sonnenhauser — Sonnenhauser B. Subjektivität der Sprache und sprachliche Subjektivität // *Specimina Philologiae Slavicae*. Bd. 170. München — Berlin — Washington D.C., 2012.

Tittula — Tittula, L. Metadiskurs // *Papiere zur Textlinguistik*. Bd. 68. Hamburg, 1993.

REFERENCES

1. *Vezhbitska, A.* Metatekst v tekste [The metatext in the text] // *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Vyp. VIII. Moskva, S. 403–404 (in russia).

2. *Grays, G.P.* Logika i rechevoe obshchenie [Logic and speech communication] // *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Vyp. 16. Lingvisticheskaya pragmatika, Moskva, 1985. S. 223 (in russia).

3. *Nefedov, S.T.* Spetsifika kodirovaniya metadiskursivnoy informatsii v nauchnom tekste [Specificity of coding of metadiscourse information in the academic text] // *Vestnik Omskogo Universiteta*. Vyp. 3 (69). Omsk, 2013. S. 99 (in russia).

4. *Chernyavskaya, V.E.* Interpretatsiya nauchnogo teksta [Interpretation of the academic text]. Moskva, 2006. S. 22 (in russia).

5. *Shaymiev, V.A.* Kompozitsionno-sintaksicheskie aspekty funktsionirovaniya metateksta v tekste [Compositional-syntactical aspects of functioning of the metatext in the text] // *Russko-amerikanskiy zhurnal po russkoy filologii*. 1996. N 4. St. Peterburg (Rossiya); Lourence (USA). S. 80–92 (in russia).

6. *Chrismore, A.* The rhetoric of textbooks: Metadiscourse // *Journal of Curriculum Studies*. № 16. 1984. P. 280.

7. *Harris, Z.* Linguistic transformations for information retrieval // *Papers in Structural and Transformational Linguistics*. Dordrecht: D. Reidel, 1970.

8. *Hyland, K.* *Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing*. London Bloomsbury Publ., 2005. P. 3.

9. *Vande Kopple, W.J.* Some exploratory discourse on metadiscourse // *College Composition and Communication*. 1985. Vol. 36. P. 83.

Абдуррахманова Эльнара Камандар-кызы

Аспирант кафедры немецкой филологии СПбГУ

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Elnara K. Abdurrakhmanova

Graduate-student of German Philology Department, St. Petersburg State University.

Address: 7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: elnarischa@yandex.ru

**ТЕКСТОТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
АВТОРСКОГО ПРЕДИСЛОВИЯ**

**(на материале немецкоязычных монографий
по лингвистике)**

Ключевые слова: научный дискурс, паратекстовые элементы, авторское предисловие, интертекстуальность, диалогичность, адресованность.

В статье авторское предисловие рассматривается как паратекстовый элемент научной монографии, непосредственно связанный с основным текстом, но в то же время обладающий известной автосемантией, определяются его текстотипологические особенности, такие как фиксированная локализация в макроструктуре целостного текста, эксплицитная интертекстуальность в содержании, диалогичность, ориентация на определенного реципиента.

I. A. VORONOVSKAYA

St. Petersburg State University

**TEXT TYPICAL FEATURES
OF THE AUTHORIAL PREFACE**

(by the example of german linguistic monographs)

Keywords: Scientific discourse, paratextual elements, authorial preface, intertextuality, dialogic, addressing

The paper discusses the authorial preface as a paratextual element of the scientific monograph directly connected with the main text and at the same time having its certain autonomy. In particular, the paper defines such text typical features of the authorial preface as its fixed localization in the text macrostructure, explicit intertextuality of its content, dialogic, particular recipient orientation.

Сфера научной коммуникации как в ее устной, так и в письменной форме представлена различными типами текстов, отличающихся друг от друга по содержанию, форме, способам передачи

или интерпретации научной информации, целевой аудитории и своему назначению. Жанровое разнообразие научных текстов достаточно велико, начиная от монографий, диссертаций, учебных пособий, статей, тезисов и заканчивая такими типами текстов, как предисловие, посвящение, послесловие, содержание, примечания, краткая аннотация, глоссарий, комментарии и др. Эти тексты являются своеобразной «оболочкой» основного текста, придавая целостность его макроструктуре. По словам С.Т. Нефедова, «тексты, обретающие свою функциональность только и исключительно в связи с другими текстами, могут дать богатый эмпирический материал для теоретических обобщений» [9: 198].

Авторское предисловие является одним из таких вспомогательных текстов и представляет собой предмет исследовательского интереса на материале из сферы научной коммуникации, поскольку прежде большей частью изучалось на материале художественных текстов.

Предисловие наряду с другими «вспомогательными» текстами, находящимися либо перед, либо за основным текстом, было отнесено Жераром Женетом к проявлению паратекстуальности, под которой он понимает «соединение внутри отдельного текста медиально или функционально гетерогенных сегментов» (цит. по [8]), упоминая такие явления, как титры, субтитры, предисловия, послесловия, маргиналии, эпиграфы, иллюстрации и тому подобное. Текст, таким образом, никогда не бывает представлен вниманию читательской аудитории без сопровождающих его вербальных и иных элементов. Паратексты (приставка *nara-* греч. *παρά* — возле, т. е. все, что находится рядом или окружает данный предмет) Ж. Женетт называет „ein Beiwerk, ein Behelf, ein Zubehör des Textes“, т. е. вспомогательными, служебными средствами.

И.Р. Гальперин именует предисловие к крупному научному тексту «предтекстом», в котором кратко освещается содержание его отдельных частей, их последовательность и взаимосвязь, оно настраивает читателя на восприятие новой для него информации в рамках, предложенных автором. И.Р. Гальперин подчеркивает значимость векторной направленности предтекста, который в имплицитной форме дает представление о ходе мыслей, аргументах и выводах автора научного произведения, иногда дополняя его небольшим экскурсом в основные этапы работы. Предисловие не со-

общает новое научное знание, оно лишь подготавливает и настраивает читателя на восприятие основного текста, пробуждает интерес и предлагает ориентиры [5: 58–59]. Важным является прагматический статус предисловия, которое предваряет основной текст и образует с ним единое целое, вне которого оно не существует [5: 61].

М.П. Котюрова и Е.А. Баженова, анализируя научный дискурс, рассматривают научную монографию как целостное единство основного текста и текстов периферийных и вслед за И.Р. Гальпериным отмечают относительную самостоятельность периферийных текстов. Среди них выделяют заглавие, аннотацию, предтексты, к которым относятся и предисловие, обобщенно отражающее содержание основного текста, и послетексты [6: 232].

А.В. Белых рассматривает предисловие к научной монографии как особый тип научного текста, являющегося, с одной стороны, обязательным структурно-композиционным компонентом монографии, с другой стороны, обладающего некоторой автономностью. Информация, содержащаяся в предисловии, является вторичной, т. е. предисловие содержит не основное содержание научной монографии, а информацию об этом содержании: «Монографическое предисловие относится к вторичным текстам информационного типа и представляет собой метатекст, который характеризуется четким набором специфических прагматических установок» [4: 4].

Реализация собственной коммуникативной функции, которую можно назвать вспомогательно-обслуживающей, обеспечивает предисловию, по мысли С.Т. Нефедова, «качественную определенность, отличную от текстуальности базового текста» [9: 198]. В немецкой лингвистике текста предисловие поэтому часто рассматривается как отдельный тип текста и называется „Textsorte Vorwort“ [11: 315; 13: 468], „Text-in-Relation“ [10: 453], „das Vorwort als „Textsorte-in-Relation“ [12: 458].

Авторское предисловие к научной монографии не только обобщенно передает содержание основного текста, но и намечает стратегию поиска в определенной области знания [6: 232]. Предисловие призвано показать, что предлагаемое исследование является продолжением, развитием или опровержением уже существующих научных результатов, дискуссией с другими учеными или же презентацией совершенно новой идеи. В этой части текста часто содержится фактическая информация о месте, времени проведения

исследования и сопутствующих обстоятельствах. Предисловие обладает некоторой степенью автосемантии и одновременно оказывается своеобразным «проводником», имплицитно представляя логику автора научного текста, активизируя систему базовых и предметных знаний адресата, и таким образом подготавливает основное содержание текста. Исходя из проспективного характера предисловия, можно говорить о его векторной направленности, благодаря чему основной текст воспринимается читателем определенным образом, «по заранее предопределенному руслу» [5: 61]. С одной стороны, такая «подготовка» может несколько ограничить возможности самостоятельной трактовки читателем изложенного в основном тексте материала; с другой стороны, она упрощает восприятие зачастую структурно и содержательно сложного текста. Предисловие оказывается непосредственно ориентированным на восприятие его реципиентом и соотношенным с коммуникативной ситуацией и ее антропоцентриками: автором и адресатом.

Любой научный текст является не только возможностью передачи интеллектуальной информации и нового знания, но и средством научного общения. По мысли Е.А. Баженовой, «не вызывает сомнения, что научное произведение выполняет свою коммуникативную задачу лишь в том случае, если содержащаяся в нем интеллектуальная информация адекватно воспринимается реципиентом» [2: 178]. Автор предисловия к научной монографии ориентируется на определенный круг потенциальных читателей и выстраивает свой текст таким образом, чтобы быть не только понятным ими, но и предусмотреть их возможные реакции, т. е. выбор как лингвистических, так и экстралингвистических средств осуществляется здесь с учетом «фактора адресата» (термин Н.Д. Арутюновой [1: 357]). У автора и читателя предполагается наличие общих фоновых знаний и коммуникативных навыков, которые являются залогом успешной коммуникации, автор текста при его создании, так или иначе, принимает во внимание пресуппозиции потенциального читателя. Отправитель текста, учитывая фактор адресата, использует специальные маркеры или сигналы адресации. Интенции автора, по мнению Е.А. Баженовой, реализуются при помощи особенной структурной единицы, субтекста адресации, выполняющей свои специфические функции [3]. Основная задача субтекста адресации состоит в активизации читательского интереса и создании условий для диалога

между автором и реципиентом. Исходя из функционально-семантического сходства возможно деление средств адресации на три группы: композиционно-ориентирующие, делимитирующие и мыслительно-активирующие [3]. В зависимости от объема предисловия и, соответственно, от определенного набора реализованных в нем структурных единиц — коммуникативно-смысловых блоков, можно говорить о различных лексико-грамматических особенностях данных маркеров субтекста адресации в тексте предисловия.

Авторское предисловие к научным монографиям, как указывалось выше, функционирует и реализует свои свойства лишь в контексте основного текста монографии, где совместно с другими паратекстуальными элементами — названием, оглавлением, предметным указателем, библиографическим списком и др. — оно словно создает его «внешнюю оболочку». Наряду с наличием собственных функций у каждого из паратекстовых элементов доминирующей для всех них оказывается обслуживающая функция, по-разному реализующаяся в конкретных паратекстах. Авторское предисловие, являясь частью целостной структуры макротекста, имеет интертекстуальную соотношенность с этим текстом.

Обращаясь к исследованию проблемы «текст в тексте», представители разных наук предпринимали попытки определить сущность этого явления и классифицировать интертекстуальные элементы и возникающие между ними межтекстовые связи. В современной лингвистике существуют различные взгляды на интертекстуальность, ее сущность, дефиницию и функции. Сам термин «интертекстуальность» был введен французским филологом болгарского происхождения Ю. Кристевой в середине 60-х годов XX века, которая одна из первых разработала идею М.М. Бахтина о тексте как о диалоге автора со всей предшествующей и современной ему культурой. Термин и концепция Ю. Кристевой получили в дальнейшем широкое распространение в работах многих современных лингвистов, однако их наполнение оказалось достаточно разнообразным в зависимости от философско-методологических взглядов каждого из ученых. Ю. Кристева рассматривала интертекстуальность как динамику текстов. Для нее интертекст не является способом воспроизведения предшествующего текста в любом новом, интертекстуальность является процессом бесконечным, поэтому речь идет о текстовой динамике. В своей работе «Революция

поэтического языка», написанной несколько позже, Ю. Кристева придерживается идеи, что интертекстуальность — это не подражание или простое воспроизведение уже имеющегося текста, это «транспозиция одной или нескольких знаковых систем в другую знаковую систему» [7: 447]. В 70-х годах XX века Р. Барт дополняет и развивает идеи своей ученицы, рассматривая понятия, предложенные Кристевой. Интертекстуальность в его интерпретации включает в себя все способы информационного обмена, которые могут быть между определенным художественным текстом и современной ему языковой действительностью. Дальнейшей разработкой этой проблематики занимались Ж. Женетт, Ж. Деррида, Ю.М. Лотман. У. Фикс обобщила и переосмыслила имеющиеся представления, предложив учитывать три типа межтекстовых связей [10: 451]. Для авторского предисловия релевантными представляются соотношение экземпляра текста с базовой моделью его реализации (Text-Textmuster-Beziehung) и взаимодействие между конкретными текстами (Text-Text-Beziehung), реализуемое различными способами эксплицитно или имплицитно.

Каждое авторское предисловие со структурно-семантической точки зрения представляет собой набор определенных коммуникативно-смысловых блоков, которые выражают один из основных аспектов научно-познавательной деятельности — последовательность и логичность мыслительных операций. В рамках научного текста выделяются характерные коммуникативные блоки, такие как «введение темы», «характеристика объекта изучения», «формулировка проблемы», «выводы» и т. д. Этот перечень не является завершенным, поскольку ряд коммуникативно-познавательных действий, составляющих основу этих речевых единиц, не ограничивается данными блоками. С.Т. Нефедов выделяет прототипические модели коммуникативно-смысловых блоков предисловия, представляя их в порядке частотности реализации: 1) заглавие; 2) эмоционально-экспрессивный блок; 3) коммуникативная ориентация; 4) формулирование целей и задач монографии; 5) представление концептуальной базы и методологии исследования; 6) характеристика предтекстов; 7) указание на целевого адресата; 8) обсуждение архитектоники, содержания частей и навигации основного текста [9: 199]. Данная «идеальная» модель реализуется далеко не всегда, количество коммуникативно-смысловых блоков каждого отдельно

взятого предисловия определяется прагматическими установками его автора. Интертекстуальное взаимодействие между разными типами предисловий, которые отличаются друг от друга прагматически обусловленным варьированием, вряд ли имеет характерные маркеры. Интертекстуальные связи между предисловием и базовым текстом осуществляются на лексическом уровне посредством использования различных номинаций и лексических единиц разного порядка.

Авторское предисловие к научным монографиям, за которым в системе макротекста закреплено определенное место, обладает, таким образом, рядом специфичных типологических признаков, обнаруживая известную автономность, но в то же время не существуя вне базового текста.

Данная статья не ставит своей задачей дать развернутый анализ текстотипологических характеристик авторского предисловия. В ней предпринимается попытка наметить основные линии исследования текста, статус которого до сих пор не находит однозначного определения у исследователей научного дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнова, Н.Д.* Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40, № 4. С. 367–386.
2. *Баженова, Е.А.* Специфика смысловой структуры научного текста и его композиции // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Т. 2. Ч. 1. Стилистика научного текста (общие параметры). Пермь, 1996. С. 158–235.
3. *Баженова, Е.А.* Средства адресации в научном тексте // Медиаскоп. Электронный научный журнал Факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып. № 4, 2012. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1240> (дата обращения: 01.02.2015).
4. *Белых, А.В.* Реализация прагматических установок монографического предисловия (на материале английского языка). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1991.
5. *Гальперин, И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 2007.
6. *Котюрова, М.П., Баженова, Е.А.* Культура научной речи: текст и его редактирование. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Флинта; Наука, 2008.

7. *Крестева, Ю.* Революция поэтического языка // Вестник МГУ. Сер. 9, Филология. 1994. № 5. С. 447.

8. *Смирнов, И.П.* Порождение интертекста (элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака). СПб. 1995. С. 131.

9. *Нефедов, С.Т.* Прототипическая модель текста как основа текстотипологического знания (на материале авторского предисловия к научной монографии) // Вестник С.-Петербур. ун-та. Сер. 9. 2013. Вып. 3. С. 198–204.

10. *Fix, U.* Aspekte der Intertextualität // Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. Halbband 1 / Berlin; New York: de Gruyter, 2000. S. 449–457.

11. *Sternkopf, J.* Vorwort und Rezension: Nahe Textsorten für eine ferne Interaktion // H. Kalverkampfer, K.-D. Baumann. Fachliche Textsorten: Komponenten — Relationen — Strategien. / Hrsg. H. Kalverkampfer, K.-D. Baumann. Tübingen: Gunter Narr, 1996. S. 468–477.

12. *Timm, Chr.* Das Vorwort — eine „Textsorte-in-Relation“ // H. Kalverkampfer, K.-D. Baumann Fachliche Textsorten: Komponenten — Relationen — Strategien / Hrsg. H. Kalverkampfer, K.-D. Baumann. Tübingen: Günter Narr, 1996. S. 458–467.

13. *Voßschmidt, L.* Das Vorwort und seine Funktionen in Übersetzungen literarischer Texte — Überlegungen am Beispiel der Übersetzungen des Finnischen Epos Kalevala // Kaannosteoria, ammattikielet ja monikielisyys. VAKKI: n julkaisut. № 35. Vaasa, 2008. P. 315–325.

REFERENCES

1. *Arutjunova, N.D.* Faktor adresata [Recipient Factor] // Isv. AN SSSR. Serija lit. i jaz. 1981. T. 40, N 4. S. 367–386 (in russia).

2. *Bazhenova, E.A.* Spetsifika smyslovoi struktury nauchnogo teksta i ego kompozitsii. Ocherki istorii nauchnogo stilia russkogo literaturnogo iazyka XVIII–XX vv. T. 2. Ch. 1. Stilistika nauchnogo teksta (obshchie parametry) [Specific features of the semantic structure and composition of the scientific text. Essays on History of the Scientific Style of Standard Russian from the 18th to the 20th Centuries. Vol. 1. Part 1. Stylistics of the Scientific Text (General Parameters)]. Perm, 1996. S. 158–235 (in russia).

3. *Bazhenova, E.A.* Sredstva adresazii v nauchnom tekste [Means of Addressing in the Scientific Text] // Mediaskop. Elektronnij nauchnij

zhurnal Fakulteta zhurnalistiki MGU im. M.V. Lomonosova. 2012. Vyp. N 4, URL: <http://www.mediascope.ru/node/1240> (data obraschenija: 01.02.2015) (in russia).

4. *Belych, A.V.* Realizatsija pragmatizcheskih ustanovok monografizcheskogo predisloviya (na materiale anglijskogo jazyka): [Implementation of Pragmatic Attitudes in Preface to Monograph (based on a Material of English Language)] avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Leningrad, 1991 (in russia).

5. *Gal'perin, I.R.* Tekst kak objekt lingvisticheskogo issledovaniia [Text as Subject of Linguistic Research]. Moskva: Nauka, 2007 (in russia).

6. *Katjurova, M.P., Bazhenova, E.A.* Kultura nauzhnoy rezchi: text i ego redaktirovanije [Culture of Scientific Speech: Text and its Editing] 2-ego isd., pererab. i. dop. Moskva: Flinta; Nauka, 2008 (in russia).

7. *Kristeva, J.* Revoljuzija poetizheskogo jazika [The Revolution of Poetic Language] // Vestnik MGU. 1994. Ser. 9. Filologija. № 5. S. 447 (in russia).

8. *Smirnov, I.P.* Porozhdenije intertexta (elementy intertextualnogo analiza s primerami iz tvorchestva B.L. Pasternaka) [Procreation of Intertext (Elements of Intertextual Analysis with Examples from the Creativity of B.L. Pasternak)] St. Peterburg, 1995. S. 131 (in russia).

9. *Nefedov, S.T.* Prototipicheskaia model' teksta kak osnova tekstopologicheskogo znaniia (na materiale avtorskogo predisloviia k nauchnoi monografi i) [Prototypical Model of the Text as a Basis of text-typological Knowledge (based on the author's Preface to a Research Monograph)] // Vestnik SPbGU. 2013. Ser. 9. Vyp. 3. S. 198–204 (in russia).

10. *Fix, U.* Aspekte der Intertextualitat // Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. Halbband 1. Berlin; New York: de Gruyter, 2000. S. 449–457.

11. *Sternkopf, J.* Vorwort und Rezension: Nahe Textsorten für eine ferne Interaktion // H. Kalverkampfer, K.-D. Baumann. Fachliche Textsorten: Komponenten — Relationen — Strategien / Hrsg. H. Kalverkampfer, K.-D. Baumann. Tübingen: Gunter Narr, 1996. S. 468–477.

12. *Timm, Chr.* Das Vorwort — eine „Textsorte-in-Relation“ // H. Kalverkampfer, K.-D. Baumann. Fachliche Textsorten: Komponenten — Relationen — Strategien / Hrsg. H. Kalverkampfer, K.-D. Baumann. Tübingen: Günter Narr, 1996. S. 458–467.

13. *Voßschmidt, L.* Das Vorwort und seine Funktionen in Übersetzungen literarischer Texte — Überlegungen am Beispiel der Übersetzungen des Finnischen Epos Kalevala // Kaannosteoria, ammattikielet ja monikielisyys. VAKKI: n julkaisut. № 35. Vaasa, 2008. P. 315–325.

Вороновская Инна Алексеевна

Старший преподаватель кафедры немецкой филологии СПбГУ.

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Inna A. Voronovskaya

Senior teacher of German Philology Department, St. Petersburg State University.

Address: 7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: inna_w@mail.ru

**ОТРАЖЕНИЕ
КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ АВТОРИЗАЦИИ
В РАЗНЫХ БЛОКАХ НАУЧНОГО ТЕКСТА**

Ключевые слова: язык науки, коммуникативные стратегии, научная коммуникация, эго-референтность, скрытая авторизация.

На примере статей в немейких журналах исследуются коммуникативно-смысловые блоки научного текста, в которых «присутствие» автора выражено по-разному. В зависимости от коммуникативно-интенциональной направленности текстового фрагмента обнаруживаются разные коммуникативные стратегии авторизации. В статье обосновывается тезис о том, что в каждом сегменте текста степень эго-референтности зависит от коммуникативно-прагматической задачи коммуникативно-смыслового текстового блока, репрезентирующего один из этапов научно-познавательной деятельности.

N. S. SUPONITSKAYA

St. Petersburg State University

**REFLECTION OF THE AUTHORIZED COMMUNICATIVE
STRATEGIES IN DIFFERENT BLOCKS
OF ACADEMIC WRITINGS**

Keywords: language of science, communicative strategies, scientific communication, ego-reference, implicit authorization.

The article presents the research of the most important communicative blocks within scientific paper in linguistics where the scientist himself can be presented differently. The main role plays the analysis of authorized strategies in textual blocks caused by the author's intention. It is established that the level of the ego-reference depends on the pragmatic aim of each textual fragment which represents one of the cognitive research stages.

В современной научной коммуникации текст выполняет не только функцию носителя интеллектуальной информации, но и средства прагматического воздействия. Целостное восприятие

научного текста может сформироваться только лишь в том случае, если содержащаяся в нем информация правильно и адекватно воспринимается реципиентом. На этом построены прагматические принципы общения в науке. Ведь именно от интенций автора, связанных с поиском, отбором и обработкой оптимальных способов представления нового научного знания, будет зависеть эффективность научной коммуникации.

Как пишет Н.Л. Шубина, в процессе речемыслительной деятельности автор выбирает не только способы «транспортировки» своих мыслей, но и их «упаковку», а также средства, которые воздействуют на адресата [3: 89]. В рамках одного научного текста автор может менять свои способы воздействия на реципиента в зависимости от коммуникативно-интенциональной направленности того или иного фрагмента текста. Показательным примером этого может служить научная статья, небольшой объем которой позволяет обнаружить применение разных коммуникативных стратегий авторизации в зависимости от коммуникативно-смыслового типа текстового «блока».

Единица «коммуникативный блок» (Textteilsegment, Textteil) функционирует как «структурный элемент содержания и характеризуется коммуникативной направленностью на выражение актуальной информации для автора и читателя» [1: 164]. Коммуникативный блок в научном тексте представляет собой результат языковой реализации одного или нескольких коммуникативно-познавательных действий. Из данных текстовых единиц формируется целостная картина речемыслительной деятельности ученого. В тексте отражается не только результат научно-познавательной деятельности, но и сам процесс ее формирования от постановки цели и задач до выдвижения гипотез и создания теорий. Благодаря этому процессу читатель вслед за автором проходит все этапы поиска и получения научного знания.

При анализе смысловой структуры научного текста неотъемлемым является коммуникативный аспект научного знания. В научной сфере общения получение и представление читателю нового знания осуществляется в рамках эпистемической ситуации. Это понятие обобщает все компоненты научно-познавательной деятельности. Как пишет М.П. Котюрова, «эпистемическая ситуация — это совокупность взаимосвязанных признаков познавательной

деятельности в единстве составляющих ее онтологического, методологического, аксиологического, рефлексивного и коммуникативно-прагматического компонентов, оказывающих закономерное влияние на формирование научного текста и определяющих его стилевую специфику» [2: 47–48]. Эпистемическая ситуация соотносится не только с познавательной, но и с текстообразовательной деятельностью ученого, благодаря чему новое знание может быть понято адресатом. Таким образом, позиция автора, которую мы видим в тексте, по отношению к полученному знанию и дистанцированному способу его представления адресату, является результатом применения выбранной коммуникативной стратегии.

Существует множество комбинаций, которые могут отражать как конвенциональные нормы научного изложения, принятые научным сообществом в данный период времени, так и индивидуально-стилистические предпочтения автора. В рамках нашего исследования на материале научных статей по лингвистике, выбранных из немецких научных журналов «Zeitschrift für germanistische Linguistik» „Zeitschrift für Sprachwissenschaft“, мы зафиксировали следующие типы стратегий авторизации в научной коммуникации:

- стратегия «Я» («ich»-Strategie),
- стратегия «Мы» («wir»-Strategie),
- стратегия деагентивации.

Основанием данной классификации служит степень эксплицитности/имплицитности «присутствия автора» в тексте, вовлеченность/отстраненность автора в коммуникативно-познавательном процессе получения нового знания. Первые две стратегии можно обозначить общим понятием «стратегии субъективизации», которые противопоставлены последней, воплощающей стиль изложения.

В случае стратегии «Я» автор научного текста эксплицитно маркирован, несмотря на общепринятое правило запрета на авторизацию («Ich-Verbot»), сформулированное Х. Вайнрихом [8: 8], и жесткую схему построения научной статьи. В ходе изложения предметно-денотативной информации автор научного текста использует автореферентные обозначения в виде личного местоимения 1-го лица, ед. ч. «ich», а также притяжательного местоимения «mein/e».

Стратегия «Мы» имеет несколько способов реализации в научном тексте. Местоимение «мы» может обозначать как самого говорящего, так и группу, с которой он себя соотносит. С коммуникативно-прагматической точки зрения самым распространенным в лингвистике делением является деление на инклюзивное «мы» («inklusives wir») и эксклюзивное «мы» («exklusives wir») [6: 264; 8: 27]. Под эксклюзивным «мы» следует понимать «множественное авторское» («Autorenplural») и «множественное скромности» («Pluralis Modestiae»). Также часто используется прием хеджирования (прием подстраховки ради сохранения своего лица), который в английской традиции называется «hedging»). В таком случае происходит обозначение самого себя через «мы» (мы = автор) (если текст написан одним автором) или сразу обозначение нескольких авторов, которые создали научный текст (мы = соавторы). С другой стороны, существует инклюзивное «мы», которое подразумевает включение в число участников научной коммуникации / интеракции и адресата (мы = автор + читатель). Иногда автор при помощи «wir» обращается не только к целому научному сообществу. В таком случае речь идет о «мы = автор + читатель + научное сообщество».

Стратегия деагентивации актуализирует «скрытые смыслы» авторского присутствия. Имплицитная авторизация проявляется в бессубъектном типе изложения. Характерные структуры для деагентивации: пассивные конструкции (у Р. Кресты они названы «авторский пассив» — «Autoren-Passiv») [9: 72], конъюнктив, модальные компоненты, релятивы, оценочная лексика, девербативы и т. д.

Таким образом, в рамках нашего исследования мы должны определить, насколько в каждом сегменте текста степень эгореферентности зависит от интенциональной целеустановки соответствующего коммуникативно-смыслового текстового блока, репрезентирующего один из этапов научно-познавательной деятельности.

Зачастую бывает сложно определить формальную границу между двумя блоками, однако чаще всего коммуникативный блок заканчивается там, где завершается реализация определенных коммуникативно-познавательных действий или операций (sprachliche

Handlungen) и начинается новое речевое оформление других действий.

В своей монографии «Научная статья — тип текста и текстовая организация» Г. Грэфен подчеркивает, что «научная статья — продукт речевого действия» («Produkt des sprachlichen Handelns») [7: 137]. И для того чтобы это речевое действие было успешным, нужно полное раскрытие как информационного, так и прагматического содержания текста.

Для анализа степени эгореферентности научного текста в зависимости от коммуникативно-прагматической интенции автора мы рассматривали следующие коммуникативно-смысловые блоки в немецких научных журналах по германистике:

- Введение (Einleitung/ Einführung).

1.1. Формулировка проблемы (Problemstellung/ Problematik/ Themenstellung / Fragestellung).

1.2. Постановка цели, задач и методов исследования (Zielsetzung/ Forschungszusammenhang/ Forschungsprogramm/ Ziele und Methoden).

1.3. Выдвижение гипотезы (Hypothesenstellung):

- Основная часть (Diskussion/ Hauptteil).
- Определение понятий (Begriffsbestimmung).
- Характеристика объекта изучения (Allgemeine Charakterisierung).
- Описание этапов исследования и корпуса (Beschreibung und Auswertung des Forschungsprozesses und Korpusanalyse).
- Заключение и выводы (Zusammenfassung/ Schlussbemerkungen/ Fazit/ Ausblick/ abschließende Diskussion/ Schluss/ Schlussfolgerung/ Schlussbetrachtung).

Такое деление коммуникативных блоков на три группы мы выбрали, опираясь на исследование Х. Олденбурга. Три наиболее важные функционально-смысловые единицы текста — введение (**Einleitung**), дискуссия или основная часть (**Diskussion**) и заключение (**Zusammenfassung**) образуют целостную и связанную структуру текста [10: 63]. Таким образом, каждый блок формально и содержательно отличается от остальных, но вместе они создают завершённую структуру текста.

Очевидно, что ряд коммуникативно-познавательных действий, которые находят языковое представление в разных коммуникатив-

но-смысловых блоках, не ограничивается лишь перечисленными выше действиями. В данной работе мы разбили все коммуникативные блоки на три группы согласно их местонахождению в структуре целого текста, но рассмотрим лишь те коммуникативные блоки, которые характеризуются наибольшей частотой употребления и особенностью формирования скрытых смыслов эгореферентности.

1. «Введение»

Коммуникативный блок «Введение» является одним из основных компонентов любой научной статьи. Развертывание научной мысли невозможно представить без предварительной ориентации читателя в содержании текста. Введение в немецких статьях зачастую представляет собой повторение названия статьи с дальнейшей формулировкой основной темы исследования, постановкой цели и методов исследования, а также выдвижением гипотезы.

В любой статье можно обнаружить, что автор акцентирует внимание и интерес читателя на основной теме научного исследования, используя при этом одновременно несколько коммуникативных стратегий.

(1) *Vorliegender Beitrag möchte sich mit Problemen, Möglichkeiten und Grenzen der Wortartenklassifikation auseinandersetzen* (Henning, 239).

(2) *Diese Beobachtung wird hier eingebettet in einen größeren Zusammenhang: Gibt es ein unflektiertes oder infinites Substantiv? Der Titel 'Nominale: flektiert und unflektiert' steckt einen noch weiteren Rahmen ab* (Fuhrhop, 268).

(3) *Die Wortbildung ist seit langem als etablierte linguistische (Teil-) Disziplin zu betrachten, die sich...* (Turgay, 26).

Данные примеры относятся к коммуникативному блоку.

1.1. «Формулировка проблемы»

Мы наблюдаем доминирование стратегии «деагентивации», т. е. бессубъектного типа изложения. Актуализация скрытых смыслов эгореферентности происходит за счет использования дейктических элементов локальной и темпоральной семантики, реферирующих к ситуации «здесь» и «сейчас» или маркирующих актуаль-

ные/планируемые научно-познавательные действия автора (hier, vorliegender/dieser Beitrag, diese Beobachtungen, die folgenden Beiträge, der Ausgangspunkt dafür ist, im Folgenden usw.). Прономинатив (например указательное местоимение diese/s/r) заставляет реципиента сосредоточить все внимание на конкретной научной статье и следить за ходом развития мысли автора. Особую роль играют при этом предикаты, значение которых связаны с мыслительной деятельностью человека. К таким относятся betrachten, sich auseinandersetzen, gegenüberstellen, darstellen, untersuchen, forschen и пр. В контексте конкретной эпистемической ситуации у таких предикатов актуализируется валентность на говорящего / автора научного текста.

Прямая номинация проблемы является характерной для научного текста, однако частным случаем прямой номинации выступает экспликация проблемы в виде вопроса. В структуре научного текста вопрос — это всегда диалогизация общения, актуализация контакта между адресантом и адресатом. Наименее употребительна в данном коммуникативно-смысловом блоке стратегия субъективизации, а именно стратегия «Я», при которой автор эксплицитно показывает связь между собой и объектом исследования.

(4) Diesen Spezialfall des Zweitspracherwerbs werde ich in diesem Aufsatz untersuchen (Turgay, 26).

Следующий коммуникативно-смысловый блок 1.2. обязательно присутствует во введении лингвистической научной статьи.

1.2. «Постановка цели и задач»

В данном коммуникативном блоке автор поясняет основную цель, информирует о задачах исследования. Поскольку автор комментирует сам процесс научного общения в своем собственном тексте, то данный коммуникативный блок, как пишет А. Брайткопф, «часто носит метадикурсивный характер» [4: 156]. Например:

(5) Ich plädiere dafür, die Entscheidung, eine Kookkurrenzgesetzmäßigkeit als Valenzbindung oder als Konstruktionsbindung zu explizieren, auch davon abhängig zu machen, inwieweit die Gesetzmäßigkeit dem Prototyp der Fälle entspricht, für die Valenzbindungsanalysen vorgeschlagen wurden (Jacobs, 493).

(6) *Zusätzlich möchte ich hier ein spezielleres Kriterium vorschlagen, von dem ich aber glaube, dass es mit diesen allgemeinen Kriterien konvergiert (Vogel, 231).*

В блоке доминирует стратегия «Я» с эксплицитной эгоцентричностью. Однако необходимо подчеркнуть, что часто происходит замена одних коммуникативных стратегий другими в рамках одного блока. В таком случае вместо стратегии «Я» появляется стратегия деагентивации, которая реализуется с помощью коннекторов, эксплицирующих композиционно-речевую структуру текста. Дополнительный прием конкретизации содержания выражается при помощи дейктических средств локальности (**weiterhin, dabei, zunächst, auch hier usw.**). Например:

(7) *Anknüpfend an frühere Arbeiten zur Abfolge von Konstruktions- bzw. Kontexttypen in Grammatikalisierungsprozessen wird exploriert, inwiefern auch der Zielpunkt von Grammatikalisierungsvorgängen unter konstruktionsgrammatischer Perspektive zu fassen ist (Diewald, 446).*

Данный пример показывает не просто локализацию исследования в научном пространстве и соотнесенность его с другими работами, а планирование речевых действий, о чем свидетельствует футуральный презенс пассив: *wird exploriert*.

1.3. «Выдвижение гипотезы»

Этот блок был выявлен не во всех статьях. Как пишет М.Н. Кожина, гипотеза составляет одну из фаз научного познания и развивается из предположительного, недостоверного знания через анализ и доказательство [1: 127]. Часто доказательство гипотезы может проходить через весь текст.

(8) *Untersuchungen stellen primär die Dokumentation und Erklärung des Resultats und des Prozesses wortbildnerischer Tätigkeit in den Mittelpunkt, um den (festen) Sprachbestand eingehend zu erfassen. (Henning, 265)*

(9) *Es bleibt demnach offen, ob Sprachsystem und Sprachgebrauch zwei distinkte Erscheinungsformen darstellen, die unabhängig voneinander beschrieben werden müssen (wobei der Langue*

bzw. der Kompetenz eine stärkere Bedeutung zukommt), oder ob es unmöglich erscheint... (Elsen, Michel, 163).

По примерам (8, 9) можно отчетливо проследить реализацию авторской стратегии деагентивации. Дистанцирование от излагаемого осуществляется за счет отглагольных существительных со значением результата мыслительной деятельности человека, т. е. девербативов (например Untersuchungen, Forschung, Darstellung, Meinung). Некатегоричность стиля изложения можно наблюдать в примере (9), где ассертивность/утвердительность «смягчается» эпистемическими словами сомнения и модальным глаголом (например unmöglich, es bleibt offen, müssen beschrieben werden).

В научной статье представлены разноуровневые языковые средства гипотетичности, выраженные модальными конструкциями и конъюнктивом (например große strukturelle **Unterschiede sind leichter zu lernen; Es sei darauf hingewiesen; Gründe für die dominierenden Unsicherheiten bei der Kasusmarkierung sind sicherlich die Homonymie**). Такие конструкции актуализируют скрытые смыслы эгореферентности, так как в них заложен субъективный взгляд самого автора на проблему.

2. «Основная часть»

Центральная часть в научной статье посвящена основному объекту исследования. Коммуникативные блоки «Определение понятий», «Характеристика объекта изучения», «Описание этапов исследования и корпуса» отражают этапы информационного развертывания научной идеи автора. Как показало наше исследование, в лингвистических статьях происходит наложение блоков друг на друга, а также прослеживается закономерное использование определенных коммуникативных стратегий автора.

2.1. «Определение понятий»

При помощи блока 2.1. в статью вводятся дефиниции. Иногда автор дает новые определения старым понятиям, рассматривая их под иным углом зрения. Введение дефиниций характерно для основного смыслового блока. Автор использует стратегию деагентивации. Уходя на второй план, автор заостряет внимание на объекте исследования.

(10) *Dieser Beitrag verbindet zwei zentrale, jedoch gleichmaßen schwierige Begriffe der jüngeren Grammatikalisierungsforschung: Konstruktionen und Paradigmen (Diewald, 446).*

(11) *Die Elemente, die hier in Frage kommen, werden oft als „Pronominaladverbien“ bezeichnet, u.a. als Proformen für Präpositionalobjekte und setzen sich in der Regel aus zwei miteinander verkoppelten AR zusammen (Knobloch, 554).*

Реже встречаются случаи использования стратегии «Мы». Использование средств персонального дейксиса находим в следующих примерах: wir verwenden, wir nennen, unser Begriff, mit unserer Frage. Однако в данном блоке можно обнаружить нестандартный пример использования стратегии «Мы». В примере (12) местоимение «wir» употреблено в прямом значении обозначения множества лиц, wir = ich + Maienborn, где речь идет о самом авторе статьи и о другом ученом, на теорию которого он опирается:

(12) *Wie Maienborn verwenden wir den Terminus ‚Zustandspassiv‘, weil es im Kern um eben die Formen geht, die man ‚Zustandspassiv‘ nennt, also um Bildungen mit transitiven Verben (Welke, 118).*

2.2. «Характеристика объекта изучения»

Характеристика объекта изучения включает в себя историю вопроса исследования и отсылки к другим ученым, которые занимались подобной проблемой.

Стратегия деагентивации имеет в данном коммуникативном блоке основное значение. Скрытые смыслы эгореферентности актуализируются посредством метакоммуникативных средств. Благодаря вставленным в текст научной статьи цитатам, отсылкам и комментированию, текст становится более убедительным и глубоким. Читатель получает разносторонний взгляд на проблему исследования.

(13) *Kempcke unterstreicht, dass einiges aus dieser Gruppe auch in die Abteilung (1) gerechnet werden kann, die auch metaphorische Verdünnungen der Aufwärtsbewegung beherbergt (Knobloch, 549).*

(14) *Dass damit auch einige technische Probleme einer Konstruktionsbindungsanalyse vermieden werden (vgl. Müller 2006), ist ein erfreulicher Nebeneffekt (Fuhrhop, 275).*

Помимо эксплицитной интертекстуальности, мы наблюдаем актуализацию скрытой эгореферентности в императивных сокращениях (например, vgl.,s.) Естественная коммуникативная среда императивов — диалог при непосредственном присутствии партнеров. Подобные примеры можно обнаружить и в последнем коммуникативном блоке «Описание этапов исследования и корпуса».

2.3. «Описание этапов исследования и корпуса примеров»

Для описания этапов исследования автор выбирает различные комбинации стратегий. Описание корпуса примеров часто наблюдается как во введении, так и в основной части. Стратегии «Я»/«Мы» помогают подчеркнуть включенность автора в исследование, где важен субъект. В средства персонального дейксиса встроены сема, или семантический признак, «автор».

(15) *Die Grundlage für meine Untersuchung bilden die Daten, die aus einer empirischen Studie gewonnen wurden, die ich mit insgesamt 80 Kindern im Erst- und Zweitspracherwerb durchgeführt habe (Turgay, 25).*

Однако самой характерной является стратегия деагентивации. Имплицитность эгореференции заключается в безличных конструкций типа *es lässt sich argumentieren, man kann behaupten* и т. д. Здесь важно обратить внимание на семантику предикатов интеллектуальной деятельности автора, в которых раскрывается речемыслительный процесс ученого.

(16) *Was das Partikelelement betrifft: Es lässt sich durchaus argumentieren, dass es zu unzähligen Konstruktionen gehört, nicht zu einer und auch nicht zu einer Handvoll (Knobloch, 555).*

Самым важным приемом в стратегии деагентивации является прием экземплификации, который можно наблюдать в коммуникативном блоке «описание процесса исследования» Автор дополняет свои рассуждения примерами, делая текст более понятным и аргументированным для читателя.

(17) **Jüngst ins Blickfeld geratene Einheiten** wie z.B. -minator (Ebayminator) oder -tainment (Weintainment), die **sich nicht eindeutig in eine Wortbildungskategorie einordnen lassen, stellen eine Herausforderung für die systembezogene statische Definition dar** (Elsen, Michel, 165).

(18) **Zunächst werden** die artikelintern auftretenden Wörterbuchformelemente eingeführt, **nämlich: Angaben, Angabetexte, funktionale Angabezusätze und Angabesymbole und ihre charakteristischen Eigenschaften vorgestellt** (Wiegand, 343).

Особое использование стратегии деагентивации было единственным раз зафиксировано в научных статьях, где указывается номинация книги по фамилии автора с комментарием «в печати»:

(19) **Dieser Punkt, der in Diewald [im Druck] ausführlich diskutiert wird, ist ohne Zweifel ein Faktor, der die Spezifik grammatischer Paradigmen und damit auch entsprechender Konstruktionstypen determiniert** (Diewald, 462).

В рамках исследования мы зафиксировали также случаи использования императивных предложений. М. Дрешер называет такую форму «der adjunktive Plural» (15: 91). В таком случае подразумевается совместное действие, к которому автор призывает читателя.

(20) **Betrachten wir nun, ob es einen Unterschied zwischen den Rektionsarten gibt, wenn sie in Bezug auf die verschiedenen Kasus vergehen werden** (Welke, 117).

3. «Заключение и выводы»

Коммуникативно-смысловой блок «заклучение и выводы» является неотъемлемой частью научной статьи. Автор обобщает основные положения работы, акцентируют внимание читателя на результатах, делают предположения о ходе дальнейших научных исследований теориях и формирует целостное представление о завершённой структуре исследования.

(21) **Schließlich wird mit der Behandlung der pragmatischen Markierungssymbole der Aufriss zu den Wörterbuchformelementen**

abgeschlossen, mit denen in einsprachigen Wörterbüchern semantisches und pragmatisches Wissen vermittelt wird (Jacobs, 495).

Как показал анализ, в данном коммуникативном блоке доминирует стратегия деагентивации. Актуализация скрытых смыслов проявляется в средствах персонального дейксиса, а также в коннекторах, реализующих композиционно-смысловую структуру текста (например *schließlich, letztlich, endlich, zur Schlussfolgerung* и т. д.).

Подводя итог, следует отметить несколько особенностей реализации коммуникативных стратегий в разных коммуникативно-смысловых блоках научной статьи. В научном тексте доминирует стратегия деагентивации на всех уровнях речемыслительной деятельности. Семантический признак «автор» проявляется как в локальных и темпоральных дейктических элементах, так и в модально-эпистемических компонентах, девербативах и коннекторах.

Наше исследование показало, что в современной научной лингвистической статье огромную роль играет индивидуальный стиль автора, все чаще наблюдается индивидуально-личностное авторское восприятие информации через эксплицитные формы эгореферентности. Стратегия «Я» находит свое отражение в коммуникативных блоках «Введение» и «Заключение». Стратегия «Мы» проявляется в блоках «Введение» и «Основная часть». Для «Основной части» характерны комбинации различных стратегий, где большое значение имеет стратегия деагентивация с различными механизмами формирования скрытых смыслов авторизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Breitkopf, A.* Wissenschaftsstile im Vergleich: Subjektivität in deutschen und russischen Zeitschriftenartikeln der Soziologie. Freiburg: Rombach, 2006.

2. *Drescher, M.* Sprache der Wissenschaft, Sprache der Vernunft? Zum affektleeren Stil in der Wissenschaft // Habscheid, S. Gruppenstile: zur sprachlichen Inszenierung sozialer Zugehörigkeit. Frankfurt a.M.: Peter Lang, 2003.

3. *Duden.* Die Grammatik. Unentbehrlich für richtiges Deutsch. 8., überarb. Aufl. Mannheim, Zürich: Dudenverlag, 2009.

4. *Graefen, G.* Der wissenschaftliche Artikel — Textart und Textorganisation. Frankfurt a.M.: Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Peter Lang, 1997.

5. *Kretzenbacher, H.* Wissenschaftssprache. Heidelberg: De Gruyter, 1992.

6. *Kresta, R.* Realisierungsformen der Interpersonalität in vier linguistischen Fachtextsorten des Englischen und des Deutschen. Frankfurt a.M.: Peter Lang, 1995.

7. *Oldenburg, H.* Angewandte Fachtextlinguistik: „conclusions“ und Zusammenfassungen. Tübingen: o.V. 1992.

8. *Weinrich, H.* Wissenschaftssprache und Sprachkultur: 15. Bayerischer Hochschultag // Tutzing Materialie № 61. Tutzing, 1989.

9. *Кожина, М.Н.* Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта, 2006.

10. *Котурова, М.П., Баженова, Е.А.* Культура научной речи: текст и его редактирование. М.: Флинта, 2008.

11. *Шубина, Н.Л.* Научная коммуникация: поиски разумного компромисса // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. СПб. 2009. С. 87–95.

Источники иллюстративного материала

Diewald 2009 — *Diewald, G.* Konstruktionen und Paradigmen // Zeitschrift für Germanistische Linguistik. 2009. Bd. 37, H. 3. S. 445–468.

Fuhrhop 2006 — *Fuhrhop, N.* Nominale: flektiert und unflektiert // Zeitschrift für Germanistische Linguistik. 2006. Bd. 34, H. 3. S. 267–285.

Elsen, Michel 2013 — *Elsen, H., Michel, S.* Beispiel – Wortbildung. Die Erhebung und Interpretation von Daten // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 2013. Bd. 28. S. 163–168.

Hennig 2006 — *Hennig, M.* So, und so, und so weiter // Zeitschrift für Germanistische Linguistik. 2006. Bd. 34, H. 3. S. 409–432.

Jacobs 2009 — *Jacobs, J.* Valenzbindung oder Konstruktionsbindung? Eine Grundfrage der Grammatiktheorie // Zeitschrift für Germanistische Linguistik. 2009. Bd. 37, H. 3. S. 490–513.

Knobloch 2010 — *Knobloch, Cl.* Noch einmal: Partikelkonstruktionen // Zeitschrift für Germanistische Linguistik. 2010. Bd. 37, H. 3. S. 544–564.

Turgay 2011 — *Turgay, K.* Der Zweitspracherwerb des deutschen Kasus in der Präpositionalphrase // *Zeitschrift für Germanistische Linguistik*. 2011. Bd. 35, H. 3. S. 24–54.

Vogel 2006 — *Vogel, R.* «Auf alles gefasst sein: Ausnahmen in der Grammatik» // *Zeitschrift für Germanistische Linguistik*. 2006. Bd. 34, H. 1/2. S. 229–233.

Welke 2013 — *Welke, Kl.* Das Zustandspassiv: Pragmatische Beschränkungen und Regelkonflikte // *Zeitschrift für Germanistische Linguistik*. 2013. Bd. 35, H. 1/2. S. 115–145.

Wiegend 2010 — *Wiegand, H.t E.* Semantik und Lexikographie: vier Einblicke // *Zeitschrift für Germanistische Linguistik* 2010. Bd. 38, H. 3. S. 341–345.

REFERENCES

1. *Breitkopf, A.* Wissenschaftsstile im Vergleich: Subjektivität in deutschen und russischen Zeitschriftenartikeln der Soziologie. Freiburg: Rombach, 2006.

2. *Drescher, M.* Sprache der Wissenschaft, Sprache der Vernunft? Zum affektleeren Stil in der Wissenschaft (aus dem Buch Habscheid, S. Gruppenstile: zur sprachlichen Inszenierung sozialer Zugehörigkeit. Frankfurt a.M.: Peter Lang, 2003).

3. *Duden.* Die Grammatik. Unentbehrlich für richtiges Deutsch. 8., überarbeitete Auflage. Mannheim, Zürich: Dudenverlag, 2009.

4. *Graefen, G.* Der wissenschaftliche Artikel — Textart und Textorganisation. Frankfurt a.M.; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Peter Lang, 1997.

5. *Kretzenbacher, H.* Wissenschaftssprache. Heidelberg: De Gryter, 1992.

6. *Kresta, R.* Realisierungsformen der Interpersonalität in vier linguistischen Fachtextsorten des Englischen und des Deutschen. Frankfurt a.M.: Peter Lang, 1995.

7. *Oldenburg, H.* Angewandte Fachtextlinguistik: „conclusions“ und Zusammenfassungen. Thübingen: o.V., 1992.

8. *Weinrich, H.* Wissenschaftssprache und Sprachkultur: 15. Bayerischer Hochschultag // *Tutzing Materialie № 61*, Tutzing, 1989.

9. *Kozhina, M.N.* Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar russkogo yazyka [Stylistic encyclopedic dictionary of Russian language] / pod red. M.N. Kozhinoy, Moskva: Flinta, 2006 (in russia).

10. *Koturova, M.P., Bazhenova E.A.* Kultura nauchnoj rechi: tekst i ego redaktirovanie [Culture of the scientific language: text and its editing]. Moskva: Flinta, 2008 (in russia).

11. *Shubina, N.L.* Nauchnaja kommunikazia: poiski razumnogo kompromissa [Scientific communication: search of the rational compromise] // Izvestija rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. Gerzena, St. Petersburg, 2009/ S. 87–95 (in russia).

Супоницкая Наталия Семеновна

Аспирант кафедры немецкой филологии СПбГУ.

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Natalia S. Suponitskaya

Graduate-student of German Philology Department, St. Petersburg State University.

Address: 7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: natalia.suponitskaya@gmail.com

М. Н. ДМИТРИЕВА

Санкт-Петербургский государственный университет

РОЛЬ МЕТАКОММУНИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ФИЛОСОФСКОЙ ПРОЗЕ НОТКЕРА НЕМЕЦКОГО

Ключевые слова: древневерхненемецкий, метакommunikация, трактат, язык профессиональной коммуникации, Ноткер Немецкий.

В статье рассматриваются различные по объему и форме высказывания, принадлежащие плану метакommunikации. Акцентируется внимание на возможности с помощью элементов метакommunikации обозначать обращение к новой подтеме, маркировать переход к их обобщению вышесказанного, пояснять приведенные факты. Таким образом, использование метакommunikации способствует более четкому структурированию текста и вносит признаки того, что и этот переводной текст Ноткера уже обладает свойствами, которые сегодня характерны для коммуникации в профессиональной сфере.

M. N. DMITRIEVA

St. Petersburg State University

ROLE METACOMMUNICATIVE DESIGNS IN THE PHILOSOPHICAL PROSE OF NOTKER TEUTONICUS

Key words: Old High German, the meta-communication, the treatise, the language of professional communication, Notker Teutonicus.

The article discusses different in scope and form of statements that belong to the plan of metacommunication. The author focuses on the possibility of using elements of metacommunicative to designate the address to the new subtopic, marking the transition to generalize the above, to explain these facts. Thus, the use of metacommunication contributes to a clearer structuring of a text and contributes signs that this translation already has properties that are typical for communication in the professional sphere.

Язык государственных и социальных институтов (церковь, придворные канцелярии, университеты, гильдии купцов, ремесленников) с давних пор обладал своими особенностями. Замечания по

проблемам той сферы функционирования языка, которую сегодня обозначают как язык профессиональной коммуникации, можно найти в исследованиях по истории языка, начиная со средневерхненемецкого периода развития немецкого языка [2: 35f., 40f., 53, 235] и далее. Заметим, что первоначально это были тексты небольшого объема, представлявшие собой смесь латинского и немецкого языков (*lateinisch-deutsche Sprachmischung*).

Но лишь в диахронических исследованиях, обращенных к материалу XIX и XX веков, языку профессиональной коммуникации отводятся отдельные, значительные по объему главы и параграфы, см., например, III том «Истории немецкого языка» П. фон Поленца [1: 485–503]. Больше количество исследований языка профессиональной коммуникации как самостоятельной сферы функционирования языка посвящено языковому материалу современности. Среди свойств, которые присущи текстам профессиональной сферы, отмечаются стремление к однозначности и отсутствию возможности двоякого толкования высказывания, употребление специальных терминов, четкая структурированность текстов и др.

Однако более детальный анализ материала «глубокой» диахронии показывает, что истоки формирования профессионального языка берут начало от переводов с латинского философских и теологических сочинений античности и связаны с именем Ноткера Немецкого (годы жизни: 955–1022). Язык своих переводов Ноткер именует *diutisk* «как обозначение некоего языкового единства, противопоставляемого другим языкам — греческому и латинскому» [7: 86]. По особенностям фонетики и морфологии язык Ноткера принадлежит алеманнскому диалекту [3: 88], [4: 56]. В жанровотипологическом плане переводы Ноткера, разумеется, еще не представляют собой текстов, принадлежащих исключительно специальной сфере, но уже обладают разноплановыми признаками, характерными для текстов сферы профессиональной коммуникации. Перевод Ноткера сохраняет структуру оригинала, состоит также из пяти глав, каждая из которых дополнительно разбита на самостоятельные разделы, имеющие заголовок на латинском языке и сквозную нумерацию арабскими цифрами. В тексте имеются многочисленные отсылки к высказываниям третьих лиц. С целью обозначения перехода от одной проблемы к обсуждению другой нередко используются вставки метакоммуникативного плана. Обратимся к

материалу переводному тексту Ноткера и рассмотрим их функции более подробно.

Трактат «Утешение Философией» — принадлежит аргументативному дискурсу (что уже не раз обсуждалось в работах автора, см., например, [5, 6]), а также содержит элементы метакоммуникации. Как известно, сочинение Бозция включает в себя пять различных этапов «излечения» автора-рассказчика. Как и другие элементы текста, метакоммуникативные вставки и целостные высказывания проявляют в связи с этим свою специфику.

Первая глава «Утешения» открывается описанием того, как автор (Бозций) пишет свой труд:

(1) Íh tir êr téta frôlichív sáng . íh máchôn nû nôte chárasáng. Síh no . léidege musê . lêrent míh scríben. (N., I, 1, 5–8, 7) — «Я раньше писал веселые песни, сейчас же я сочиняю скорбные. Сейчас музы страдания заставляют меня писать».

(2) Únde íh sús âmerlicha chlága scréib mít temo grífele. (N., I, 2, 1–2, 9) — «И я такие горькие жалобы записывал с помощью грифеля».

Эти текстовые фрагменты ясно обрисовывают общее состояние рассказчика и одновременно служат предисловием, вводят нас в текущее положение дел. Противопоставление планов прошедшего (Íh tir êr téta frôlichív sáng) и настоящего (nôte chárasáng; léidege musê . lêrent míh scríben; âmerlicha chlága scréib) открывает нам скорбное настроение, с которым он приступает к своему сочинению. Дальнейшее повествование позволяет наблюдать разные периоды в изменении его состояния, разные этапы «излечения». Пример (3) — также из начальной книги трактата — представляет собой вопрос Философии и ответ автора-повествователя, которые начинают беседу и обговаривают то, как они далее будут общаться:

(3) Nû ságe ze êrest. Uuîle du mír héngen . frâgêndo begréifôn . únde besûochen dín mùot . uuíno iz stánde? Táz íh uuíze . uuíno íh tíh héilen súle. Áfter dínemo uuíllen fróuua chád íh . frâge dés tu míh uuéllêst ántuuúrten. Tô chád sí. (N., I, 29, 1,5–10, 45) — «Ну, скажи сначала. Хочешь ты мне открыть, отвечая на вопросы, и открыть твою душу, каково ее состояние? Чтобы я знала, как я тебя лечить должна». «По твоей воле, госпожа, — сказал я, —

спрашивай то, о чем хочешь получить ответ. — Тогда сказала она».

Эта установка на продуктивное коммуникативное сотрудничество открывает обширный фрагмент текста, в котором Философия обращается к собеседнику с вопросами и получает ответы на них. В ходе диалога происходит обращение к теме непостоянства Фортуны (богини удачи). Эту смену темы также вводит метакоммуникативное высказывание Философии:

(4) *Íh uuóltí nû géрно íро sélbero uuórто . mít tír uuáz chôsôn.* — «Я очень хотела бы сейчас ее самой [Фортуны] словами тебе кое-что объяснить».

Дальше Философия стремится убедить своего собеседника в непостоянстве Фортуны, и как следствие этого факта, в нецелесообразности жалеть об утрате дарованных ею благ.

В последующих фрагментах текста высказывания метакоммуникативного плана служат для целей управления диалогом, в том числе для передачи роли говорящего другому лицу, как, например:

(5) *Íh tûon dír státa zespréchenne.* (N., II, 9, 20–21, 64) — «Я предоставляю тебе право говорить».

Также такого рода высказывания могут использоваться в качестве комментария, сказанного собеседником, как это иллюстрирует пример ниже:

(6) *Uuâr íst táz tu ságest . méistra âllero tûgede.* (N., II, 21, 18–19, 78) — «**Правдой является, что ты говоришь**, учитель всех добродетелей».

Особым видом метакоммуникации могут считаться высказывания, вводимые фразами по схеме «я не говорю, что...». Приводимые ниже два примера использованы в речи Философии:

(7) *Íh uuíle dés suígen . dô dû uuéiso uuúrte . dáz tíh tie hêrosten in íро flíht nâmen* (N., II, 17, 20–22, 73) — «**Я умолчу о том**, что когда ты сделался сиротой, тебя стоящие у власти под свою заботу взяли».

(8) *Íh neuuile dés nieht chôsôn . dáz tû iúngêr guínne díe hêrscáft . díe álte guínnen nemáhtôn.* Tû uuúrte iúngêr consul (N., II, 17, 4–7, 74) — «**Я не хочу сказать**, что ты в молодости по-

лучил должность, которой старики получить не могли. Ты стал молодым консулом».

С их помощью Философия кратко обозначает ряд тем и в ходе относительно небольшого текста упоминает о множестве событий, происходивших в прошлом с ее собеседником. Ее общая цель — напомнить собеседнику о том, что он получил от жизни многие блага и что не стоит отчаиваться, если в настоящем некоторые из них утрачены.

Кроме того, к метатексту могут быть отнесены высказывания, указывающие на значимое отсутствие вербальной реакции, как в следующем примере:

(9) Ziu **suigest** tu? Uuéder före scámôn . álde före erchómeni? (N., I, 6, 8–9, 16) — «Почему **молчишь** ты? От стыда или от изумления?»

Эта реплика Философии призвана стимулировать диалогическое взаимодействие и выяснить причину отсутствия ответа.

Обсуждая материал переводного текста «Утешения», необходимо отметить одну его особую черту: исходный текст, а за ним и перевод а ргіогі представляют собой метатекст, т. е. разговор автора-рассказчика с самим собой. Среди текстов профессиональной коммуникации такая особенность широко распространена: например, любой научный текст является по сути разговором автора с самим собой. То есть элементы метатекста должны быть рассмотрены как «вторичный» метатекст или «метатекст в метатексте».

В целом, наблюдения за метатекстом позволяют сделать вывод о том, что он активно используется для структурирования изложения: в начале изложения с помощью метатекста происходит «введение в проблему» и описание исходной ситуации, далее метатекст маркирует смену тематических блоков, обращение к смежным темам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Polenz, P.* Deutsche Sprachgeschichte vom Spätmittelalter bis zur Gegenwart. Bd. III. 19. und 20. Jahrhundert. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1999.
2. *Schmid, H.U.* Einführung in die deutsche Sprachgeschichte. Stuttgart: Weimar Verlag J.B. Metzler, 2009.

3. *Sonderegger, St.* Althochdeutsche Sprache und Literatur. Eine Einführung in das älteste Deutsch. Darstellung und Grammatik. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2003.

4. *Speyer, A.* Deutsche Sprachgeschichte. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2010.

5. *Дмитриева, М.Н.* Древненемецкие вопросительные предложения как составляющая «аргументативного дискурса» Ноткера // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. III: Антропоцентризм языковых феноменов: сб. науч. ст. / под ред. д-ра филол. наук, проф. С.Т. Нефёдова. СПб., Изд-во СПбГУ. 2013. С. 121–128.

6. *Дмитриева, М.Н. Сафонова, Н.В.* Текстобразующие функции интеррогативов в древненемецких текстах // Вестник Брянск. гос. ун-та. 2014. № 2. История. Право. Литературоведение. Языкознание. С. 327–329.

7. *Филичева, Н.И.* Немецкий литературный язык: учеб. пособие. М., 1992.

Источник иллюстративного материала

N. — Die Schriften Notkers und seiner Schule. In 3 Bden. Bd. I. Schriften philosophischen Inhalts / Hrsg. P. Piper, I.B. Freiburg; Tübingen, 1882.

REFERENCES

1. *Polenz, P.* Deutsche Sprachgeschichte vom Spätmittelalter bis zur Gegenwart. Bd. III. 19. und 20. Jahrhundert. Berlin, New York, 1999.

2. *Schmid, H.U.* Einführung in die deutsche Sprachgeschichte. Stuttgart, Weimar, 2009.

3. *Sonderegger, St.* Althochdeutsche Sprache und Literatur. Eine Einführung in das älteste Deutsch. Darstellung und Grammatik. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2003.

4. *Speyer, A.* Deutsche Sprachgeschichte. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2010.

5. *Dmitrieva, M.N.* Drevnenemeckie voprositelnie predloshenija kak sostavl'jajuschschaja „argumentativnogo diskursa“ Notkera [Old German questions as a component of „argumentative discourse“ of Notker] // Nemeckaja filologija v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete. Vyip. III: Antropocentriзм jazikovih fenomenov: sb. naytsch. st. / pod red. d-ra philol. nayk, prof. S.T. Nefjodova. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2013. S. 121–128 (in russia).

6. *Dmitrieva, M.N., Safonova, N.V.* Textoobrazyjuschije fynkzii interrogativov v drevnenemezkix textah [Text-formation functions of interrogatives in Old German texts] // Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 2. Istorija. Pravo. Literaturovedenie. Jazikoznanie. S. 327–329 (in russia).

7. *Filitscheva, N.I.* Nemezkij literaturnij jazik [German literary language]: utscheb. posobie. Moskva, 1992 (in russia).

Дмитриева Мария Николаевна

Кандидат филологических наук, ассистент кафедры немецкой филологии СПбГУ.

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Maria N. Dmitrieva

Doctor of Philological Sciences, Assistant Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University.

Address: 7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: ahdbeshiza@yandex.ru

А. К. ФИЛИППОВА

Санкт-Петербургский государственный университет

К ВОПРОСУ О МЕТАФОРИЧНОСТИ НЕМЕЦКИХ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ XVIII ВЕКА

Ключевые слова: научный стиль, XVIII век, Лейбниц, метафора, стилистика.

Принято считать, что научный стиль речи отличается безличностью, использованием специальной терминологии и слов в их прямых значениях, отсутствием образности. Однако научные тексты XVIII века (например, сочинения Готфрида Вильгельма Лейбница) содержат многочисленные метафоры, а также другие разнообразные средства создания образности текста. Целью данного исследования является анализ метафор и других стилистических фигур речи на материале научных текстов XVIII века.

A. K. FILIPPOVA

St. Petersburg State University

ON METAPHORICAL CHARACTER OF 18TH CENTURY GERMAN SCIENTIFIC TEXTS

Key words: style of science, 18th century, Leibnitz, metaphor, stylistics.

The writing style of science is generally considered to be non-personal, recognizable by the use of special terminology and words in their direct meanings, and metaphor-free. However, scientific texts of the 18th century (e. g. works by Gottfried Wilhelm Leibnitz) abound with metaphors as well as other various means of figurality. This survey aims to analyze metaphors and other stylistic figures in scientific texts of the 18th century.

Научный стиль характерен для текстов, предназначенных для сообщения точных сведений из какой-либо специальной области. Среди традиционно выделяемых для этого стиля черт можно обозначить использование специальной терминологии, логическое построение текстов и максимальную объективность изложения, большую традиционность, стройную, полную и по возможности стереотипную синтаксическую структуру предложений [1: 336].

При этом, как прямо указывает Г.Я. Солганик, выразительность языка науки «заключается не во внешних словесных украшениях — ярких метафорах, броских эпитетах, разнообразных риторических оборотах», а в «краткости и точности выражения мысли при максимальной информативной насыщенности слова» [3: 188].

Однако, как показывает наше исследование, стиль научных грамматических сочинений XVIII века отличается от традиционного научного стиля. Научные тексты XVIII века — например, работы Готфрида Вильгельма Лейбница — содержат многочисленные лингвистические средства создания образности.

Г.В. Лейбниц известен своими трудами во многих областях науки: философии, математики, механики и физики, истории, биологии, психологии, а также лингвистики. Он первым нарушил традиции писать научные труды только на латинском языке и уделял большое внимание определению места немецкого языка в научном дискурсе XVIII века. Цель настоящего исследования — проанализировать метафоры, используемые Г.В. Лейбницем для наглядного представления собственной концепции выдвижения немецкого языка на передовые позиции в научной коммуникации.

Основными трудами ученого, посвященными лингвистике, считаются „Unvorgreifliche Gedanken, betreffend die Ausübung und Verbesserung der deutschen Sprache“ (1697) и „Ermahnung an die Deutschen, ihren Verstand und ihre Sprache besser zu üben, samt beigefügtem Vorschlag einer deutschgesinnten Gesellschaft“ (1682/83). Эти два сочинения послужили материалом настоящего исследования.

К образным средствам языка, которые можно обнаружить в текстах этих двух работ Г.В. Лейбница, в первую очередь относятся различные тропы. Как известно, троп представляет собой оборот речи, в котором слово или выражение употреблено в переносном значении [2: 9]. Одним из наиболее распространенных тропов считается метафора. Некоторые исследователи также придерживаются мнения, что все остальные тропы могут быть сведены к метафоре и метонимии [2: 10], поэтому мы в нашем исследовании ограничимся рассмотрением различных видов метафор, характерных для текстов Г.В. Лейбница.

Метафора — это слово или выражение, которое употребляется в переносном значении на основе сходства в каком-либо отноше-

нии двух предметов или явлений. При этом сходство между предметами и явлениями может быть основано на самых разных чертах [2: 10].

В текстах Г.В. Лейбница метафора служит для более яркого и точного отражения его позиции. Метафорические высказывания ученого освещают следующие темы:

1. Характеристика языка в общем.

(1) *die Sprache (ist) ein Spiegel des Verstandes* (S. 5);

(2) *(vermitteltst der Sprache), so die menschlichen Gemüter zusammenfügt* (S. 6)

Пример (3) представляет собой развернутую метафору:

(3) *Das Band der Sprache, der Sitten und sogar des gemeinen Namens vereinigt die Menschen... und macht gleichsam eine Art der Verwandtschaft* (S. 48).

Приведенные примеры отражают мысль Г.В. Лейбница об объединяющей роли языка в развитии общества.

2. Различные характеристики немецкого языка и страны Германии. При этом преобладают положительные характеристики, отражающие разнообразные достоинства языка. Так, его удобство для перевода исследователь описывает следующей метафорой:

(4) *Inzwischen ist gleichwohl diejenige Sprache die reichste und bequemste, welche am besten mit wörtlicher Übersetzung zu recht kommen kann und dem Original Fuß vor Fuß zu folgen vermag* (S. 29).

Для описания самой Германии используются метафоры, содержащие возвышенную лексику, с помощью которой осуществляется восхваление страны:

(5) *...und muss unser Deutschland loben, das ein rauhes Ansehen, aber einen nährenden Saft in sich hat* (S. 50).

(6) *Denn seine Hügel fließen mit Wein und seine Täler triefen mit Fett* (S. 50).

(7) *Wenn der Herr Friede gibt, so wohnt Freude und Wonne in unsern Mauern* (S. 50).

Как следует из приведенных примеров, для этой группы характерны в основном глагольные метафоры, близкие к олицетворениям.

3. Описание настоящего положения немецкого языка и суждения автора о том, что следует изменить и чего, напротив, необходимо не допустить.

(8) *Weil aber viele gute und wohlgemachte Worte auf die Erde fallen und verlorengehen, indem sie niemand bemerkt oder beibehält... so würde man sich darin Nutzen schaffen, wenn durch grundgelegter Kenner Urteil, Ansehen und Beispiel dergleichen wohl erwogen...* (S. 33).

В примере (8) метафорически описывается появление новых слов. Этот пример, как и примеры предыдущей группы, близок к олицетворению.

(9) *Es ist demnach die Meinung nicht, dass man in der Sprache zum Puritaner werde und mit einer abergläubischen Furcht ein fremdes, aber bequemes Wort als eine Todsünde vermeide...* (S. 11).

В примере (9) ненужное избегание иностранных слов сравнивается с пуританством и суеверием, а само такое слово иронически сопоставляется со смертным грехом.

4. Суждения автора о людях и о мире.

Мир и общество в целом Г.В. Лейбниц метафорически называет великими учителями:

(10) *dass die rechte Verstandesübung sich finde nicht nur zwischen Lehrenden und Lernenden, sondern auch vornehmlich im gemeinen Leben unter der großen Lehrmeisterin, nämlich der Welt oder Gesellschaft...* (S. 6).

Сравнение в этом примере передается посредством номинативной метафоры.

Многие метафоры этой группы представляют собой различные — положительные или отрицательные — характеристики людей. Достоинными людьми Г.В. Лейбниц представляет тех, которые стремятся к познанию, относятся с уважением к своей стране и своему языку:

(11) Weil nun nicht zu zweifeln, dass noch mancher ehrliche Deutsche ein rechtes Herz zu seinem Vaterlande habe... (S. 54).

Напротив, лишённые глубины люди, ругающие Германию, отвергающие образование и не проявляющие уважения к истории, в работах исследователя подвергаются критике.

(12) Diese Leute sind ohne Erregung und Feuer (S. 58).

(13) der Geist des Lebens sei ihnen nicht eingeblasen worden (S. 58).

(14) Überdies werden solcher Landesverräter wenige in ihre Bosheit so gar verhärtet sein, dass sie nicht auch mitten im Glück und Fortgang ihrer bösen Anschläge einen stets nagenden Wurm fühlen (S. 48).

Для описания вредоносной деятельности таких людей Г.В. Лейбниц использует метафоры, в которых развитие языка сравнивается с источником, который они стремятся перекрыть (пример (15)), а нерешенные вопросы — с ранами (пример (16)):

(15) Denn sie wollen den Brunnquell gemeiner Ruhe verderben (S. 51).

(16) Anstatt dass sie unsre Wunden mit Öl lindern, reiben sie solche mit Salz und Essig (S. 51).

Работы Г.В. Лейбница содержат также достаточно многочисленные метафоры, не относящиеся к проанализированным выше темам, освещенным автором. Метафоры в трудах исследователя используются для характеристик религии, науки, движения мысли, исследования языка иностранцами и т. д. Так, аргументируя, по какой причине изменения в статусе немецкого языка не могут про-

изойти быстро, Г.В. Лейбниц использует для иллюстрации своей мысли сразу два образа сравнения:

(17) Ein kleines Steinlein im Schuh kann einen reisenden hindern, und eine Fliege an der Wand kann eines großen Staatsmanns Gedanken verstören; also sind gewisse Sachen, so insgemein verachtet werden, aber deren unsichtbare Wirkungen ein großes zum guten oder bösen vermögen (S. 56).

Первый образ — это камешек, застрявший в обуви (*Ein kleines Steinlein im Schuh*), который может помешать путешественнику; второй образ — муха на стене (*eine Fliege an der Wand*), способная отвлечь человека от его мыслей. Эти два образа заключены в одном сложном предложении.

На основании проанализированного материала можно сделать вывод, что язык научных трудов Г.В. Лейбница метафоричен. При этом для метафор характерны преимущественно объемные, развернутые структуры, не нарушающие, а наоборот органично вписывающиеся в стиль науки XVIII века.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арнольд, И.В.* Стилистика. М.: Флинта; Наука. 2010.
2. *Дуров, В.С.* Основы стилистики латинского языка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия. 2004.
3. *Солганик, Г.Я.* Стилистика текста. М.: Флинта; Наука. 2000.

Источник

Leibniz, G.W. Unvorgreifliche Gedanken, betreffend die Ausübung und Verbesserung der deutschen Sprache. Zwei Aufsätze. Stuttgart: Reclam, 1995.

REFERENCES

1. *Arnold, I.V.* Stilistika [Stilistika]. Moskva: Flinta; Nauka. 2010 (in russia).

2. *Durov, V.S.* Osnovy stilistiki latinskogo jazyka [St. Petersburg: Filologicheskij fakul'tet] SPbGU; Moskva: Izdatel'skij tsentr „Akademija“. 2004 (in russia).

3. *Solganik, G.J.* Stilistika teksta [Tekst stilistika]. Moskva: Flinta; Nauka. 2000 (in russia).

Филиппова Анастасия Константиновна

Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры немецкой филологии СПбГУ.

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Anastasia K. Filippova

Doctor of Philological Sciences, Senior teacher of German Philology Department, St. Petersburg State University.

Address: 7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: anasty2002@mail.ru

КОМИЧЕСКОЕ И СПОСОБЫ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ

Ключевые слова: комическое, речевые средства выражения комического, ирония, научный текст, экспрессия в научной речи.

Опыт чтения научных монографий и статей показывает, что экспрессивность и даже сознательно производимый комический эффект отнюдь не чужды текстам такого рода. В статье на ряде примеров из сферы гуманитарных наук рассмотрены проявления комического, а также способы его выражения и функции в научном тексте.

A. V. ELISEEVA

St. Petersburg State University

THE COMIC AND MEANS OF ITS MANIFESTATION IN SCIENTIFIC TEXTS

Keywords: the comic, language means of comic manifestation, irony, scientific text, expression in the scientific text.

The article is about the comic, its forms and its manifestation forms in scientific texts. Also the functions of the comic and translation of such kinds of texts are considered.

Одним из общих мест монографий, статей и учебных пособий по стилистике является тезис об объективности, эмоциональной нейтральности и неэкспрессивности научных текстов. Диапазон представленных в научной и учебной литературе позиций простирается от безоговорочных утверждений об отсутствии эмоциональной выразительности в текстах научного стиля [4: 33–34] до признания за этим типом речи элементов индивидуальной маркированности, экспрессивности, а также эстетического измерения. Об этих характеристиках научной речи писала еще в 1983 г. М.П. Брандес [1: 181–186]. Нужно сказать, что в конце XX — начале XXI века появилось немало работ, в которых исследованы катего-

рии субъективности, индивидуального стиля и экспрессивности в научных текстах на разных языках [2; 5].

Рассматривая признаки субъективности, экспрессивности и эмотивности в научных текстах, исследователи до сих пор мало внимания обращали на присутствие в них такого феномена, как комическое в разных его проявлениях (традиционно, как известно, выделяются такие формы комического, как юмор, ирония, сатира, хотя правомерность такой классификации подвергается убедительной критике [7: 278]). В то время как существует немало работ о средствах выражения комизма в художественной литературе и публицистике [6], данный аспект научных текстов редко попадает в фокус исследовательского интереса. Можно упомянуть только единичные работы, в которых рассматривается ирония в научном дискурсе [8; 16]. Между тем, как показывает практика чтения научных работ, комическое нередко становится элементом развития и воплощения мысли автора. Так, С.Н. Зенкин отмечает большое значение юмора и игры в трудах известного французского нарратолога Жерара Женетта, смеющегося над собственными теоретическими построениями и схемами («кузина на диване» — «аналепсис на паралипсисе») [3: 36–37].

Задача статьи состоит как раз в восполнении данной лакуны на материале немецкоязычных научных текстов (преимущественно литературоведческих, но также относящихся к смежным дисциплинам), содержащих элементы комизма. Стоит оговориться, что в фокусе исследования находятся только такие жанры, как статья и монография, многие другие типы текстов письменной и устной речи (тезисы, аннотации, доклады, диссертации и пр.) из-за ограничений объема исследования в нем не рассматриваются. За рамками анализа остались также случаи непредумышленного комизма в научных работах, обусловленные либо недостаточной речевой компетентностью, либо историческими или индивидуальными обстоятельствами рецепции текста. Разумеется, данная работа не может претендовать ни на всеохватность материала, ни на его исчерпывающий анализ. Задача ее состоит в привлечении внимания к нередко присутствующему в научной речи феномену, в попытке систематизации встречающихся проявлений комизма и способов его выражения, а также в интерпретации функций комического в

текстах. Затронута и проблема перевода подобных текстов на другой (в данном случае на русский) язык.

Элементы комического занимают разное место в научных текстах из сферы гуманитарных наук, иногда появляясь в них спорадически, иногда являясь важной составляющей частью дискурса. Подобное наблюдается в известной монографии Клауса Тевеляйта «Мужские фантазии». Вышедший в свет в 1977–1978 гг. двухтомный труд немалого объема (около 1000 страниц) стал одним из ярких интеллектуальных событий 1970-х годов, а его автор — одним из основоположников маскулинных исследований в гендерной теории. Книга содержит анализ мемуаров, автобиографий и прочих свидетельств, созданных военными, входившими после Первой мировой войны в добровольческие корпуса и впоследствии примкнувшими к нацистскому движению. Объектом исследования в работе Тевеляйта среди прочего является связь агрессивных импульсов у военных и дефицитов телесного развития, которые автор, используя обширный инструментарий психоанализа в различных его изводах, объясняет во многом младенческим опытом в условиях вильгельмовской Германии. С первых страниц книги обращают на себя внимание комментарии исследователя к цитируемым отрывкам из эго-документов, нередко содержащие комическое начало. Так, по поводу брачного выбора капитан-лейтенанта Манфреда фон Киллингера он замечает: „An einer Frau, die kompromißlos über zwei Kriterien die Wirklichkeit erfaßt: „anständig“ oder nicht, dabei nicht zimperlich, kann man nicht vorbeigehen“ [19: 27]. Комментарий автора является ироническим парафразом текста самого Киллингера, сообщающего о достоинствах своей избранницы: „[...] nicht zimperlich [...]. In ihrer Auffassung gab es keine Kompromisse, entweder war eben etwas anständig bei ihr oder nicht. Danach richtete sie ihr Leben ein und danach beurteilte sie auch die Menschen“ [19: 26]. Парафраз Тевеляйта, очуждающий суждение Киллингера, несомненно, служит созданию иронической дистанции между автором и анализируемым текстом. Такую же роль выполняет и другой иронический парафраз фрагмента из эго-документа, содержащий элементы метонимии: иронизируя по поводу зависимости частной жизни генерала фон П.Э. фон Леттов-Форбека от вкуса его родителей, Тевеляйт замечает: „Der Weg in das Bett dieses Generals schien unbedingt durch das Wohnzimmer seiner Eltern zu führen“ [19: 23].

Парафразы раскрывают как сомнительность инструмента оценки: стремление познавать действительность двумя критериями — «прилично или нет», зависимость протагониста и его потенциальной жены от одобрения родителей, так и алогичность рассуждений в тексте Киллингера: несовместимость отсутствия «чопорности» (*zimperlich*) и сосредоточенности на приличиях. Во втором примере уже сама краткость парафразы обладает комическим эффектом: вместо конвенциональных рассуждений о почтении к родителям автор монографии использует сжатую формулировку: «Путь в постель этого генерала, кажется, неизбежно вел через гостиную его родителей». Средством выражения иронии выступает в тексте Тевеляйта не только парафраз, но и такой стилистический прием, как ретардация (задержка развязки или ответа в повествовании). Тевеляйт использует ретардацию в разделе книги «Что любят солдаты» („Was die Soldaten lieben“). Если до этого фрагмента в книге шла речь о том, что военные в своих воспоминаниях демонстрируют почти полное равнодушие к женам, любовницам и подругам, то в этой части монографии автор, заинтриговав читателя заголовком, а также вступлением („Nun ist es aber nicht so, dass diese Bücher ganz ohne Erotik wären“ [19: 74]) приводит довольно продолжительный ряд цитат, содержащих упоминания «нежных губ» („sanfte Lippen“), «кожи ее груди» („die Haut ihrer Brust“), «нервного тела» („nervigen Körper“), поцелуев враскос („[...] küßt seine Geliebte ‘saugend’“) и т. п., но не дающих окончательный ответ на вопрос, «что любят солдаты». Об этом автор сообщает только после ряда цитат, предварительно воззвав к догадливости читателя: „[...] hat der aufmerksame Leser schon gemerkt, daß die Liebesobjekte in allen drei Fällen Pferde sind“ [19: 74]. Комическим эффектом обладает как неожиданность развязки этого пассажа после упоминания частей тела и действий, которые вполне можно отнести к человеку, так и архаическое в современном дискурсе воззвание к «внимательному читателю», распространенное в литературе XVIII–XIX веков наряду с обращением к «благосклонному читателю». Эти и многие другие комические приемы явно служат в книге Тевеляйта прежде всего созданию иронической дистанции по отношению к исследуемому материалу.

Если труд Тевеляйта, который в научном мире объявляли столь же гениальным, сколь и сумбурным, нередко позиционирует

на периферии академического дискурса [17], то едва ли «неакадемичность» изложения когда-либо вменялась в вину представителю Констанцской школы рецептивной эстетики Хансу Роберту Яуссу (Hans Robert Jauss, 1921–1997). Одна из самых известных работ Яусса «История литературы как провокация литературоведения» („Literaturgeschichte als Provokation der Literaturwissenschaft“, 1967) начинается с иронического изображения традиционных сочинений по истории литературы и их использования в образованных кругах общества: „Sonst sind Literaturgeschichten allenfalls noch in Bücherschränken des Bildungsbürgertums zu finden, das sie in Ermangelung eines besser geeigneten Wörterbuchs der Literatur vornehmlich aufschlägt um literarische Quizfragen zu lösen [14: 144]. Иронический эффект здесь связан с гиперболой, служащей способом симплификации: функцией трудов по истории литературы является помощь в решении кроссвордов. Ироническую оценку получает у Яусса и структура традиционных трудов по истории литературы, где обычно изложение различных тенденций, направлений и течений принято соединять с очерками творчества неких выдающихся, с точки зрения авторов, писателей. Яусс обозначает этот прием, комически очуждая его: „Die Biographie der Autoren und die Würdigung ihres Gesamtwerks tauchen hier nach dem Motto: *und dann und wann ein weißer Elefant an einer zufälligen Stelle auf*“ [14: 146]. Одним из способов создания комического эффекта здесь служит цитата, которая в издании работы маркирована графически (курсивом), но лишена ссылки на источник, возможно из-за широкой известности в среде германистов. Слова „und dann und wann ein weißer Elefant“ являются рефреном стихотворения Р.М. Рильке «Карусель» (R.M. Rilke „Das Karussell“, 1906). Комический эффект создает в этом случае использование цитаты, очуждающее описание распространенного метода создания трудов по истории литературы.

Не только Яусс использует гиперболизацию как прием, ее можно обнаружить и во вступлении Йерна Альбрехта к монографии «Литературный перевод», где присутствует мало исследованный в науке речевой жанр «забавный случай из жизни». Автор вспоминает ситуацию коммуникативной неудачи, когда он настаивал на отличии оригинала произведения (в данном случае речь шла о «Маятнике Фуко» У. Эко) от его перевода на немецкий язык, а собеседник отождествлял эти разные, по убеждению автора моно-

графии, тексты. Альбрехт полагает, что сам он тогда „...eine schlechte Figur abgegeben habe. Mein Gesprächspartner hielt mich für einen unerträglichen Snob. Sicherlich werden ihm viele meiner Leser freudig zustimmen“ [10: 9]. Гиперболизация достигается здесь лексическими средствами (eine schlechte Figur, unerträglichen Snob, freudig zustimmen), а также словом sicherlich, маркирующим внутреннюю модальность безоговорочной уверенности.

Прием иронического парафраза, использованный Тевеляйтом, применяет и такой ученый, как Вернер Фаульштих. Так, в статье, где он анализирует тексты шлягеров 1960-х годов, возникает диссонанс между нейтральным стилем речи и передачей содержания песен с использованием характерных для них лексем, что порождает комический эффект: „Hier hat der ‘schwarze Tino’ seinen Nebenbuhler ‘Rocko’ umgebracht, um ‘Nina’ zu erobern, aber er mußte in die heiße Wüste fliehen, und Nina gibt sich nun mit anderen Männern ab — eine doppelte Tragödie“ [11: 178]. Ирония проистекает здесь из соединения цитат, обозначенных кавычками, которые уже сами по себе пунктуационно дистанцируют чужой текст, а также штампов сентиментальных песен (zu erobern, in die heiße Wüste) с краткостью и сдержанностью пересказа сюжета шлягера.

Из приведенных примеров явствует, что наиболее распространенным комическим приемом в научной литературе является ирония, то есть высказывание, имплицитный смысл которого противоположен эксплицитному [12: 2–3]. К подобным приемам прибегают и другие авторы научных работ. Так Ф. Хофман, критикуя принятые в науке подходы к анализу жанра новеллы, заявляет: „ich schlachte drei heilige Kühe der Germanisten. Ich bestreite den Theoriestatus der sogenannten Novellentheorie und bezweifle, dass die hier aufgereihten Novellenmerkmale für die Interpretation der Novellentexte von größerer Bedeutung sind“ [13: 63]. В этом фрагменте использован фразеологизм „heilige Kühe schlachten“, имеющий сам по себе ироническую окраску (так же, как и русский фразеологизм «священные коровы»). Дополнительный комический эффект возникает в данном тексте благодаря генитивному определению в постпозиции («священных коров германистов»).

Автор монографии об истории поэтики Вернер Юнг использует для создания иронического эффекта помимо симплификации, основанной на гиперболе („Die amerikanischen Autoren haben es

leichter“ [15: 185]), поэтизмы и архаизмы. Этот прием наблюдается, например, в главе, дающей очерк поэтологических идей конца XX века: „Der Blick kehrt zurück in die heimischen Gefilde unserer deutschen Literatur. Finster schaut es hier aus, trostlos. [...] Die innere Stimme klingt brüchig, hohl und repetiert allenfalls Krisengesänge“ [15: 185]. Архаизм Gefilde, использованный в создании развернутой метафоры, окказионализм Krisengesänge в сочетании с гиперболой („Finster schaut es hier aus, trostlos“) способствуют образованию иронической дистанции по отношению к немецким литературным концепциям рассматриваемого периода. В том же разделе книги автор использует для создания комического эффекта такую разновидность метафоры, как олицетворение, а также игру грамматическими формами слова: „Statt angestrongter wie anstrender Reflexionen grundsätzlicher Art findet sich ein schlichtes Fabulieren. Alltagsbanalitäten (bei N. Baker), aber auch völlig abgedrehte Phantasien (bei B.E. Ellis) geben sich in der neueren amerikanischen Literatur ein munteres Stelldichein“ [15: 185]. В приведенном примере обращает на себя внимание устаревшее слово Stelldichein в сочетании с эпитетом munter и с предметом рассмотрения — тенденциями современной поэтики, обозначенном определением (in der neueren). Очевидно, что в тексте В. Юнга комический эффект во многом обязан приему стилистического слома, объединяющего элементы разных пластов лексики (оценочных и нейтральных слов, архаизмов, окказионализмов, и т. п.) и различной семантики.

Стоит упомянуть и об использовании приема литоты для создания иронической дистанции. К такому способу прибегает, например, Ева М. Й. Шмид в статье о разных экранизациях романа Теодора Фонтане «Эффи Брист». Размышляя о добавлениях, сделанных Р.В. Фасбиндером к сюжету (фабуле) литературного произведения, она замечает по поводу мотива поезда, занимавшего и других ученых: „Auf die im Wüllersdorf-Gespräch ziellos (?) herumfahrenden Eisenbahnzüge würde ich gern verzichten. Die filmische Geste scheint albern. Gewollt“ [18: 80]. В этом пассаже примечательно сочетание лексики с негативной оценкой (herumfahrenden, ziellos, albern) и пунктуации, выражающей недоумение автора (знак вопроса в скобках) с некатегоричным, смягченным выражением протеста против использованного в фильме приема (в форме кондационалиса первого, выражающего вежливую просьбу, желание).

Таким образом, можно сделать предварительные выводы о широком диапазоне средств, используемых для создания комического эффекта в научном тексте. Преобладающим типом комизма научного дискурса является с некоторыми оговорками (с учетом зыбких границ между юмором, иронией и сатирой) ирония, т. е. разрыв между эксплицитным высказыванием и имплицитным смыслом. Средствами создания такого иронического зазора служат в рассмотренных примерах, прежде всего, парафраз и гиперболизация (часто лежащая в основе симплификации). Используются также фразеологизмы с иронической окраской, комбинации стилистически разнородных слов, цитаты из текстов другого стиля, тропы. Частым приемом служит стилистический слом. Обнаружен также случай иронически окрашенной литоты.

Важной представляется позиция комически (прежде всего, иронически) окрашенных фрагментов научного текста. Как правило, они располагаются в начале монографии или статьи как целого, т. е. в так называемых сильных местах. С этой позицией тесно связана и прагматика комических пассажей — полемика либо с авторами исследуемого художественного материала (К. Тевеляйт, В. Фаульштих, Ева М. Й. Шмид), либо с определенными научными методами и их защитниками (Ф. Хофман, Х.-Р. Яусс). Комические элементы также нередко направлены на то, чтобы активизировать внимание читателя, побудить его к участию в полемике (Йе. Альбрехт, Х.-Р. Яусс, Ф. Хофман).

В конце статьи напрашивается вопрос о переводе подобных фрагментов, содержащих комическое начало. Из всех упомянутых в статье текстов на русский язык переведен только один — работа Х.-Р. Яусса «История литературы как провокация литературоведения». Интересно, что некоторые элементы комического остались сохраненными (приемы гиперболизации: «Как правило, книги по истории литературы можно обнаружить в книжных шкафах образованных граждан, которые за неимением более подходящего справочника по литературе открывают их главным образом для того, чтобы решать литературные кроссворды» [9: 34]), а другие пропали в переводе. Так в русскоязычном тексте оказалась утраченной интертекстуальная отсылка к стихотворению Р.М. Рильке, о которой шла речь. В переводе она преобразовалась в сравнение, принадлежащее автору работы: «Биография же авторов (или анализ их сочи-

нений) появляется здесь случайно, в виде экскурса, по принципу «и порой проплывает белый слон»» [9: 35]. Несмотря на использование кавычек, цитата не маркирована в переводе как таковая (ссылкой или цитированием существующих переводов стихотворения — причем это произведение переводили неоднократно, например А. Карельский, В. Леванский) и потому трудно распознаваема для иностранного читателя.

Наблюдение за элементами комизма в научном тексте позволяет расширить представление об этой форме речи, сопоставить средства и функции комизма со способами его выражения в других жанрах речи, а также поколебать до сих пор живую мифологему бесстрастного ученого, хладнокровно и объективно исследующего факты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брандес, М.П.* Стилистика немецкого языка. М.: Высшая школа, 1983.
2. *Геллер, Э.С.* Синтаксические средства экспрессивности и их роль в абзаце научных текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1991.
3. *Зенкин, С.Н.* Преодоленное головокружение: Жерар Женетт и судьба структурализма // Женетт Ж. Работы по поэтике. Фигуры: Т. 1, 2. М.: Издательство им. Собашниковых, 1998. С. 5–57.
4. *Наер, Н.М.* Стилистика немецкого языка: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2006.
5. *Нистратова, С.Л.* К вопросу о системе экспрессивных синтаксических средств в научной речи // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2004. Вып. 28. С. 143–150.
6. *Панина, М.А.* Комическое и языковые средства его выражения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.
7. *Сухих, И.Н.* Теория литературы. Практическая поэтика. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014.
8. *Шилихина, К.М.* Ирония в академическом дискурсе // Вестник ВГУ. Сер.: Филология, журналистика. 2013. № 1. С. 115–118.
9. *Яусс, Х.-Р.* История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995. № 12 / предисл. и пер. с нем. Н.А. Зоркой. С. 34–84.

10. *Albrecht, Jö.* Literarische Übersetzung. Geschichte. Theorie. Kulturelle Wirkung. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1998.
11. *Faulstich, W.* Deutsche Schlager und deutsche Fernsehstars. Wertekontinuität im Medienwandel // Faulstich W. Die Kultur der 60er Jahre / Hrsg. W. Faulstich. München: Wilhelm Fink Verlag, 2003. S. 177–193.
12. *Groeben, N., Schelen, B.* Produktion und Rezeption von Ironie. Pragmalinguistische Beschreibung und psycholinguistische Erklärungshypothesen. Tübingen: Gunter Narr, 1984.
13. *Hoffmann, V.* Novellenanthropologie statt Novellentheorie // Zeitschrift der Germanisten Rumäniens. 2008–2009. H. 1–2 (33–34), 1–2 (35–36), Jg. 17–18. S. 63–73.
14. *Jauß, H.R.* Literaturgeschichte als Provokation der Literaturwissenschaft / Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1970.
15. *Jung, W.* Kleine Geschichte der Poetik. Hamburg: Junius, 1997.
16. *Myers, G.* The Rhetoric of Irony in Academic Writing // Written Communication. 1990. N 7. P. 419–455.
17. *Reichardt, S.* Klaus Theweleits Männerphantasien — ein Erfolgsbuch der 1970er Jahre. Mode of access: <http://www.zeithistorischeforschungen.de> (date of access: 15.01.2015).
18. *Schmid, E. M. J.* War Effi Briest blond? // Literaturverfilmung / Hrsg. W. Gast. Bamberg: c.c.buchner, 1993. S. 75–99.
19. *Theweleit, K.* Männerphantasien. Bd. 1. Frankfurt a.M.: Roter Stern, 1977.

REFERENCES

1. *Brandes, M.P.* Stilistika nemetskogo iazyka [Stylistics of the German language]. Moskva: Wysshaia shkola, 1983 (in russia).
2. *Geller, E.S.* Sintaksicheskie sredstva ekspressivnosti i ikh rol' w absatsе nauchnykh tekstov [Syntactic expressive means and the function of them in the paragraph]: Author's abstract. Leningrad, 1991 (in russia).
3. *Zenkin, S.N.* Preodolennoie golowokruzheniie: Gérard Genette i sud'ba strukturalizma [The overcome vertigo: Gérard Genette and the structuralism destiny] // Genette G. Raboty po poetike. Figury. Vol. 1, 2. Moskva: Izdatelstwo im. Sobashnikovykh, 1998. S. 5–57 (in russia).
4. *Naer, N.M.* Stilistika nemetskogo iazyka [Stylistics of the German language]. Moskva: Wysshaia shkola, 2006 (in russia).

5. *Nistratowa, S.L.* K woprosu o sisteme ekspressivnzkh sintaksicheskikh sredstw w nauchnoi rechi [On the syntactic expressive means in the scientific discourse] // *Iazyk, soznanie, kommunikatsiia: sbornik statei* [symposium]. Otw. red. W.W. Krasnykh, A.I. Izotow. Moskva: MAKSS Press, 2004. Issue 28. S. 143–150 (in russia).

6. *Panina, M.A.* Komicheskoie i jazykowyie sredstva ego wyrazheniia [The comic and its language manifestation means]. Author's abstract. Moskva, 1996 (in russia).

7. *Sukhikh, I.N.* Teoriia literatury. Prakticheskaiia poetika [The literature theory. The practical poetics]. St. Petersburg: Filologicheskii fakultet SPbGU, 2014 (in russia).

8. *Shilikhina, K.M.* Ironiia w akademicheskom diskurse [The irony in the academic discourse] // *Westnik WGU: Filologiiia, Zhurnalistika*. 2013. № 1. S. 115–118 (in russia).

9. *Jauss, H.-R.* Istoriia literatury kak prowokatsiia literaturowedeniia [Literary history as a provocation for literary scholarship] // *Nowoie literaturnoie obozreniie*. 1995. № 12. S. 34–84 (in russia).

10. *Albrecht, Jö.* Literarische Übersetzung. Geschichte. Theorie. Kulturelle Wirkung. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1998.

11. *Faulstich, W.* Deutsche Schlager und deutsche Fernsehstars. Wertekontinuität im Medienwandel // *W. Faulstich Die Kultur der 60er Jahre* / Hrsg. W. Faulstich. München: Wilhelm Fink Verlag, 2003. S. 177–193.

12. *Groeben, N., Schelen, B.* Produktion und Rezeption von Ironie. Pragmalinguistische Beschreibung und psycholinguistische Erklärungshypothesen. Tübingen: Gunter Narr, 1984.

13. *Hoffmann, V.* Novellenanthropologie statt Novellentheorie // *Zeitschrift der Germanisten Rumäniens*. 2008–2009. H. 1–2 (33–34), 1–2 (35–36), Jg. 17–18. S. 63–73.

14. *Jauß H.-R.* Literaturgeschichte als Provokation der Literaturwissenschaft. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1970.

15. *Jung, W.* Kleine Geschichte der Poetik. Hamburg: Junius, 1997.

16. *Myers, G.* The Rhetoric of Irony in Academic Writing // *Written Communication*. 1990. N. 7. P. 419–455.

17. *Reichardt, S.* Klaus Theweleits Männerphantasien — ein Erfolgsbuch der 1970er Jahre. Mode of access: <http://www.zeithistorische-forschungen.de> (date of access: 15.01.2015).

18. *Schmid, E. M. J.* War Effi Briest blond? // Literaturverfilmung / Hrsg. W. Gast Bamberg: c.c.buchner, 1993. S. 75–99.

19. *Theweleit, K.* Männerphantasien. Bd. 1. Frankfurt a.M.: Roter Stern, 1977.

Елисеева Александра Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ.
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Aleksandra V. Eliseeva

Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University.

Address: 7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: eliseeva_alexan@mail.ru

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ СПЕЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ТЕКСТЕ

Ключевые слова: научно-популярный текст, функциональные стили, семантическая структура, сравнение, метафора, гибридность, мультимодальность.

В статье анализируется содержательная структура научно-популярного текста и определяются его структурно-семантические компоненты, кроме того, выявляются способы передачи специальной информации, такие как определение, сопоставление и сравнение информации, визуальные средства.

L. Y. SLININA

St. Petersburg State University

METHODS OF TRANSFER OF SPECIAL INFORMATION IN POPULAR SCIENCE TEXT

Keywords: popular science text, functional styles, semantic structure, comparison, metaphor, hybridity, multimodality.

The article analyses semantic structures of the popular science text and detects its semantic structural components. It deals also with methods of transfer of special information like definition, contraposition, comparison and visual aids.

В печатных периодических изданиях, таких как „Der Spiegel“, „Focus“, „Frankfurter Allgemeine Zeitung“, „Die Zeit“ и в их электронных аналогах — „Spiegel online“, „FOCUS online“, „Zeit online“, „FAZ.net“ — читатель всегда встретит постоянные рубрики, посвященные науке. Существуют и специализированные периодические научно-популярные издания, такие как „Bild der Wissenschaft“, „Spektrum der Wissenschaft“, „GEO“ и научно-популярные интернет-порталы, как wissenschaft.de. Регулярность освещения научных тем в СМИ говорит об интересе к ним со стороны читателей, хотя

часто они касаются малознакомых для читателя областей, и информация оказывается весьма специфичной.

Научно-популярный текст является предметом изучения современной лингвистики. В современных исследованиях прежде всего проводится граница между специальной научной коммуникацией и научной коммуникацией с участием неспециалистов (*fachinterne und fachexterne Kommunikation*) [6: 361]. Не вызывает сомнения, что именно адресат и его знания и осведомленность относительно объекта коммуникации определяют существенные различия между специальным научным и научно-популярным текстом. Перед автором научно-популярной статьи стоит задача написать о проблемах и достижениях в науке так, чтобы это было понятно и интересно читателю-неспециалисту.

Для понимания различий между научно-популярным и специальным научным текстом важно посмотреть на проблему и с точки зрения функциональной стилистики. А.А. Липгарт, рассуждая о соответствии предложенных В.В. Виноградовым³ основных функций языка и традиционно принятых функциональных стилей, отмечает, что передача специальной информации свойственна научному или официально-деловому стилям, выполняющим функцию сообщения, а не публицистическому стилю. При этом если специальная информация все же находит свое отражение в публицистике, способ ее передачи будет принципиально иным. «Отличительной особенностью публицистики как функционального стиля является то, что в силу ее содержательной и языковой специфики обсуждение специальных тем в рамках данного стиля неизбежно упрощает понятийный план и переводит дискуссию на более или менее популярный, неспециализированный уровень» [4: 165]. В этой связи автор делает оговорку, что в «такой трактовке ... нет ничего унижительного» ни для публицистики, ни для журналистов. Действительно, речь идет об отличающихся друг от друга способах передачи информации.

Целью исследования, о результатах которого пойдет речь в данной статье, является определение семантической структуры и

³ В.В. Виноградов в книге «Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика» предлагает различать три функции языка: функцию общения, функцию сообщения и функцию воздействия [1: 6].

способов передачи специальной научной информации в научно-популярных текстах. Материалом исследования послужили статьи на научные темы из немецкого журнала „Der Spiegel“, австрийского журнала „Profil“ последних лет и актуальные материалы порталов „Spiegel online“, „wissenschaft.de“. Выбранные издания представляют типичные научно-популярные статьи, анализ которых дает возможность выявить их общие свойства и типичные способы передачи научной информации.

Содержательная структура научно-популярного текста

Рассматриваемые научно-популярные тексты относятся к самым различным жанрам: новостные заметки, интервью, репортажи, тексты комплексного характера, тем не менее, их объединяет хотя и довольно широкая, но общая тема науки, а также общий публицистический стиль. Вероятно, именно эти общие признаки определяют наличие в большинстве этих самых различных с точки зрения жанровой принадлежности текстах общие структурно-семантические компоненты.

1. Изложение сути научной проблемы, степень ее разработанности или описание проблемы, явившейся поводом для исследования.

В самом начале статьи (1), посвященной связи возраста родителей и внешнего облика детей, говорится, из чего исходили ученые, прежде чем приступить к собственным экспериментам:

(1) Vor zwei Jahren berichteten Wissenschaftler über fünf Gene, die offenbar das Aussehen des Gesichts beeinflussen. Nun haben die Forscher ... diese Erkenntnisse genutzt, ... /1⁴.

2. Постановка вопроса, формулировка задачи исследования или научной гипотезы.

Если изложение проблемы представляет собой описание, то постановка вопроса является отправной точкой для развития повествования и дальнейшей текстовой динамики. Формулировка

⁴ В нашей статье в конце примеров курсивом в косых скобках курсивом указан номер источника, из которого взят пример. Число в скобках в начале примера показывает его порядковый номер. (Выделения в примерах мои. – Л.С.)

вопроса — это то, что привлекает читателя, ведь, скорее всего, именно этот вопрос задавали себе ученые. Так как от этого содержательного компонента в какой-то мере зависит успех статьи, авторы стремятся облечь его в заметную и привлекательную для читателя форму. Обычно он помещается в самом начале текста, часто в заголовке или в лиде (подзаголовке) и имеет форму вопроса. Например, первая из упомянутых статей имеет заголовок:

(2) *Zeugen ältere Väter hässliche Kinder? /1/.*

Статья о психологе Нильсе Бирбаумере начинается с провокационного вопроса, интересовавшего самого ученого и всех читателей:

(3) *Wie es sich wohl anfühlt, von Kopf bis Fuß gelähmt zu sein? /2/.*

Вопрос может формулироваться в косвенной форме. Например:

(4) *Die Federfußspinne macht sich eine andere Technik zunutze: Um ihre Beute zu fangen, läßt sie ihre hauchdünnen Fäden elektrostatisch auf. Forscher von der University Oxford haben jetzt herausgefunden, wie sie das macht /3/.*

3. Обозначение места исследования и имен исследователей.

Имена исследователей и место исследования указываются либо в начале статьи, либо при постановке вопроса, как в предыдущем примере, либо в начале следующего содержательного компонента, т. е. при описании самого эксперимента.

4. Описание эксперимента, хода исследования.

Эта структурно-семантическая часть представляет собой динамическое описание. Часто именно здесь слово дается самим участникам исследования, ученым, которые объясняют значение своих действий:

(5) *Marco Samadelli vom EURAC-Institut für Mumien und den Iceman hat nun erstmals eine vollständige Übersicht über alle Tätowierungen der Gletschermumie erstellt. Dafür fotografierte er den Körper der Mumie aus verschiedenen Blickwinkeln mit einer multispektralen Technik. „Jedes Foto wurde sieben Mal aufgenommen, jedes Mal mit einer anderen Wellenlänge. So konnten wir*

die verschiedenen Tiefen abdecken, in denen sich jeweils das für die Tattoos verwendete Kohlepulver abgesetzt hatte“, erklärt der Forscher /4/.

5. Описание результата исследования.

В этой части читатель должен получить ответ на вопрос, заданный в начале статьи. Обычно он формулируется к концу статьи или в конце эпизода, описывающего научное исследование в виде одного или нескольких предложений как, например, ответ на вопрос из заметки о некрасивых детях:

(6) Laut der ... Studie steigt das Risiko für Väter, einen vergleichsweise hässlichen Sprössling zu zeugen, alle zehn Jahre um 13 Prozent /1/.

Неожиданно заканчивается поставленный на самом себе эксперимент Нильса Бирбаумера, принявшего нервнопаралитический яд:

(7) Natürlich erwartete er sich Stunden voller Angst, zumindest starkes Unwohlsein. Stattdessen erlebte er vollkommene Glückseligkeit. /2/.

6. Формулировка вывода, представляющего интерес для широкого круга публики.

В конце статьи обычно сообщается о возможности практического применения результатов /3/ или о положительных перспективах исследования /5/:

(8) Die Ergebnisse könnten auch der Industrie nutzen. Bisher produzieren Ingenieure Nanofasern nach dem Spinnfadenvorbild durch Elektrosinnen /3/.

(9) Die ersten Ergebnisse sind laut Balzer viel versprechend: „Die Durchblutung verbesserte sich deutlich, Schmerzen gingen zum Teil sehr rasch zurück...“ /5/.

Такой вывод может апеллировать к эмоционально-эстетическим стремлениям читателя:

(10) Vor allem aber: Die prächtig-bunten Polarlichter könnten in diesem Winter auf der Erde besonders intensiv leuchten /6/.

Нередко это и обращение к чувству юмора читателя, как в статье о некрасивых детях:

(11) Ein Faktor verfälsche das Ergebnis der Untersuchung aber: Unattraktive Männer brauchen meist länger, ehe sie eine Partnerin zum Kinderkriegen gefunden haben /1/.

Наиболее явно выраженную форму описанные содержательные компоненты имеют в текстах информационных жанров: в новостных заметках или отчетах, но частично или полностью их можно заметить и в репортажах, эссе или текстах комплексного характера. За ними не закреплены определенные языковые формы (можно отметить только некоторые тенденции), но они распознаются внимательными читателями⁵. Можно предположить, что читатели научно-популярных статей осознанно или бессознательно фиксируют эти компоненты содержания текста и ожидают их присутствие в любой статье на научную тему. Это предвосхищение содержащейся в тексте информации облегчает ее понимание.

Особенностью репортажей и текстов комплексного характера является использование прямых и косвенных высказываний участников экспериментов, свидетелей, пациентов — людей, не являющихся деятелями научной сферы, точно так же как и читатели. Они не могут объяснить читателям сути научных проблем, но, передавая свои впечатления, рассказывая об увиденном, они приближают читателя к новым реалиям и помогают ознакомиться с новой для них областью.

Таким же методом эмоционального «приближения» читателей к научной информации является инсценирование отдельных событий, о которых идет речь в научно-популярной статье, также обычно крупного формата. Например, статья о гормонах и их влиянии на человека начинается с рассказа об эксперименте, участники которого получают гормональный препарат, влюбляются друг в друга, после прекращения его действия расстаются как чужие люди (см. ниже пример (12)). В описании применяются образные сред-

⁵ Такого рода структурно-семантические компоненты научно-популярного текста не являются специфичными только для немецкого языка, их можно наблюдать и на материале других языков, в том числе и русского. Возможно, именно благодаря ясной семантической структуре новостей из научного мира возник известный интернет-мем о британских ученых [3: 328–336].

ства, передается речь участников. Только после прочтения всего эпизода выясняется, что этого эксперимента никогда не было. Но читатель уже заинтригован и не чувствует себе чужим в этой специфической медицинской сфере.

Определение, сопоставление и сравнение как способы передачи специальной информации

Одним из способов разъяснения значения научной терминологии, незнакомых реалий, сущности методов исследования и пр. является использование **прямого определения** подобно тому, как это делается в толковых словарях, или описания с использованием знаковых адресату реалий. Действительно, этот способ можно встретить в научно-популярных статьях. Так, например, в статье о воздействии гормонов на эмоциональную сферу человека разъясняется действие каждого из гормонов:

(12) Dopamin führt zu erhöhter Aufmerksamkeit und zielgerichtetem Verhalten. Kann die Produktion von Testosteron erhöhen, dem Hormon der Lust. Umgekehrt erhöht Sex die Dopamin-Ausschüttung [7].

Однако метод описания и прямой дефиниции для передачи специальной информации используется авторами не так часто. Вероятно, это можно объяснить тем, что автору, как правило, не ясна степень компетентности его читателя, а, следовательно, и действенность прямого разъяснения. Кроме того, к задачам научно-популярных текстов вряд ли относится передача читателю точной научной информации или обучение его новым дисциплинам. Целью таких текстов скорее является пробуждение интереса у читателя к новой информации и сообщение сведений о практическом применении научных достижений или соотнесение их с уже имеющимися у читателя знаниями.

Гораздо более важными, чем научные определения, для читателя-дилетанта, оказываются **сопоставления** различных научных фактов. Сопоставление может быть основано на разных критериях. В ходе анализа материала основные критерии были выделены:

- по времени: точка зрения, распространенная ранее, и мнение, существующее теперь;

- по месту: научные традиции в Европе и США, природные условия в разных частях Земли, условия на Земле и других планетах;
- по типу природной организации: сопоставление организмов разных типов — вирусы и бактерии, разные породы животных и растений, животные и человек;
- по параметру норма / отклонение от нормы: описание больного человека и здорового, нормального состояния погоды и аномальных явлений, традиционные методы исследования и исключительные методы.
- по параметру реальное / нереальное: описываемое в фантастической литературе и реальность, воображение и реальность, прогнозы и реальность.

При сопоставлении и противопоставлении авторы используют типичные синтаксические конструкции, например, предложения с противительными союзами (*während, sondern, statt, aber, doch* и др.) и наречиями (*stattdessen, dagegen, hingegen, nur, vielmehr* и др.) [7: 1093–1095].

(13) *Während große Verkehrsflugzeuge Gewitterwolken umfliegen, um nicht abzustürzen, behaupten irgendwelche lustigen Kleinflieger, sie kämen in die Nähe von Hagelzellen* /8/.

(14) *Immer wieder zeigte der Neurobiologe, dass so gut wie nichts in unserem Geiste starr ist, sondern fast alles veränderbar, selbst Teile des Erbguts* /2/.

Сопоставляться могут отдельные компоненты текста, при этом также осуществляется лексическая поддержка:

(15) *Die amerikanische Molekularbiologin Cyntina Kenyon hat mit dem wissenschaftlichen Dogma aufgeräumt, dass der Alterungsprozess ein zwangsläufiges Geschehen ist, das wir nur beobachten, nicht beeinflussen können. Ihr Name steht heute in der Biologie für die bahnbrechende Entdeckung, das Altern durch Hormone und andere Komponenten gesteuerter Prozess ist, der sich etwa durch Eingriffe in die Genetik sehr wohl beeinflussen lässt* /9/.

Распространенным средством передачи специальной информации в научно-популярных текстах и средством ее разъясне-

ния читателям является **сравнение** описываемых научных реалий с реалиями из других областей, возможно, более знакомых читателю.

И при противопоставлении, и при сравнении выявляются сходство и различие двух предметов или явлений. Но если при противопоставлении мы выявляем различия в одинаковых или похожих ситуациях, явлениях или предметах, то при сравнении определяется степень сходства различных ситуаций, явлений и предметов.

Сравнение имеет широкие семантические возможности. Х. Вайнрих утверждает, что «в принципе, при сравнении все можно сравнить со всем» (*alles kann mit allem verglichen werden*) и доказывает это на множестве примеров [8: 800]. Языковые средства позволяют выразить различную степень и различные оттенки схожести: предметы могут быть одинаковыми (*gleich, so wie*), похожими (*ähnlich*), качество может быть выражено определенной степенью (сравнительная степень прилагательного или наречия + *als*), степень качества одного предмета может меняться пропорционально степени качества другого (сравнительная степень прилагательного или наречия + *je... desto*).

Особое место занимают сравнения, выраженные в форме превосходной степени прилагательных. В научно-популярных текстах они часто не только выполняют информирующую функцию, но и пробуждают интерес адресата и побуждают к дальнейшему чтению:

(16) *Rekordentdeckung im All: Astronomen haben den ältesten bekannten Stern mit erdähnlichen Planeten aufgespürt* /10/.

- эмоциональное состояние человека сравнивается с бытовыми явлениями

(17) *Liebe anknipsen wie Licht* /7/,

- с болезнями:

(18) *Ähnlich wie Neurotiker sind Verliebte auf ein Objekt fixiert...* /7/;

- поведение человека с поведением животных

(19) *... ihr Mann muss hinaus ins All — wie ein Lachs, der an die Stätte seines Ursprungs zurückkehrt* /11/;

- свойства организма человека с неживыми предметами

(20) *regungslos wie ein Stein im Bett liegen /2/, die Knochen der Marsmenschen brechen wie Glas /11/;*

- особенности организма животных с организмом человека

(21) */... auch die Würmer entwickeln solche Altersflecken wie wir Menschen /9/;*

- природные явления сравниваются с работой механизмов

(22) */ein schwaches Tief wie ein gigantischer Schaufelbagger /8/;*

- машины и механизмы сравниваются с животными

(23) *Ihr Test-Helikopter sieht aus wie eine vierbeinige Spinne mit einem Propeller auf dem Kopf. /12/, с бытовыми предметами (der Drucker, der entfernt einer Mikrowelle ähnelt /13/;*

- воздействие различных веществ

(24) *Hormone wirken wie Kokain, Heroin oder Ecstasy /7/;*

- другие планеты с планетой Земля

(25) *Eigentlich wäre es deutlich einfacher, ein Fluggerät auf dem Mars zu starten als auf der Erde. /12/*

- другие галактики с Солнечной системой

(26) *Mit 11,2 Milliarden Jahren ist das Planetensystem um den Stern Kepler-444 fast zweieinhalb Mal so alt wie unser Sonnensystem /10/;*

- реальные ситуации сравниваются с легендарными, имеющими символический характер

(27) */eine Verwirrung wie beim Turmbau von Babel /14/.*

При передаче информации путем сравнения существенным оказывается не только два сравниваемых явления, но и критерий сравнения (*tertium comparationis*). Этот критерий может быть указан или не указан, и определяется контекстом [8: 268–269]. В результате анализа материала выявлены следующие основные критерии сравнения:

по размеру и форме (*die Erde als Punkt am Himmel /11/*),
по возрасту (*je älter die Väter, desto hässlicher die Kinder /1/*),

по количеству (*mehr Öl im Wasser als früher* /15/),
по интенсивности (*Verzweiflung, mit der Babys nach der Mutter schreien* /7/),
по функциям (*Da kann man das Geld aus dem Hagelflieger werfen. Hilft genauso gut.* /8/),
по поведению (*spielen wie junge Welpen* /7/),
по состоянию здоровья (*Knochen wie bei einem 75-jährigen* /11/),
по значимости для науки (*die Entdeckung ... vergleichbar mit den Funden von Schliemann und Howard Carter* /14/).

На сравнении базируется и такое явление, как метафорическая номинация [8: 789; 9: 268–269]. В отличие от прямого сравнения восприятие метафор не всегда однозначно, вероятно, поэтому метафорические наименования в научно-популярных текстах менее частотны, чем сравнения, и являются привычными, так что при интерпретации образа не возникает сомнений. Типичным видом метафоры оказывается олицетворение, когда с деятельностью человека сравниваются явления природы: *Die Luft hat große Dinge vor* /8/, жизнь микроорганизмов: *Vieren, die noch in Säugetieren schlummern und auf die passende Mutation lauern* /16/, жизнь растений: *die Launen des Baumes* /17/.

Вещества (*Ölsuppe, Giftbrühe, Liebescocail*), явления природы (*das Wasserküchenwetter*) могут также сравниваться с жизнью человека и его бытом, деятельность организма сравнивается с работой механизмов (*Der Hirn schaltet auf Hochleistung* /7/). Деятельность ученых сравнивается с другой деятельностью — борьбой (*der Feldherr im Krieg gegen Kastanienpilz* /17/), руководящей деятельностью (*Generaldirektor fürs Altern* /9/), шпионажем (*der Jesus-Spion, der Späher* /14/).

Способ передачи количественной информации в научно-популярном тексте также отличается от специального научного текста. Для читателя-неспециалиста точная количественная информация, выраженная в числовой форме, не является значимой и часто непонятна. Гораздо важнее получить общее представление о количестве (возрасте, размере, объеме, температуре и пр.), для чего числовые данные нередко округляются (*rund 1900 Proben*), дается приближительная количественная информация (*mehr als Tausend Arten, etwa*

13,8 Milliarden Jahre). Кроме того, авторы часто используют сравнения (*Studienteilnehmer mit Erektionsstörungen litten 50 Prozent häufiger an gefährlicher Arterienverkalkung... /18/*) или сопоставления:

(28) In einem normalen trockenen Sommer ist liegt der Taupunkt bei 12, 13 Grad. ... In diesem Sommer wurden an der Ostsee Taupunkte zu 23 Grad gemessen /8/.

Визуализация как способ разъяснения специальной информации

Исследователи текстов современных СМИ отмечают тенденцию к широкому использованию помимо языковой информации, информацию других семиотических систем [6: 407], имеются в виду материалы визуального характера — рисунки, графики, фото, а в интернете еще и видео- и аудиоматериалы. Для обозначения этого явления используют различные термины: такие тексты называют мультимодальными [6: 249, 453–462], поликодовыми или гибридными [2: 65], креолизованными. Существуют мнения, что необходимо расширить понимание текста и учесть возможное присутствие невербальной информации. [6: 407, 5: 147] Однако в отношении научно-популярных текстов это явление нельзя назвать новым, они часто и раньше сопровождалась иллюстративным материалом.

Наибольшим разъяснительным эффектом обладают графики, диаграммы и рисунки. Графики используются, как правило, для визуализации и объяснения абстрактной информации, например, график в интервью о метеорологии объясняет значение термина «точка росы» /8/. Рисунки применяются для изображения реалий, которые сложно или невозможно иллюстрировать фотографией, например, рисунки вымерших животных /19/, схематические изображения микроорганизмов, например, борьба с раковыми клетками /20/, проект будущего жилища на Марсе /11/.

Все рисунки и графики сопровождаются небольшими текстами (как минимум подписями), без которых их сложно или невозможно было бы воспринять. Именно к такой комбинации изображения и вербальной информации применим термин креолизованных текстов. Эти графические изображения иногда могут функционировать как самостоятельные мини-тексты. Но в то же время они привлекают внимание читателя и мотивируют его к прочтению основ-

ного текста. В основном тексте могут быть прямые отсылки к иллюстративному материалу, но это бывает далеко не всегда.

Фотографические материалы могут быть актуальными и показывать действительные реалии, о которых идет речь в тексте, или иметь условный характер. При этом и тот, и другой способ иллюстрирования может иметь разъяснительную функцию и не иметь ее. Например, в тексте о загрязнении океана показаны фотографии, сделанные на месте событий и дающие представление о работе ученых /15/. В тексте же о татуировках мумии Еци /3/ фотография мумии не дает никаких дополнительных разъяснений. Условные фотографии подводной фауны дают представление о внешнем виде животных /15/, фотография младенцев (просто детей, а не детей из эксперимента) в статье о некрасивых детях не несет дополнительной информации, хотя, безусловно, привлекает внимание /1/.

Характерной особенностью иллюстративного материала современного научно-популярных текстов являются фотографии ученых, героев статей — их портретные изображения или фотографии за работой. Такие изображения оказывают эмоциональное воздействие на читателя, создают между читателем и героем своего рода личную связь, что в конечном итоге способствует общему восприятию текста.

Выводы

Научно-популярный текст представляет собой особый функциональный тип текста, который обладает особой свойственной ему семантической структурой. Описанные содержательные элементы наблюдаются в научно-популярных текстах различных жанров с регулярной повторяемостью, но не несут обязательного характера. Наличие довольно определенной семантической структуры способствует более легкому восприятию специального содержания.

Для передачи и разъяснения специальной научной информации в научно-популярном тексте используются такие средства как прямое определение, сопоставление, сравнение, иллюстративный материал. При этом существенным фактором для восприятия является не только логическое изложение фактов, но и создание благоприятного эмоционального фона, ощущения причастности к событиям и личной заинтересованности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов, В.В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
2. *Гришаева, Л.И.* Потенциал карикатуры как объекта гуманитарного исследования. 2010. // URL: <http://lse2010.narod.ru/olderfiles/LSE2013pdf/LSE2013Grishaeva.pdf>
3. *Кронгауз, М.* Самоучитель Олбанского. М.: Аст. 2013.
4. *Лингарт, А.А.* К проблеме языковедческого описания публицистического функционального стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 161–166.
5. *Манерова, К.В.* Прагматически обусловленные фразеологические модификации в заголовке немецкого медиатекста // Немецкая филология в Санкт-Петербургском университете. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2014. С. 146–163.
6. *Burger, H., Luginbühl, M.* Mediensprache. Eine Einführung in Sprache und Kommunikationsformen der Massenmedien. 4. Aufl. Berlin: Walter de Gruyter Verlag, 2014.
7. *Duden.* Die Grammatik. Bd. 4., 8. Aufl. Mannheim, Zürich: Dudenverlag, 2009.
8. *Weinrich, H.* Textgrammatik der deutschen Sprache. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1993.
9. *Wellmann, H.* Deutsche Grammatik. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2008.

Источники

- /1/ Zeugen ältere Väter hässliche Kinder? // Der Spiegel. 2014. N 33. S. 109.
- /2/ Der Quergeist // Profil. 2014. N 34. S. 77–78.
- /3/ URL: <http://www.spiegel.de/wissenschaft/natur/federfussspinne-produziert-elektrisch-aufgeladene-fangfaeden-a-1015305.html>
- /4/ URL: http://www.wissenschaft.de/kultur-gesellschaft/anthropologie/-/journal_content/56/12054/5623201/Die-Tattoos-des-Eismannes/
- /5/ Sprießende Blutgefäße // Profil. 2006. N 7, S. 89.
- /6/ Stürmisches Weltraumwetter // Der Spiegel. 2013. N 33. S. 116.
- /7/ Immer jauchzend, nie betrübt // Der Spiegel. 2014. N 33. S. 110–118.

/8/ So viel Dampf wie auf einer Karibikinsel // Der Spiegel. 2014. N 33. S. 122–123.

/9/ Generaldirektor fürs Altern // Profil. 2006. N 7. S. 100–101.

/10/ URL: <http://www.spiegel.de/wissenschaft/weltall/astronomen-entdecken-aeltesten-stern-mit-erdahnlichen-planeten-a-1015334.html>

/11/ Neue Heimat auf dem Mars // Der Spiegel. 2014. N 34. S. 102–106.

/12/ URL: <http://www.spiegel.de/wissenschaft/weltall/mars-helikopter-hubschrauber-soll-roten-planeten-erkunden-a-1015029.html>

/13/ Jahrmarkt der Schrauber // Der Spiegel. 2013. N 33. S. 130–131.

/14/ Das Erbe des Jesus-Spions // Der Spiegel. 2007. N 17. S. 154–156.

/15/ Tödliche Wolken // Der Spiegel. 2010. N 23. S. 100–102.

/16/ Viren-Inventur // Profil. 2013. N 37. S. 81.

/17/ Die Rettung der Maronen // Der Spiegel. 2013. N 33. S. 126–127.

/18/ Herz-Warnung aus der Leiste // Der Spiegel. 2010. N 23. S. 98.

/19/ URL: <http://www.spiegel.de/wissenschaft/natur/fossilien-von-schlangen-mit-beinen-gefunden-a-1015203.html>

/20/ Wachstumsbremse // Profil. 2006. N 7. S. 83.

REFERENCES

1. *Vinogradov, V.V.* Stilistika. Teoriya poeticheskoi rechi. Poetika. [Stylistics. Theory of poetical speech. Poetics]. Moskva: Izd. AN UdSSR, 1963 (in russia).

2. *Grishaeva, L.I.* Potencial karikatury kak ob'ekta gumanitarnogo issledovaniya [Potential of Caricature as an Object of Humanities] // URL: <http://lse2010.narod.ru/olderfiles/LSE2013pdf/LSE2013Grishaeva.pdf> (in russia).

3. *Krongaus, M.* Samouchitel' Olbanskogo. [Olbanski self-taught] Moskva: Ast, 2013 (in russia).

4. *Lipgart, A.A.* K probleme yazykovedcheskogo opisaniya publicisticheskogo funkcionalnogo stilija [To the Problem of linguistic Description of journalistic functional Style] // Yasyik SMI kak obiekt mezhdisciplinarnogo issledovaniia. Moskva: Izd-vo MGU, 2003. S. 161–166 (in russia).

5. *Manerova, K.V.* Pragmatische obuslovlennyye frazeologicheskiye modifikacii v zagolovke nemeckogo mediateksta [Pragmatically Condi-

tionality of the modified Idioms in the Headline of German Mediatext] // Nemezkaja filologia Sankt-Petersburgskom university. Vyip. IV St. Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2014. S. 146–163 (in russia).

6. *Burger, H., Luginbühl, M.* Mediensprache. Eine Einführung in Sprache und Kommunikationsformen der Massenmedien. 4. Aufl. Berlin: Walter de Gruyter Verlag, 2014.

7. *Duden.* Die Grammatik. Bd. 4., 8. Aufl. Mannheim; Zürich: Dudenverlag, 2009.

8. *Weinrich, H.* Textgrammatik der deutschen Sprache. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1993.

9. *Wellmann, H.* Deutsche Grammatik. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2008.

Слинина Людмила Ярославна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ. Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Liudmila Y. Slinina

Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University.

Address: 7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: ludmila.slinina@gmx.at

II. МЕТАЯЗЫК ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 811.112.2

К. А. ФИЛИППОВ

Санкт-Петербургский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ МЕТАЯЗЫКА НЕМЕЦКОЙ ГРАММАТИКИ ИОАННА КРИСТОФА ГОТШЕДА

Ключевые слова: научный дискурс XVIII века, немецкий язык, грамматика, метаязык, терминология, научный стиль, Готшед.

В статье рассматриваются некоторые характерные черты метаязыка грамматики И.К. Готшета «*Grundlegung einer deutschen Sprachkunst*» (1748). Этот научный труд отличает четкая грамматическая позиция, в основе которой — опора на классические научные традиции, продуманная структура, богатый речевой материал, ясный стиль изложения. Отдавая несомненный приоритет немецкому языку, автор также умело пользуется терминологическим арсеналом латинского языка и других иностранных языков для доступного изложения своей концепции.

К. А. FILIPPOV

St. Petersburg State University

DISTINCTIVE FEATURES OF METALANGUAGE IN J. CHR. GOTTSCHED'S GERMAN GRAMMAR

Keywords: scientific discourse of the 18th century, German language, grammar, metalanguage, terminology, style of science, Gottsched.

The paper considers some of the distinctive features of J. Chr. Gottsched's metalanguage in his grammatical essay «*Grundlegung einer deutschen Sprachkunst*» (1748). This work clearly states the author's views on grammatical theory, revealing his adherence to the classical tradition. The essay is well-structured, lexically rich and soundly styled. Giving an undisputable priority to

the German language, the author also aptly uses the terminology of Latin and other foreign languages to provide an insight into his scientific conception.

В современной лингвистике разграничение понятий метаязыка (как языка «второго порядка») и языка-объекта (как предмета языковедческого исследования) признается необходимой предпосылкой успешного научного описания естественного языка. При этом в качестве метаязыка может использоваться естественный (обычный, разговорный) язык или же формализованный язык. Метаязык должен содержать, во-первых, имена всех выражений языка объекта и, во-вторых, выражения для различных синтаксических и семантических характеристик языка-объекта, т. е. быть логически более богатым, чем язык-объект [4, с. 258].

По мнению И.В. Арнольд, «в метаязык лингвистики входят терминология, общенаучная лексика, свойственная научной литературе вообще в любой области знания, буквенная символика и графика. Графический метаязык включает таблицы, схемы, графики, графы, матрицы и т. п. Графические средства имеют вспомогательный характер и должны сочетаться с вербальными» [1, с. 84]. Совершенно справедливо И.В. Арнольд на первое место среди метаязыковых средств определяет терминологию, которая не только играет исключительно важную роль в формировании строгой научной концепции автора, но и выступает определяющим звеном в понимании читателем излагаемого содержания.

Автор настоящей статьи видит свою задачу в освещении некоторых характерных особенностей метаязыка немецкой грамматики И.К. Готтшеда с учетом современных достижений в исследовании научной коммуникации.

Иоганн Кристоф Готшед (1700–1766) принадлежит к наиболее значительным деятелям Немецкого Просвещения. В современных энциклопедических справочниках немецкого ученого-просветителя оценивают как «самого успешного и влиятельного грамматиста и языковеда эпохи», а его вклад в становление немецкого литературного языка признаётся не иначе, как «высокая историческая заслуга» (*das sprachgeschichtlich hohe Verdienst des wirkungsgeschichtlich erfolgreichsten Grammatikers und Sprachlehrers der Epoche*) [10, S. 616].

Грамматическое наследие И.К. Готшеда занимает исключительно важное место в культуре и науке Немецкого Просвещения. Наиболее значительным трудом в области грамматики считается его книга «*Grundlegung einer deutschen Sprachkunst*», которая вышла в свет в 1748 году и служила образцом учебника по грамматике многие десятилетия [8, S. 215].

Следуя классическим традициям, Готшед понимает грамматику как руководство для любого человека, желающего научиться «правильно и красиво говорить и писать на языке своего народа в соответствии с его лучшим диалектом и в согласии с лучшими писателями» (*eine gegründete Anweisung, wie man die Sprache eines gewissen Volkes, nach der besten Mundart desselben, und nach der Einstimmung seiner besten Schriftsteller, richtig und zierlich, sowohl reden, als schreiben solle*) [10, S. 1]. Очевидная ориентация ученого на лучшие образцы текстов немецких писателей «прошлого и нынешнего веков» позволяет некоторым авторам назвать грамматическую позицию Готшеда «просвещенным разумным вариантом старого образца» (*eine aufgeklärt vernünftige Variante des alten Musters*) [6, S. 248].

При описании характерных черт метаязыка грамматических текстов Готшеда необходимо учитывать то обстоятельство, что вплоть до середины XVI века значительная часть научной литературы в Германии публиковалась на латинском языке. По этой причине авторам учебников по грамматике немецкого языка приходилось прибегать как к немецким словарным ресурсам, так и к традиционной латинской терминологии. Следование латинской традиции в композиции, определении номенклатуры частей речи, интерпретации грамматических понятий, описании грамматических форм и т. п. характерно для многих учебников по грамматике того времени (подробнее см. [2]).

Положение Германии XVIII века в языковой области лучше всего характеризуют воспоминания великого Гёте (1749–1832), представленные в автобиографическом произведении «Поэзия и правда» (*Dichtung und Wahrheit*): «Германия, столь долгое время наводнявшаяся чужими народами, населенная разнородными племенами, была вынуждена в своем научном и дипломатическом обиходе изыскаться на чужих языках, а посему не имела возможности совершенствовать свой собственный. Вместе с новыми поня-

тиями в наш язык вторглось бесчисленное множество нужных и ненужных иностранных слов; даже говоря о давно знакомых предметах, мы все чаще прибегали к иностранным словам и оборотам. Немец, за два столетия одичавший от столь плачевного вавилонского столпотворения, пошел на выучку к французам, чтобы усвоить их светскость, и к римлянам — чтобы перенять у них умение достойно выражать свои мысли» [7, S. 106–107]⁶.

В своем подходе к выбору терминов для описания того или иного грамматического явления И.К. Готшед ориентировался прежде всего на немецкий язык, понятный его современникам. В предисловии к первому изданию учебника Готшед пишет: «По поводу немецких терминов я должен заметить еще следующее. Поскольку моя книга предназначена немцам, а в особенности молодым людям, не все из которых учили латинскую грамматику: в особенности если они посвятили себя солдатскому делу, ремеслу писца, торговле и сельской жизни, то я не посчитал себя вправе пользоваться исключительно латинскими терминами. Обо всех этих [словах] подобные новички не имеют ни малейшего понятия, однако они заучивают их наизусть по необходимости, как монашка учит псалтырь: тогда как благодаря немецким названиям они напротив сразу получают некоторое понимание о предмете» (перевод здесь и далее мой — К.Ф.) [9, Vorrede der ersten Auflage]⁷.

⁶ «Deutschland, so lange von auswärtigen Völkern überschwemmt, von andern Nationen durchdrungen, in gelehrten und diplomatischen Verhandlungen an fremde Sprachen gewiesen, konnte seine eigne unmöglich ausbilden. Es drangen sich ihr, zu so manchen neuen Begriffen, auch unzählige fremde Worte nötiger und unnötiger Weise mit auf, und auch für schon bekannte Gegenstände ward man veranlaßt sich ausländischer Ausdrücke und Wendungen zu bedienen. Der Deutsche, seit beinahe zwei Jahrhunderten in einem unglücklichen tumultuarischen Zustande verwildert, begab sich bei den Franzosen in die Schule, um lebensartig zu werden, und bei den Römern, um sich würdig auszudrücken» [7, S. 106–107].

⁷ «Wegen der deutschen Kunstwörter muß ich noch etwas erinnern. Da ich mein Buch den Deutschen, und sonderlich der Jugend, zu gut abgefasset, die nicht allezeit die lateinische Grammatik gelernet hat; sonderlich wenn sie sich dem Soldatenstande, der Schreiberey, dem Handel und Landleben widmet: so habe ich es für unbillig gehalten, mich lauter lateinischer Kunstwörter zu bedienen. Von allen denselben haben solche Anfänger nicht den geringsten Begriff, sondern lernen sie zur Noth auswendig, wie die Nonne den Psalter: da sie hingegen durch deutsche Benen-

Решение дилеммы выбора между немецким названием и традиционным латинским термином Готшед видит в обращении к грамматическим трудам предшествующих поколений немецких грамматистов: «К счастью моими предшественниками были наши старые учителя грамматики, которые приложили немало усилий для такого изложения своих правил, чтобы они были бы понятны простому немецкому читателю. И что же может быть удивительнее требования, чтобы немец сначала овладел латинской или французской грамматикой, прежде чем научиться правильно говорить и писать на родном языке? Но среди всех грамматических терминов наших предшественников я выбрал, по моему разумению, самые лучшие, самые удобные, самые подходящие для обычного общения» [Ibid.]⁸.

Стремление к использованию исключительно немецкой терминологии прослеживается, прежде всего, в названиях введения (*Grundriß einer deutschen Sprachkunst*) и его разделов (1. *Von der Sprachkunst überhaupt*; 2. *Von der Vollkommenheit einer Sprache überhaupt*; 3. *Von der Abtheilung der Sprachlehre*), а также в наименованиях четырех частей грамматики, предворяющих изложение соответствующего грамматического материала в тексте учебника (*Der deutschen Sprachkunst I. Theil. Die Rechtschreibung*; *Der deutschen Sprachkunst II. Theil. Die Wortbildung*; *Der deutschen Sprachkunst III. Theil. Die Wortfügung*; *Der deutschen Sprachkunst IV. Theil. Die Tonmessung*).

Что касается названий отдельных глав, то в этом случае наблюдается более пестрая картина. Как правило, при наименовании более мелких частей грамматики (глав) Готшед пользуется немецким лексическим запасом; ср. примеры из разных частей

nungen sogleich einigen Verstand von der Sache bekommen» [9, Vorrede der ersten Auflage].

⁸ «Zu allem Glücke hatte ich auch schon unsere alten Sprachlehrer zu Vorgängern, welche sich um die Wette bemühet haben, ihre Regeln so vorzutragen, daß sie auch einem bloß deutschen Leser verständlich seyn möchten. Und was kann in der That wunderlicher seyn, als zu fordern: daß ein Deutscher erst eine lateinische, oder französische Grammatik können müsse, ehe er seine Muttersprache recht richtig reden und schreiben lernen kann? Ich habe aber unter allen grammatischen Kunstwörtern unserer Alten, nach meinem Bedünken, die besten, bequemsten, und der gemeinen Art zu reden gemäßesten erwählet» [Ibid.].

учебника: *Von den deutschen Buchstaben und ihrem Laute; Von verschiedenen Gattungen und Arten deutscher Wörter; Von Fügung der Geschlechtswörter; Von den gewöhnlichen Versarten der Deutschen*. Однако в некоторых случаях автор считает необходимым прибегнуть как к немецкой, так и к латинской терминологии; ср. *Von den Abänderungen (Declinationibus) der Hauptwörter; Von den Zeitwörtern (Verbis), ihren Gattungen, Arten und Abwandlungen; Von Fügung der Hauptwörter und Beywörter (Syntaxis Nominum)*. К тому же нетрудно заметить, что в названиях отдельных разделов грамматики Готшеда, построенных по одинаковой модели, ср. *Von der Sprachkunst überhaupt, Von der Vollkommenheit einer Sprache überhaupt, Von der Abtheilung der Sprachlehre* и т. п., явно прослеживается приверженность классической традиции наименования научных трактатов и их частей (подробнее об этом см. [3, с. 25–27]).

Таким образом, несмотря на очевидное стремление к использованию исключительно немецкой терминологии, Готшед в чисто дидактических целях не отказывается от латинских терминов. При этом в зависимости от конкретных задач ученый применяет различные способы сочетания традиционных латинских терминов и немецких наименований.

Примечательно, что во введении *Grundriß einer deutschen Sprachkunst*, Готшед, как правило, избегает иноязычных терминов в основном тексте учебника, помещая пояснения терминологического плана в многочисленные сноски по ходу изложения своей позиции (подробнее об информации в сносках см. далее в тексте статьи). И только в последнем разделе введения можно встретить фрагменты основного текста, в которых для объяснения грамматических понятий автор использует два наименования: сначала приводится иноязычное (как правило, латинское) наименование, за которым следует немецкое.

Наглядным примером такого положения дел может служить третий раздел Введения (*III Abschnitt. Von der Abtheilung der Sprachlehre*), в котором Готшед объясняет причины, по которым он выделяет в учебнике четыре части: орфографию, этимологию, синтаксис и просодию. Сочетание латинского и немецкого терминов, обозначающих части грамматики, мы встречаем в §§ 1, 3, 4, 5 раздела, причем каждый из параграфов завершается одной и той же формулой, ср.:

§ 1 «Dieser machet billig den ersten Theil derselben aus, und wird griechisch die Orthographie, deutsch die Rechtschreibung, genennet» [9, S. 20];

§ 3 «Diesen Unterschied und diese Verwandtschaft der Wörter, erklärt die Etymologie, oder die Lehre von der Wortforschung, als der zweyte Theil der Sprachkunst» [9, S. 21];

§ 4 «Alle diese Regeln von geschickter Verbindung der Wörter machen den dritten Theil der Sprachlehre aus: und dieser heißt Syntaxis oder die Wortfügung» [9, S. 22];

§ 5 «...und diese machen den vierten Theil der Sprachkunst aus, den man die Prosodie, oder die Tonmessung nennet» [9, S. 23] (выделение моё — К.Ф.).

Вероятно, в данном случае Готшед, опираясь на классическую традицию выделения частей грамматики, сначала приводит традиционное латинское название, а затем приходит к менее употребительным немецким наименованиям.

Порядок следования терминов при объяснении какого-либо грамматического явления в тексте учебника может быть другим; нередко немецкое наименование предшествует латинскому термину. Показательным в этой связи служит описание частей речи. В первой главе второй части грамматики (*II. Theil. Die Wortforschung. I. Hauptstück. Von den verschiedenen Gattungen und Arten deutscher Wörter*). После определения того или иного понятия автор обязательно приводит наряду с немецким наименованием также латинский эквивалент. Этот порядок повторяется на протяжении главы как минимум три раза всегда в одной и той же последовательности: сначала немецкое наименование, затем латинский термин.

Впервые это происходит при объяснении того или иного грамматического понятия в §§ 2–4, 6, 9, 10, 12–16 главы *Von den verschiedenen Gattungen und Arten deutscher Wörter*. Для наглядного примера можно привести § 6, где дается определение имен существительных и имен прилагательных: «*Wenn das Nennwort eines Dinges, für sich allein gesetzt, einen völligen Gedanken machet: oder eine Sache bedeutet, die für sich besteht, oder doch in Gedanken, als für sich bestehend angesehen wird: so wollen wir es ein Hauptwort (NOMEN SUBSTANTIVUM) nennen; z.B. Gott, Mensch, Thier, Tugend, Wissenschaft, u.d.gl. Wenn aber ein Nennwort für sich keinen völligen Gedanken machet, wo es nicht zu einem solchen Hauptworte gesetzt*

wird: so nennet man es nur ein Beywort (*NOMEN ADJECTIVUM*); z.B. großer, weiser, wilder, u.d.gl. Diese bedeuten etwas sehr unvollständiges, wo ich nicht zu jedem ein Hauptwort setze; als: ein großer Gott, ein weiser Mensch, ein wildes Thier. Beyde zusammen aber heißen Nennwörter (*NOMINA*)» [9, S. 148].

17. §. Will man sich nun diese Abtheilung aller Wörter einer Sprache, in ihre Gattungen und Arten, nach dem Grunde ihrer Bedeutungen, deutlich vorstellen; so setze man zur Erleichterung, folgendes Täfelchen an:

Die Wörter der deutschen Sprache sind entweder

I. Benennungen oder Namen der Dinge; und zwar

- 1) Geschlechtsörter, (*Articuli*).
- 2) Nennwörter, (*Nomina*) von welchen einige
 - a) Hauptwörter, (*Substantiva*) andre aber
 - b) Beywörter, (*Adjectiva*) sind.
- 3) Fürwörter, (*Pronomina*).

Oder es sind

II. Anzeigen des Thuns und Leidens, und diese sind entweder

- 1) Zeitwörter, (*Verba*); oder
- 2) Mittelwörter, (*Participia*).

Oder es sind

III. Bestimmungswörter; und diese sind wiederum

- 1) Nebenwörter, (*Adverbia*);
- 2) Vorwörter, (*Præpositiones*);
- 3) Bindewörter, (*Conjunctiones*);
- 4) Zwischenwörter, (*Interjectiones*).

Рис. 1. Классификация частей речи в учебнике И.К. Готшета «*Grundlegung einer deutschen Sprachkunst*» (с. 153–154).

В следующий раз Готшед прибегает к этому приему при представлении своей классификации, выстраивая общую схему частей речи в § 17 [9, S. 153–154] (см. рис. 1). В третьем издании учебника И.К. Готшета «*Grundlegung einer deutschen Sprachkunst*» (1752), послужившего материалом настоящей статьи, общая схема частей речи расположена на с. 153–154. Для удобства читателя эти два фрагмента схемы, расположенные на разных страницах, средства-

ми компьютерной обработки данных были сведены в единый текст. То же самое относится и к рис. 2, на котором два фрагмента Введения [с. 1–2] также сведены в один текст. На наш взгляд, факсимильные изображения двух фрагментов прижизненного издания грамматики И.К. Готшеда дадут возможность читателю составить собственное представление о полиграфическом исполнении учебной литературы XVIII века.

В последнем 18-м параграфе главы Готшед в третий раз пользуется тем же приемом, приводя перечень как немецких, так и латинских наименований: «*Will aber ein Lehrmeister seine Schüler mit diesem philosophischen Unterschiede der Wörter nicht beschweren; so kann er ihnen ebenfalls nur sagen: es gebe im Deutschen neun Arten von Wörtern oder Redetheilchen, nämlich: 1) Geschlechtswörter, 2) Nennwörter, 3) Fürwörter, 4) Zeitwörter, 5) Mittelwörter, 6) Nebewörter, 7) Vorwörter, 8) Bindewörter, und 9) Zwischenwörter; oder lateinisch: ARTICULUS, NOMEN, PRONOMEN, VERBUM, PARTICIPIUM, ADVERBIUM, PRÆPOSITIO, CONJUNCTIO, INTERJECTIO, und dieselben auswendig lernen lassen. Von allen diesen Arten der Wörter müssen wir nun nach und nach insbesondere handeln*» [9, S. 154].

Особенно ярко тенденция к попеременному использованию то немецкой лексики, то латинской терминологии (а при необходимости и обращения к языковым средствам других языков) проявляется в многочисленных внутритекстовых сносках, содержательная нагрузка которых исключительно высока. Сноски, имеющие сквозную нумерацию в пределах одного раздела, выполняют роль метакоммуникативных включений, разъясняющих отдельные тезисы и понятия немецкой грамматики.

В качестве примера рассмотрим самую первую сноску, появляющуюся в тексте учебника сразу после первого параграфа Введения (*Der Einleitung Erster Abschnitt. Von der Sprachkunst überhaupt*), в котором Готшед дает определение грамматики [9, S. 1–2] (см. рис 2). После определения заглавного термина всего учебника *Sprachkunst* Готшед излагает свою позицию в отношении такого общего понятия, как *Kunst* (*so besteht sie aus Regeln*), упоминает родственные по значению слова *Dichtkunst* (поэтика) и *Redekunst* (риторика), подчеркивает принадлежность грамматики к семи свободным искусствам (*Die Sprachkunst ist von den ältesten Zeiten her unter die sieben freyen Künste gezahlet worden*), приводит не-

большую терминологическую справку из других языков со ссылкой на конкретного автора (*Die Griechen nennen sie γραμματικην, die Lateiner LITTERATURAM, s. Quintil. II Buch 14 Cap.*), полемизирует с другими авторами по поводу их грамматических взглядов (*Sciopp hat diese Sprachkunst zu enge eingeschränket, wenn er in s. GRAMM. PHILOS. p. 1. sagt: GRAMMATICA EST ARS RECTE LOQUENDI*) и т. д.

Der Einleitung

I. Abschnitt.

Von der Sprachkunst überhaupt.

1. §.

ine Sprachkunst überhaupt ist eine gegründete Anweisung, wie man die Sprache eines gewissen Volkes, nach der besten Mundart desselben, und nach der Einstimmung seiner besten Schriftsteller, richtig und zierlich, sowohl reden, als schreiben solle. a)

a) Eine Kunst ist zwar sonst eine Fertigkeit etwas zu thun, oder zu machen: allein wenn man sie einem andern beybringen soll, so besteht sie aus Regeln, darnach man sich in Ausübung derselben richten muß. Wenn diese nun in einem guten Zusammenhange gründlich abgehandelt werden, so bekömmt ein solcher Vortrag auch den Namen einer Kunst, so wie man an der Dichtkunst und Redekunst die Beyspiele sieht. Die Sprachkunst ist von den ältesten Zeiten her unter die sieben freyen Künste gezählet worden. Die Griechen nennen sie *γραμματικην*, die Lateiner *Litteraturam*, s. Quintil. II. B. 14 Cap. Beydes müßte man deutsch die Buchstäbelen, oder Buchstabenkunst geben: welches aber bey weitem den ganzen Begriff der Sache nicht so erschöpfet, als unsre deutsche Benennung. Die Rabbinen nennen sie *ספר דקדוק* *Dikduk*, d. i. Subtilitas. Jul. Scaliger in s. Tr. de causis Lat. Linguae, will die Grammatik zur Wissenschaft machen, aber fälschlich. S. den Gech. Job. Vossius de Arte grammatica L. 1. c. 2. p. 6. Sciopp. hat diese Sprachkunst zu enge eingeschränket, wenn er in s. Gramm. Philol. p. 1. sagt: *Grammatica est ars recte loquendi*. Denn das rechte Schreiben ist noch viel schwerer, und folglich der wichtigste Theil einer Sprachkunst. Von der allgemeinen Sprachkunst hat Hr. Cantz zu Tübingen 1737. in 4. eine Abhandl. geschrieben: *Grammaticae universalis tenuia rudimenta &c.*

Рис. 2. Расположение основного текста и внутритекстовых сносок в учебнике И.К. Готшета «*Grundlegung einer deutschen Sprachkunst*» (с. 1–2).

В некоторых случаях Готшед специально останавливается на преимуществах немецкого наименования по сравнению с латинским термином. Такое объяснение содержится, например, на с. 146 учебника, где автор сравнивает преимущества немецкого слова *Zeitwort* по сравнению с латинским словом *Verbum*. Кстати сказать, это важное замечание автор также помещает в сноску под соответствующей литерой: «с) *Diese Benennung ist unstreitig besser und bestimmter, als die lateinische, VERBA: denn auch die NOMINA und alle übrige Arten sind VERBA, Wörter, Daher haben einige deutsche Sprachlehrer ohne Ursache, diese lateinische Art nachahmen wollen. Ein Zeitwort drücket das aus, was ACTIVA und PASSIVA gemein haben, und was sie von allen andern Wörtern unterscheidet*» [9, S. 146]. Справедливости ради следует заметить, что латинский термин *Verb* сумел выдержать конкуренцию со стороны своего немецкого эквивалента и до сих пор занимает прочные позиции в немецкой грамматической терминологии.

Таким образом, к характерным чертам метаязыка учебника И.К. Готшеда «*Grundlegung einer deutschen Sprachkunst*» следует отнести не только чисто терминологическую сторону грамматики немецкого языка, но и разнообразные способы сообщения и разъяснения сложного грамматического содержания. Достижению этой цели служит выверенная грамматическая позиция, наличие четкой продуманной структуры, в основе которой лежит опора на классические научные традиции, богатейший речевой материал, служащий для иллюстрации грамматических явлений, запоминающийся стиль изложения. Отдавая несомненный приоритет немецкому языку, автор в то же время умело пользуется терминологическим арсеналом латинского языка (и других иностранных языков). Все перечисленные черты служат для установления и поддержания реального диалога автора с читателем.

Р. Якобсон, давая характеристику функциям языка, писал: «Если говорящему или слушающему необходимо проверить, пользуются ли они одним и тем же кодом, то предметом речи становится сам код: речь выполняет здесь метаязыковую функцию (т. е. функцию толкования)» [5, с. 202]. И.К. Готшед как подлинный мастер научного слова создал выдающееся грамматическое произведение, которое по сей день впечатляет глубиной замысла и многообразием языкового воплощения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арнольд, И.В.* Основы научных исследований в лингвистике: учеб. пособие. М.: Высш. Школа, 1991.
2. *Дюбо, Б.А.* Рационализм и эмпиризм в немецких грамматических трудах XVI–XVIII вв. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001.
3. *Филиппов, К.А., Волков, С.С.* М.В. Ломоносов и европейский научный дискурс XVIII века: Г.В. Лейбниц, Х. Вольф, И.К. Готтшед: научный доклад. СПб.: СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2014.
4. *Философский словарь* / под ред. И.Т. Фролова. 6-е изд. М.: Политиздат, 1991.
5. *Якобсон, Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм «За» и «Против»: сб. статей / под ред. Е.Я. Басина, М.Я. Полякова. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.
6. *Eichiger, L.M.* Vom Glück, Regeln zu befolgen — Adelung im Stil des 18. Jahrhunderts // Aufklärer, Sprachgelehrter, Didaktiker: Johann Christoph Adelung (1732–1806) / Hrsg. H. Kämper, A. Klose, O. Vietze. Tübingen; Günter Narr Verlag, 2011. S. 247– 270.
7. *Goethe, J.W.* Aus meinem Leben. Dichtung und Wahrheit. Zweyter Theil. Tübingen: o.V., 1812.
8. *Göttert, K.-H.* Deutsch. Biografie einer Sprache: 4. Aufl. Berlin: Ullstein, 2010.
9. *Gottsched, J.Chr.* Grundlegung einer deutschen Sprachkunst, nach den Mustern der besten Schriftsteller des vorigen und jetzigen Jahrhunderts abgefasst, und bey dieser dritten Aufl. merklich vermehret von Johann Christoph Gottscheden. Leipzig, 1752.
10. *Kleine Enzyklopädie — Deutsche Sprache* / Hrsg. W. Fleischer, G. Helbig, G. Lerchner. Frankfurt a.M.; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Wien: Lang, 2001.

REFERENCES

1. *Arnold, I.V.* Osnovy nauchnyih issledovaniy v lingvistike: Ucheb. posobie. [The foundations of scientific research in linguistics]. Moskva: Vyssh. Shkola, 1991 (in russia).
2. *Dyubo, B.A.* Ratsionalizm i empirizm v nemetskih grammaticheskikh trudah XVI–XVIII vv. [Rationalism and empiricism in 16–18th century German grammar studies]. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2001 (in rusia).

3. *Eichiger, L.M.* Vom Glück, Regeln zu befolgen — Adelung im Stil des 18. Jahrhunderts // Aufklärer, Sprachgelehrter, Didaktiker: Johann Christoph Adelung (1732–1806) / Hrsg. H. Kämper, A. Klose, O. Vietze. Tübingen; Günter Narr Verlag, 2011. S. 247–270.

4. *Filippov, K.A., Volkov, S.S.* M.V. Lomonosov i evropeyskiy nauchniy diskurs XVIII veka: G.V. Leybnits, H. Volf, I.K. Gottshed: nauchniy doklad [M.V. :Lomonosov and 18th century European scientific discourse: G.V. Leibniz, Chr. Wolff, J. Chr. Gottsched: a scientific paper]. SPb.: SPbGU. RIO. Filologicheskii fakultet, 2014 (in russia).

5. *Filosofskiy slovar* [Dictionary of philosophy] / pod red. I.T. Frolova. 6-e izd. Moskva: Politizdat, 1991 (in russia).

6. *Goethe, J.W.* Aus meinem Leben. Dichtung und Wahrheit. Zweyter Theil. Tübingen: o.V., 1812.

7. *Göttert, K.-H.* Deutsch. Biografie einer Sprache: 4. Aufl. Berlin: Ullstein, 2010.

8. *Gottsched, J.Chr.* Grundlegung einer deutschen Sprachkunst, nach den Mustern der besten Schriftsteller des vorigen und jetzigen Jahrhunderts abgefasst, und bey dieser dritten Auflage merklich vermehret von Johann Christoph Gottscheden. Leipzig, 1752.

9. *Kleine Enzyklopädie — Deutsche Sprache* / Hrsg. W. Fleischer, G. Helbig, G. Lerchner. Frankfurt a.M.: Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Wien: Lang, 2001.

10. *Yakobson, R.* Lingvistika i poetika [Linguistics and poetics] // Strukturalizm «za» i «protiv»: Sb. statey / pod red. E.Ya. Basina i M.Ya. Polyakova. Moskva: Progress, 1975. S. 193–230 (in russia).

Филиппов Константин Анатольевич

Доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии СПбГУ.

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Konstantin A. Filippov

Full Doctor of Philological Sciences, Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University.

Address: 7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: k-fili@mail.ru

К. В. МАНЕРОВА

Санкт-Петербургский государственный университет

К ВОПРОСУ О МЕТАЯЗЫКОВОЙ КОНЦЕПЦИИ НЕМЕЦКИХ АВТОРСКИХ СЛОВАРЕЙ

Ключевые слова: метаязык, идиолект, немецкий язык, метаязыковая концепция, авторский словарь, Лютеровский индекс, словарь Гёте.

В статье кратко описана область применения метаязыка в лексикографии на примере использования метаязыковых помет в немецких авторских (исторических) словарях. Метаязык словарного описания включает универсальные средства для описания лингвистических объектов в языке, метаязыковая концепция авторских словарей в немецкой лексикографической традиции связана со способом фиксации идиолекта.

K. V. MANEROVA

St. Petersburg State University

ABOUT THE METALANGUAGE CONCEPT IN GERMAN AUTHOR'S DICTIONARIES

Key words: metalanguage, idiolect, German, metalanguage concept, author's dictionary, Luther Register, Goethe dictionary.

The article concerns the application of the metalanguage in lexicography by the example of metalanguage marks in German author's (historical) dictionaries. The metalanguage in the lexicographical description includes multigrade means for the description of linguistic objects in the language; the metalanguage concept of the German author's dictionaries depends on the way of the idiolect exposition.

Метаязык с точки зрения внутренней формы представляет собой «язык о языке», что следует понимать как язык, служащий для описания фактов «себя» или другого языка [1: 232] или как знаковую систему, служащую для описания или интерпретации другой знаковой системы. В отечественной лингвистике термин *метаязык* получил распространение благодаря известной статье Романа Осиповича Якобсона «Лингвистика и поэтика» (1960, на русском языке опубликована в 1975 году) [4: 202], в которой он, в частности, вы-

двинул и обосновал предположение о существовании метаязыковой функции естественного языка. Метаязык входит в концептуальную область функциональных или специальных языков (нем. Fachsprachen). В нашей статье мы кратко представим область применения данного типа знаковой системы в немецкой лексикографии на примере использования метаязыковых помет в авторских (исторических) словарях. Метаязык словарного описания — сложная семиотическая система — может включать универсальные средства для описания лингвистических объектов в двух и более языках, часто неродственных и в языках, стихии которых разделены целыми историческими эпохами.

В немецкой лингвистике метаязык понимают как знаковую систему «высшего порядка», используемую, в первую очередь, в науке, и, в частности, в лингвистике для описания языковых явлений и для формирования аппарата языковедческой терминологии, ср.: „M[etasprache]. ist z.B. die Muttersprache bei der Erklärung einer Fremd- oder Zweitsprache, die Definition eines sprachlichen Ausdrucks mit Hilfe anderer Ausdrücke, die grammatische und sprachtheoretische Terminologie“ [6: 709–710].

Метаязык является формализованной, но открытой системой, которая расширяется за счет включения в нее новых помет в виде знаков, формулировок, символов. Так, метаязык лексикографии может включать разные виды знаков: типичные слова-знаки, разнообразные аббревиатуры, условные символы, графические знаки. В словарях метаязык лексикографического описания служит для полной характеристики леммы, определения слов и понятий, существующих в языке. В авторском словаре совокупность слов определенного автора основывается только на полном корпусе текстов (тезаурусе): «В словаре писателя, поэта ничего нельзя обходить, пропускать. В нем должен быть показан — со всем мастерством и опытом экспозиции — авторский стиль» [3: 7]. Таким образом, задача авторского словаря — инвентаризация и систематизированное представление с максимальной полнотой лексического и фразеологического состава, особенностей морфологии и синтаксиса текстов отдельного автора (группы авторов) как отражающего сложившееся мировоззрение, личность и идиолект ученого, писателя, поэта. Предполагается, что и метаязык в словарях идиолекта имеет особую концепцию [2]. Рассмотрим отдельные примеры формирова-

ния метаязыковой концепции на примере двух типов немецких авторских словарей.

В немецкой традиции авторской лексикографии (нем. *Autorenlexikographie*) представлены два взгляда или два подхода к проблеме авторских словарей: типологический (1) и узко лексикографический или собственно метаязыковой (2). В рамках типологического подхода (1) лексикографы занимаются разработкой общей типологии авторских словарей и используемых в них средств архитектоники языкового материала (напр.: *гlossарий, конкорданс, индекс, тезаурус*). В рамках метаязыкового подхода (2) изучаются концепции авторских словарей, ключевые понятия которых — «метаязык» и «идиолект». Макроструктура таких словарей ориентирована не на линейное развертывание текста автором или авторами, а на повторяемость отдельных лемм в контекстах. Согласно лексикографическому подходу «через метаязык к идиолекту», словарь призван отражать идиолект автора через систему метаязыковых помет, ориентированных на исследование и описание концепции идиолекта. Это второе направление активно разрабатывает в своих работах Герберт Эрнст Виганд [9]. В немецкой лексикографии для общесловарного направления существует термин „*Langue-Lexikographie*“, для направления авторских словарей — „*Parole-Lexikographie*“. Г.-Э. Виганд определяет авторскую лексикографию частью общей лексикографии и отмечает тесную связь с исторической и текстовой лексикографией. Материалом общей лексикографии служит язык на уровне *langue* (*в современной терминологии type*), объектом исследования авторской лексикографии является язык на уровне *parole* (*в современной терминологии token*). Основой авторской лексикографии служит конкретный текст или корпус текстов, который, в свою очередь, является словотворческим продуктом установленного (возможно и не идентифицированного) автора или авторов. Научный интерес к авторским текстам возникает в условиях определенного социально-исторического или историкокультурного контекста. Отличительной чертой авторской лексикографии, согласно Виганду, является не только отнесенность всего словарного материала, всех разрабатываемых лемм к идиолекту автора, но и наличие в этом материале черт, которые можно анализировать и описывать, лишь учитывая влияние названного контек-

ста. Исследователь приводит два основных типа авторских словарей:

- 1) словарь словоформ (нем. Formwörterbuch);
- 2) толковый авторский словарь (нем. Bedeutungswörterbuch).

В словарной статье словаря первого типа фиксируются лемма и ее словоформы, а в качестве примеров приводятся отрывки текста, где была указана лемма, в виде цельных сегментов или же составляется индекс словоформ с указанием места в источнике (нем. Belegstelle), т. е. конкорданс (нем. Belegtextwörterbuch). Этот тип словаря также называют документирующим словарем (нем. Dokumentationswörterbuch), он не содержит семантического или иного типа комментариев, пословно фиксирует исключительно вокабуляр автора, без анализа других уровней языка (напр. грамматики или же семантики). Если определять суть идиолекта в подобных словарях, то можно сказать, что идиолект — это совокупность всех высказываний и слов отдельного автора: индекс или же конкорданс с примерами из текста. Таким образом, можно сформулировать *метаязыковую концепцию такого словаря: критерий выбора метаязыка в малой степени зависит от способа фиксации идиолекта.*

Примером первого типа авторских словарей является Лютеровский Индекс (Luther-Register), разработкой которого занимается Гейдельбергская академия наук совместно с университетом г. Тюбингена. Идея создания Индекса была озвучена в 1948 г. Георгом Бухвальдом, составителем Веймарского 70-томного издания произведений реформатора. Индекс подготовлен на двух языках: латынь, на которой Лютер писал тексты, и немецкий — язык перевода лютеровской Библии. Эмпирический материал насчитывает более 3 млн. словоупотреблений. Цель создания названного Индекса составители видят в лексикографической фиксации письменного наследия автора, повлиявшего на становление нормы немецкого языка. Как указывают сами разработчики, создание особого метаязыкового инструментария подобных словарей — важное обстоятельство для исследования исторического состояния национального языка в научных целях (ср.: «Das Luther-Register soll für die verschiedenen wissenschaftlichen Interessen am Werk Martin Luthers ein lexikographisches Instrumentarium bereitstellen, das für die Erforschung der Reformationszeit als eines Brennpunktes der abendländischen Geschichte in kirchen- und theologiegeschichtlicher, aber auch in

allgemeinhistorischer, geistes-, kultur- und sprachgeschichtlicher Hinsicht erforderlich ist») [11].

Заголовочное слово в статье Лютеровского Индекса — исходная или оригинальная лемма (нем. Stichwort) в орфографическом варьировании ввиду отсутствия установленной нормы в немецком языке XVI века. Словарная статья содержит дефиницию (нем. Wortklärung) и первичную разработку семантических связей, но не содержит семантических или иного рода комментариев. В начале статьи приводятся произведения, в которых употребляется лемма, а также известные поговорки, устойчивые словосочетания, комментарии самого Лютера к словоупотреблению. Указаны ключевые слова для тематических разделов. В случае полисемантической леммы в словарной статье указана соответствующая филиация значений. Короткие цитаты или иллюстративный материал показывает словоупотребление для леммы. В конце статьи приводятся указания на семантическое гнездо леммы — связь с другими в словаре.

Словарь Лютера, по замыслу разработчиков, должен представлять собой одновременно идеографический индекс, составленный в рамках семасиологического подхода. Индекс содержит следующие тематические разделы, оформленные в виде отдельных изданий: Библейские цитаты, цитирование других авторов, топонимы (вышел в 1986 г.), имена собственные (вышел в 1987 г.), обозначение объектов. Последний раздел охватывает не все реалии из произведений Лютера, а только те, которые передают содержательно-тематическую соотнесенность идиолекта религиозного реформатора.

Вернемся к названному выше лексикографическому подходу «через метаязык к идиолекту». Лютеровский Индекс, в силу своей специфики, предлагает лишь ограниченный набор метаязыковых помет. Но, используя метод селективной выборки, составители и одновременно разработчики концепции словаря могут интерпретировать идиолект, вокабуляр автора как семиотическую систему. Как пишет лексикограф Й. Маттауш, в рамках названного подхода идиолект отдельного автора является основой для дальнейшего изучения взаимосвязей, влияния культурных и других факторов, предпосылкой, необходимой для лучшего понимания текста, культурного кода эпохи и, следовательно, личности самого автора [6: 1554].

Другой тип авторского словаря — толковый, согласно названной выше типологии Г.-Э. Виганда, содержит, помимо индексов и конкорданса, разветвленный семантический и иной комментарий и систему метаязыковых помет. *Метаязыковая концепция толкового авторского словаря подразумевает прямую зависимость выбора системы метаязыковых помет от способа фиксации идиолекта автора в словаре.* Определение, данное идиолекту Гёраном Хаммарстрёмом, подходит для концепции авторского толкового словаря, разрабатываемого в рамках метаязыкового подхода: «Идиолект — язык отдельного индивидуума. Он охватывает не только языковую систему, но и знания, благодаря которым индивидуум порождает высказывания, а также и сами высказывания» [5: 429]. По мнению немецкого лексиколога Торстена Рёлке, авторский толковый словарь не заменяет интерпретацию текста произведения пользователем (читателем), но является вспомогательным средством для подобной интерпретации благодаря описанию отдельных значений и их структурированию в словарной статье. Таким образом, пользователь (читатель) знакомится с вокабуляром автора через материал, описанный, истолкованный и прокомментированный лексикографом [8: 14]. В подобных авторских словарях в статьях приводятся не только леммы и их дефиниции, но и те интерлингвистические и экстралингвистические сведения, которые могут облегчить и разнообразить герменевтическое толкование текстов.

В качестве примера толкового авторского словаря можно привести масштабный проект многотомного словаря Й.-В. фон Гёте (Das Goethe Wörterbuch) [12], продукт совместной работы трех академий: Берлин-Бранденбургской, Гейдельбергской и Геттингенской (общим количеством 92 тыс. лемм *sic!*).

Составление словаря начал в 1898 г. Отто Пниовер, выбравший 38 000 лемм из произведений Гёте. После смерти Пниовера, проект составления словаря продолжил Конрад Бурдах, член Прусской академии наук и Юлиус Петерсен, оба по образованию германисты. Затем проектом руководил Вольфганг Шадевальд, классик и литературовед, благодаря чьим усилиям словарь получил новую лексикографическую основу — концепцию полного толкового тезауруса. В. Шадевальд опирался на концепцию словаря Thesaurus lingua latinae, как на образец: так, краткие комментарии к леммам он считал

для словаря идиолекта Гёте идеальной моделью. В. Шадевальд придерживался принципа «Гёте из Гёте», понимая под этим богатое представление обширного словарного материала и минимум лексикографической и метаязыковой интерпретации. В центре антропоцентрической концепции толкового словаря в версии Шадевальда находилась разработка лемм — основы идиолекта Гёте — таких как *Gott, Natur, Geist, Leben, Liebe* и др., одним словом, денотатов, имеющих в авторской картине мира Гёте преимущественное значение. Именно эти леммы потребуют тщательной разработки, писал В. Шадевальд, а остальные слова будут представлены в краткой словарной статье с минимумом метаязыковых помет. Проект развивался, и вскоре в некоторых городах (Гамбург, Гейдельберг) были созданы рабочие коллективы с ведущими группами разработчиков в Берлине и Лейпциге. Об объеме запланированной работы может свидетельствовать и тот факт, что в Гамбурге лексикографически разработано эпистолярное наследие Гёте, отдельно изданы словари по произведению „*Götz von Berlichingen*“ (Ал-Глюк, Ютта Нойендорф, 1966), „*Die Leiden des jungen Werthers*“ (Эрна Меркер, 1966).

Работа ведется и сейчас, ее результатом является электронная версия словаря Гёте на портале университета г. Трир [10]. Современный словарь Гёте призван отобразить все компоненты идиолекта немецкого поэта в соответствии с критерием сплошной выборки. Этот словарь уникален тем, что в нем описан и истолкован идиолект не только поэта и писателя Гёте, но и разностороннего ученого, автора работ в области анатомии, химии, ботаники, геологии, минералогии, оптики; учтена специальная лексика, диалектальные, региональные, разговорные лексемы, гапаксы. Кроме этого, на примере презентации идиолекта Гете в словаре представлен и вокабуляр просвещенной Германии эпохи конца XVIII — начала XIX веков.

Словарная статья включает полное семантическое описание леммы, приводятся разные типы комментариев (культурно-исторический, терминологический, грамматический), подробная филиация значений в случае полисемии. При ранжировании очередности ввода словоформ учтен цензус времени лексем (хронологическая отнесенность): указаны случаи более раннего или более позднего употребления слов у Гёте. Приводится дистрибуция слова, подроб-

но разработаны словообразовательные гнезда и семантические связи леммы (Vernetzung). Метаязыковые пометы в концепции словаря Гёте разработаны с учетом названных особенностей. Приведем лишь некоторые из них на примере словарной статьи «Erz».

- Указание орфографической вариативности, например: **Erz** einmal -tz, vereinzelt -zt

- Стилистическая характеристика в развернутой дефиниции леммы: 1) *metallhaltiges Mineral, auch für das abgebaute (Roh-) Metall; einmal im bildhaften Vergl.*

- Иллюстративный материал, точное указание на источник: 2a) *als charakterist, sich von anderen unterscheidende (elementare) Substanz; auch im Vergl [Faust zu Meph bezügl des Paktabschlusses:] Was willst du böser Geist von mir? | E., Marmor, Pergament, Papier? | Soll ich mit Griffel, Meißel, Feder schreiben? (Faust I 1731).*

- Сочетаемость: *mehrf 'in E. gießen', auch 'in E. graben, prägen, schreiben'*

- Дистрибутивное окружение: *iZshg mit der Technik des Glockengusses der Glockengießer sah mit Verwunderung sein tönendes E. in bedeutende Gestalten verwandelt 44,340,20 CellAnh X Florentin Zustände*

- Переносное значение в дефиниции леммы: *metonym für Metallgegenstände od -teile (Waffen, Musikinstrumente ua) ehrwürdig .. erscheint .. | Jener, der nahe bedrängt von Schand' und Jammer, entschlossen | Selber die Schärfe des E-es zum zarten Leibe gewendet Achilleis 53*

- Семантические связи: *Syn zu 1 Erzart zu 2 Bronze Metall*

В заключение можно отметить, что метаязыковая концепция авторских словарей в немецкой лексикографической традиции связана со способом фиксации идиолекта: в словарях словоформ критерий выбора метаязыка мало зависит от способа фиксации идиолекта. В свою очередь метаязыковая концепция толкового авторского словаря подразумевает прямую зависимость выбора системы метаязыковых помет от способа фиксации идиолекта автора в слове.

Примечание: статья написана в рамках выполнения научного проекта «Разработка метаязыка словаря нового типа («Словарь языка М.В. Ломоносова»): теоретический и прикладной аспекты» (номер проекта РГНФ № 14-04-00438).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахманова, О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия. 1966. С. 232.
2. *Волков, С.Св., Манерова, К.В.* К проблеме создания авторского словаря нового типа // Филологос. Вып. 23 (4). Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2014. С. 12–23.
3. *Ларин, Б.А.* Основные принципы Словаря автобиографической трилогии М. Горького // Словоупотребление и стиль М. Горького. Л.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1962. С. 3–7.
4. *Якобсон, Р.О.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: „за“ и „против“. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.
5. *Hammarström, G.* Idiolekt // Lexikon der Germanistischen Linguistik / Hrsg. H.P. Althaus, H. Henne, H.E. Wiegand. 2., vollständig neu arb. und erw. Aufl. Tübingen: Niemeyer, 1980. S. 428–433.
6. *Lewandowski, Th.* Linguistisches Wörterbuch 2. 6. Aufl. Heidelberg, Wiesbaden: Quelle&Meier. 1994. С. 709–710.
7. *Mattausch, J.* Das Autoren-Bedeutungswörterbuch / Wörterbücher. Dictionaries. Dictionnaires. Ein internationales Handbuch zur Lexikographie. [...]. / Hrsg. Fr. J. Hausmann, O. Reichmann, H.E. Wiegand und L. Zgusta. 2. Teilband. Berlin, New York: de Gruyter, 1990. S. 1549–1562. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft 5.2).
8. *Roelcke, Th.* Individualsprache und Autorenlexikographie // Lexicographica. 1994. Bd. 10. S. 1–20.
9. *Wiegand, H.E.* Prinzipien und Methoden historischer Lexikographie // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung / Hrsg. W. Besch, O. Reichmann und St. Sonderegger. 1. Halbband. Berlin; New York: de Gruyter, 1984. S. 557–620. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft 2. 1).

Электронные ресурсы

Das Goethe-Wörterbuch. URL: <http://www.gwb.uni-trier.de/> Das Goethe Wörterbuch (дата обращения: 11.01.2015 г.).

Das Luther-Register. URL: <http://www.uni-heidelberg.de/institute/-sonst/adw/luther> (дата обращения: 23.11.2014 г.).

Wörterbuchportal. URL: http://www.woerterbuch-portal.de/woebus_-alle/Woebu25/InhaltAnzeigen?fileurl=http://www.woerterbuch-

portal.de/woebus_alle/Woebu25/Konzeption_und_Ziel (дата обращения: 04.11.2014 г.).

REFERENCES

1. *Akhmanova, O.S.* Slovar' lingvистических terminov [Dictionary of linguistic terms]. Moskva: Sovetskaya enciklopediya. 1966. P. 232 (in russia).
2. *Volkov, S.S., Manerova, K.V.* К проблеме создания avtorskogo slovarya novogo tipa [About the development of new author's dictionary] // Филологос. Vol. 23 (4). Jelez: EGU I.A. Bunina, 2014. P. 12–23 (in russia).
3. *Larin, B.A.* Osnovnye principy Slovarya avtobiograficheskoy trilogii M. Gorgoko [Main principles of Maxim Gorky's author's dictionary] // Slovouputreblenie i stil M. Gorkogo. Leningrad: Izd-vo St. Peterb. un-ta, 1962. P. 3–7 (in russia).
4. *Jakobson, R.O.* Linguistica and poetica [Linguistics and poetics] // Structuralism: „za“ i „protiv“ [Structuralism: pro and contra]. Moskva: Progress, 1975. P. 193–230 (in russia).
5. *Hammarström, G.* Idiolekt. // Lexikon der Germanistischen Linguistik / Hrsg. H.P. Althaus, H. Henne, H.E. Wiegand. 2., vollständig neu bearbeitete und erweiterte Aufl. Tübingen: Niemeyer, 1980. S. 428–433.
6. *Lewandowski, Th.* Linguistisches Wörterbuch 2. 6. Aufl. Wiesbaden; Quelle&Meier. Heidelberg, 1994. P. 709–710.
7. *Mattausch, J.* Das Autoren-Bedeutungswörterbuch. In: Wörterbücher. Dictionaries. Dictionnaires. Ein internationales Handbuch zur Lexikographie. [...] / Hrsg. Fr. J. Hausmann, O. Reichmann, H.E. Wiegand und L. Zgusta. 2. Teilband. Berlin, New York: de Gruyter, 1990. S. 1549–1562. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft 5.2).
8. *Roelcke, Th.* Individualsprache und Autorenlexikographien: Lexicographica. 1994. Bd. 10. S. 1–20.
9. *Wiegand, H.E.* Prinzipien und Methoden historischer Lexikographie Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung / Hrsg. W. Besch, O. Reichmann und St. Sonderegger. 1. Halbband. Berlin, New York: de Gruyter, 1984. S. 557–620. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft 2. 1).

Weblinks

Das Goethe-Wörterbuch. URL: <http://www.gwb.uni-trier.de/> Das Goethe Wörterbuch (дата обращения: 11.01.2015 г.).

Das Luther-Register. URL: <http://www.uni-heidelberg.de/institute/sonst/adw/luther> (дата обращения: 23.11.2014 г.).

Wörterbuchportal. URL: http://www.woerterbuch-portal.de/woebus_alle/Woebu25/InhaltAnzeigen?fileurl=http://www.woerterbuch-portal.de/woebus_alle/Woebu25/Konzeption_und_Ziel (дата обращения: 04.11.2014 г.).

Манерова Кристина Валерьевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ.
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Kristina V. Manerova

Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University.

Address: 7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: martinus2003@mail.ru

E. A. KOVTUNOVA

Санкт-Петербургский государственный университет

О ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ СТАТУСЕ НЕМЕЦКИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

Ключевые слова: фразеологическая номинация, фразеология языков для специальных целей, сверхсловные специальные единицы, терминоведение, профессиональная коммуникация.

Статья посвящена обзору современных подходов к определению фразеологического статуса немецких устойчивых терминологических и профессиональных словосочетаний во фразеологии и в терминоведении. Приводятся мнения немецких и отечественных исследователей специальной фразеологии. Среди признаков фразеологичности специальных словосочетаний наиболее спорным является признак идиоматичности, наиболее бесспорным — признак деспециализации (детерминологизации).

E. A. KOVTUNOVA

St. Petersburg State University

ABOUT PHRASEOLOGICAL STATUS OF GERMAN SPECIAL PHRASES

Key words: phraseological nomination, LSP phraseology, set phrases in technical language, terminology, professional communication.

The article is devoted to the review of modern approaches to the definition of phraseological status of the German sustainable terminological and professional phrases in phraseology and terminology. The article presents the opinions of German and Russian researchers of LSP phraseology. Among the signs of phraseological special phrases most controversial is the sign of idiomatichity, the most indisputable — the sign of despecialization (determinologization).

Сверхсловные специальные единицы редко становятся основным объектом изучения в общей фразеологии и терминоведении, рассматриваются как периферийное явление и потому недостаточно изучены. Также до сих пор нерешённым остаётся вопрос об отнесении сверхсловных устойчивых комплексов к фразеологизмам.

С одной стороны, у фразеологов нет единого мнения о фразеологичности таких единиц (Чернышёва И.И., Burger H., Fleischer W. и др.), с другой стороны, говорится о «слабой отрефлексированности» статуса фразеологических единиц в сфере профессиональной коммуникации (Прохорова В.Н., Голованова Е.И., Шестак Е.И. и др.).

Изучение немецких сверхсловных устойчивых единиц в сфере профессиональной коммуникации, как нам представляется, невозможно без ответов на следующие вопросы. Можно ли считать немецкие сверхсловные устойчивые единицы профессиональной коммуникации фразеологизмами? Какие признаки фразеологичности сверхсловных специальных единиц на сегодняшний день являются общепризнанными, какие — спорными? Какое значение имеет фразеологическая номинация для профессиональной коммуникации с позиций современной лингвистики? Корректно ли говорить о «фразеологии языков для специальных целей»?

Немецкий лингвист Роземари Глэзер пишет о трёх этапах изучения немецких сверхсловных специальных единиц. Первый этап предполагал почти полное отрицание фразеологичности таких сочетаний в работах учёных-лингвистов, изучающих фразеологический фонд общенациональных языков. На втором этапе специальные словосочетания стали объектом изучения со стороны терминоведения, прикладного языкознания, переводоведения и теории текста. И, наконец, на третьем этапе учёные начали применять интегративный подход к исследованию сверхсловных специальных единиц, объединяющий в себе классическую фразеологическую традицию с положениями теории специальных языков, корпусной лингвистики, так что общая фразеология (*Phraseologie der Allgemeinsprache*) оказывается в комплементарных отношениях с фразеологией специальных языков (*Fachphraseologie*) [11: 483].

Автор классической работы по фразеологии немецкого языка Вольфганг Фляйшер, принимая во внимание опыт советской и постсоветской фразеологической школы, исходит из функции специальных словосочетаний, которая состоит в точном обозначении научных понятий в рамках теории какой-либо специальной области. На этом основании он противопоставляет терминологические

словосочетания (terminologisierte / terminologische Wortgruppen — *spitzer Winkel*) нетерминологическим фразеологическим (nichtterminologische phraseologische Wortgruppen — *langer Atem* „große Ausdauer“) и нетерминологическим свободным (nichtterminologische freie Wortgruppen — *spitzer Bleistift*) [10:71–72].

Основная разница между терминологическими и фразеологическими сочетаниями слов, по мнению В. Фляйшера, та же, что и между однословными терминами и нетерминами. Термин однозначно и непосредственно соотносим с обозначаемым им понятием, не зависит от контекста и принадлежит какой-либо специальной сфере, в то время как фразеологизм обозначает предмет косвенно, опосредованно. Получая фразеологическое значение, такое сочетание перестаёт быть элементом терминосистемы и становится принадлежностью общего языка. Таким образом, В. Фляйшер, вслед за А.И. Молотковым и В.Н. Телией, признаёт фразеологический статус только тех терминологических сочетаний, которые в результате детерминологизации приобрели новое фразеологическое значение и, собственно, перестали выполнять функцию термина в рамках какой-то терминосистемы [10: 72–73].

Феномен детерминологизации терминологических и профессиональных словосочетаний изучался и изучается на материале разных языков. Терминологические фразеологизмы, или «терминологизмы», английского языка, т. е. словосочетания, имеющие как терминологическое, так и фразеологическое значения и актуализирующие одно из них в зависимости от контекста, рассматриваются, например, в диссертации Е.А. Никулиной [4]. Однако и здесь фразеологический статус скорее противопоставляется терминологическому. На материале немецкого языка процессы детерминологизации рассмотрены в работах В.А. Собяниной, которая фокусирует внимание на вопросах взаимодействия специальной лексики, в состав которой входят и устойчивые терминологические сочетания, с обиходной и обиходно-разговорной [2].

Фразеологический статус словосочетаний в случае деспециализации (детерминологизации или депрофессионализации) является бесспорным, поскольку единицы с новым переосмысленным фразеологическим значением переходят в основной фразеологиче-

ский фонд языка и в таком виде фиксируются словарями общей лексики и фразеологии.

Так, у выражения *auf dem Trock[e]nen sitzen/ sein* в словаре Duden зафиксированы три значения: *umgangssprachlich: 1. nicht mehr weiterkommen, festsitzen und keine Lösung finden. 2. besonders aus finanziellen Gründen in Verlegenheit, handlungsunfähig sein. 3. scherzhaft; vor einem leeren Glas sitzen, nichts mehr zu trinken haben.* Далее в статье поясняется его этимология, восходящая к морскому подъязыку: *ursprünglich wohl bezogen auf ein Schiff, das auf Grund gelauften ist oder bei Ebbe festliegt* [12].

Чтобы показать разнообразие взглядов на фразеологический статус специальных словосочетаний, обратимся к другому уважаемому немецкому исследователю Харальду Бургеру. Данный автор выделяет фразеологические термины (*phraseologische Termini*) в отдельную группу среди других специальных классов фразеологизмов. Он, как и В. Фляйшер, подчёркивает функциональное сходство терминов-слов и терминов-словосочетаний, а также семантическую нормированность и устойчивость в рамках специальной сферы. Эта устойчивость имеет различные проявления в различных специальных контекстах [9: 50].

Аргументом в пользу включения терминологических сочетаний в состав фразеологии, по мнению Х. Бургера, является тот факт, что многие специальные сферы имеют большое значение в повседневной жизни людей. Так, математические термины известны любому школьнику (*die Wurzel ziehen*). Кроме того, терминологии существуют не только в научных областях, но и, например, в спорте (*ein Tor schießen*). Средства массовой информации, в свою очередь, активно занимаются популяризацией таких специальных областей, как, например, сфера экономики, частично пользуясь и соответствующими терминами (*Die Konjunktur ist auf Talfahrt*). Среди других значимых специальных областей, языковые элементы которых могут функционировать в повседневной коммуникации, Х. Бургер называет метеорологию (*Die Temperaturen liegen unter/ über dem Gefrierpunkt*), атомную энергетику (*schneller Brüter*), фармакологию (*Risiken und Nebenwirkungen*). Таким образом, по Х. Бургеру, функционирование терминологических сочетаний в

повседневных контекстах (alltägliche Zusammenhänge) является основанием для отнесения таковых к фразеологизмам [9: 51].

Следуя логике Х. Бургера, употребляющиеся в научно-популярном дискурсе сверхсловные терминологические единицы можно отнести к фразеологизмам, ведь цель научно-популярных текстов, состоит, прежде всего, в общественно значимой популяризации специального знания. Приведём пример употребления медицинского сверхслового термина в научно-популярной медицинской статье:

*Neben Behinderung **Morbus Alzheimer** (Alzheimer-Krankheit) sind es auch Krankheitsbilder wie Depressionen oder Traumatisierungen, bei denen die Gartentherapie zur Anwendung gelangt* [13].

Как видно из сказанного выше, фразеологический статус терминологических сочетаний (или, точнее говоря, некоторых их видов) связан со взглядом учёных на такие понятия, как общелитературный язык — специальный язык (Gemeinsprache, Allgemeinsprache — Fachsprache), повседневная коммуникация — специальная коммуникация (alltägliche Kommunikation — Fachkommunikation). Если В. Фляйшер исходит из противопоставления данных понятий и исключает большую часть терминологических сочетаний из состава фразеологии, то Х. Бургер рассматривает специальную коммуникацию как составную часть коммуникации в целом и потенциально допускает отнесение практически любых специальных словосочетаний к фразеологизмам.

Теперь обратимся к мнению терминоведов и других исследователей профессиональной коммуникации. В рамках теории языков для специальных целей (ЯСЦ) принято рассматривать терминологические и другие специальные словосочетания, прежде всего, как результат синтаксического способа терминообразования. Как пишет С.В. Гринёв-Гриневич, синтаксическим способом «образуется 60–95 % состава различных исследованных терминологий европейских языков, что свидетельствует о преобладании терминологических словосочетаний (составных терминов) над однословными терминами в современной терминологии». Среди основных грамматически оформленных свойств терминов-словосочетаний исследователь называет устойчивость (цельность номинации), обу-

словленную их функцией наименования одного понятия, «номинативный характер и атрибутивный вид связи составляющих их элементов» [3: 135–136]. Вопрос фразеологичности терминов-словосочетаний Гринёв-Гриневиц не ставит, а неоднословные термины исследуются так же, как и прочие.

Учёные-терминологи Б.Н. Головин и Р.Ю. Кобрин пишут о необходимости рассмотрения терминологических словосочетаний «в ряду известных в языкознании видов словосочетаний — свободных, устойчивых или фразеологических». На основе анализа русских терминологических словосочетаний авторы делают вывод об их промежуточном положении между свободными и фразеологическими словосочетаниями (с точки зрения их семантики), поскольку терминологические словосочетания не обладают многими признаками фразеологизмов. Хотя «за каждым термином стоит устойчивая, стандартно воспроизводимая структура сложного составного понятия», они не имеют таких признаков, как неизменность порядка слов и невозможность буквального перевода на другие языки, они не отличаются также признаком экспрессивности [2: 43–47].

В.Н. Прохорова, с одной стороны, тоже признаёт, что терминологические словосочетания имеют свои характерные особенности, отличающие их от фразеологизмов общелитературного языка. С другой стороны, по её мнению, «они обладают основными признаками фразеологии и не отличаются от фразеологизмов-нетерминов в принципе». Автор подчёркивает функциональный, а не органический характер этого отличия [5: 59–60]. Интересны замечания В.Н. Прохоровой о взаимодействии синтаксического и лексико-семантического способов терминообразования, когда в образовании терминов-словосочетаний принимает участие метафорический перенос [5].

Райнер Арнц и Хериберт Пихт также подходят к рассмотрению специальной фразеологии (*fachsprachliche Phraseologie*) с позиций теории ЯСЦ и терминоведения. Данные авторы отмечают, что специальные словосочетания (*Fachwendungen, Fachphrasen*) являются результатом синтаксического объединения как минимум двух специальных элементов (слов) в высказывание с определённым специальным содержанием, внутренняя когерентность которого основана

вается на понятийной связности. При исследовании исходных слов-компонентов словосочетаний Р. Арнц и Х. Пихт выделяют те, что изначально уже имеют специальное значение и те, которые могут получать специальное (терминологическое) значение лишь в связке с другим компонентом (*der Strom fließt, den Motor anlassen, eine Spannung anlegen*). Совокупность специальных выражений какого-то специального языка, с одной стороны, и систематическое исследование специальных выражений, с другой, авторы предлагают называть фразеологией данного специального языка [8: 34–35].

Приведённые выше мнения терминоведов о фразеологичности специальных словосочетаний позволяют говорить, во-первых, о том, что в основном, их внимание направлено на термины, что неудивительно, так как именно термины составляют основной объект изучения терминоведения. Другие типы специальных сверхсловных единиц с позиций теории ЯСЦ рассматриваются значительно реже. Во-вторых, есть различие в понимании объёма специальной фразеологии и ее признаков.

Развивающееся в последнее время когнитивное направление тоже не обошло вниманием вопросы фразеологического статуса специальных словосочетаний в профессиональной коммуникации. Так, Е.И. Голованова и Е.И. Шестак на основании «универсального характера фразеологической номинации» считают фразеологические единицы «неотъемлемой частью языков профессиональной коммуникации». Рассматривая фразеологическую номинацию как «один из основных способов языковой объективации оперативного знания», которое человек получает в процессе взаимодействия с окружающей действительностью, авторы отводят фразеологической номинации промежуточное положение «между однословной и прямой неоднословной номинацией связей и отношений, обнаруженных сознанием человека в объективном мире» [1: 156; 7]. В соответствии с таким подходом фразеологические наименования представлены «во всех стратах языка профессиональной коммуникации (терминология, устная профессиональная лексика, профессиональный жаргон)» [там же].

Е.И. Голованова определяет фразеологизмы в профессиональной коммуникации как «сверхсловные устойчивые образования,

обладающие свойством идиоматичности». В специальных фразеологизмах не только «объективируется знание, полученное в рамках профессионального опыта в типовых ситуациях профессиональной деятельности», но и «отражаются сложные с точки зрения познания объекты и явления профессиональной деятельности, которые не могут быть обозначены однословным наименованием»[1: 161–162].

Интегративный подход к анализу специальных словосочетаний представлен в статье Р. Глэзер. Опираясь на результаты исследований в области общей фразеологии, а также в области изучения различных языков для специальных целей, она даёт определения основным понятиям специальной фразеологии (*Fachphraseologie*). Так, специальный фразеологизм (*Fachphraseologismus*) Р. Глэзер определяет как лексикализованное, узואльно употребляемое, закреплённое и воспроизводимое в определённой сфере специальной коммуникации выражение, которое, как правило, не обладает признаком идиоматичности и лишено любых экспрессивных или стилистических коннотаций. Идиомы в языке специальной коммуникации, в отличие от общей фразеологии, являются скорее исключением и часто представляют собой донаучные номинации или разговорные профессиональные жаргонизмы [11: 487]. Итак, признак идиоматичности для Р. Глэзер не является обязательным, более того, идиомы исключаются из ядра специальной фразеологии. Таким образом, исходя из приведённого определения, можно наделить статусом фразеологизма большинство сверхсловных единиц специальной коммуникации.

Несмотря на широкое понимание специального фразеологизма, Р. Глэзер, как и В. Фляйшер, исключает из фразеологического фонда специальных языков онимы (*der Stille Ozean*) и номенклатуру (*Tendo calcaneus Achillis* „*Achillessehnam Fersenbein*“). В то же время устойчивые сочетания с онимическими компонентами (*parkinsonsche Lähmung*), как и тривиальные наименования болезней (*Trockenes Auge*), животных (*Onkel Bülow* „*der Pirol*“) и растений (*das fleißige Lieschen* „*die Immerblühende Begonie*“) включаются Р. Глэзер в группу номинативных фразеологизмов [11: 490–492].

Как утверждает Р. Глэзер, фразеологическая система специальных языков структурирована намного проще, чем система фра-

зеологии общего языка. Ядром специальной фразеологической системы немецкого языка можно считать номинативные сочетания, среди которых отмечается заметное доминирование субстантивных и глагольных фразеологических единиц, значительно реже встречаются адъективные и адverbиальные специальные фразеологизмы. Субстантивные словосочетания в большинстве своём являются стилистически нейтральными терминами, за исключением разговорно окрашенных идиоматических профессиональных жаргонизмов. Специальные вербальные фразеологизмы, кроме номинативных словосочетаний (*eine Naht legen, einen Eid ablegen*), включают в себя также и устойчивые глагольно-именные словосочетания (Funktionsverbgefüge) (*sich im Aufbau / Verfall befinden*), и лексические коллокации (по В.В. Виноградову — фразеологические сочетания) (Kollokation).

Продуктивными в специальной коммуникации автор также считает парные сочетания (Zwillingsformeln) (*Einnahmen und Ausgaben, Forschung und Entwicklung*) и разные группы предикативных / пропозициональных единиц (Propositionen) [11: 490–496].

Реферативный обзор работ, посвящённых специальной фразеологии в терминоведении и фразеологии, позволяет сделать выводы.

- Изучение фразеологических номинаций в профессиональной коммуникации возможно только с использованием результатов различных лингвистических дисциплин (общей фразеологии, теории языков для специальных целей, терминоведения и др.).

- Следует различать фразеологический фонд общенационального языка и фразеологию языков для специальных целей.

- На материале немецкого языка сверхсловные терминологические и профессиональные номинации изучены намного слабее, чем, например, на материале английского и русского языков. Однако область фразеологии, занимающаяся фразеологическими номинациями в профессиональной коммуникации (Fachphraseologie), немецкими учёными выделена и находится на стадии освоения.

- В процессе проведенного обзора не было обнаружено единого подхода к отграничению и типологии фразеологизмов ЯСЦ. Специальная фразеология негомогенна. Однако само признание

существования фразеологии ЯСЦ даёт возможность считать (специальными) фразеологизмами значительное количество сверхсловных единиц, появившихся и функционирующих в профессиональной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голованова, Е.И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011.
2. Головин, Б.Н., Кобрин, Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1987.
3. Гринёв-Гриневиц, С.В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2008.
4. Никулина, Е.А. Терминологизмы как результат взаимодействия и взаимовлияния терминологии и фразеологии современного английского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005.
5. Прохорова, В.Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование). М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.
6. Собянина, В.А. Взаимодействие специальной и обиходной лексики в современном немецком языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005.
7. Шестак, Е.И. Профессионально маркированные фразеологические единицы в когнитивно-коммуникативном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2008.
8. Arntz, R., Picht, H. Einführung in die Terminologearbeit. 2. Aufl. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag. 1991.
9. Burger, H. Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen. 3., neubearb. Aufl. Berlin: Erich Schmidt, 2007.
10. Fleischer, W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. 2., durchges. und erg. Aufl., Tübingen: Niemeyer Verlag, 1997.
11. Gläser, R. Fachphraseologie // Phraseologie. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung. 1. Halbband. Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Bd. 28.1 / Hrsg. H. Burger, D. Dobrovolskij, P. Kühn, Neal R. Norrick. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2007. S. 482–505.

Электронные ресурсы

<http://www.duden.de/rechtschreibung/trocken> (дата обращения 31.01.15).

<http://www.spiegel.de/wissenschaft/mensch/hirnforschung-pause-macht-produktiv-a-707465.html> (дата обращения 1.02.2015).

REFERENCES

1. *Golovanova, E.I.* Vvedenie v kognitivnoe terminovedenie [Introduction to cognitive terminology]: ucheb. posobie. Moskva: FLINTA: Nauka, 2011 (in russia).

2. *Golovin, B.N., Kobrin, R.Ju.* Lingvisticheskie osnovy uchenija o terminah [Linguistic bases of the doctrine about terms]: ucheb. posobie. Moskva: Vysshaja shkola, 1987 (in russia).

3. *Grin'ov-Grinevich, S.V.* Terminovedenie [Terminology]: uchebnoe posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij. Moskva: Izdatel'skij centr «Akademija», 2008 (in russia).

4. *Nikulina, E.A.* Terminologizmy kak rezul'tat vzaimodejstvija i vzaimovlijanija terminologii i frazeologii sovremennogo anglijskogo jazyka [Terminologist as a result of interaction and mutual influence of terminology and phraseology of the modern English language]: avtoref. dis... dokt. filol. nauk. Moskva, 2005 (in russia).

5. *Prohorova, V.N.* Russkaja terminologija (leksiko-semanticheskoe obrazovanie) [Russian terminology (lexico-semantic education)]. Moskva: Filologicheskij fakul'tet MGU im. M.V. Lomonosova, 1996 (in russia).

6. *Sobjanina, V.A.* Vzaimodejstvie special'noj i obihodnoj leksiki v sovremennom nemeckom jazyke [Interaction of special and everyday vocabulary in the modern German language]: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. Moskva, 2005 (in russia).

7. *Shestak, E.I.* Professional'no markirovannye frazeologicheskie edinicy v kognitivno-kommunikativnom aspekte [Professionally marked phraseological units in cognitive and communicative aspect]: avtoref. dis... kand. filol. nauk. Cheljabinsk, 2008 (in russia).

8. *Arntz, R., Picht, H.* Einführung in die Terminologiearbeit. 2. Aufl. Hildesheim, Zürich, NewYork: Georg Olms Verlag. 1991.

9. *Burger, H.* Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen. 3., neubearb. Aufl. Berlin: Erich Schmidt, 2007.

10. *Fleischer, W.* Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. 2., durchges. und erg. Aufl., Tübingen: Niemeyer Verlag, 1997.

11. *Gläser, R.* Fachphraseologie. // Phraseologie. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung. 1. Halbband. Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Bd. 28.1 / Hrsg. H. Burger, D. Dobrovolskij, P. Kühn, Neal R. Norrick. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2007. S. 482–505.

Weblinks

<http://www.duden.de/rechtschreibung/trocken> (data obrashcheniya 31.01.15).

<http://www.spiegel.de/wissenschaft/mensch/hirnforschung-pause-macht-produktiv-a-707465.html> (data obrashheniya 1.02.2015).

Ковтунова Елена Анатольевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ. Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Kovtunova Elena Anatolyevna

Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University.

Address: 7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: michael19811974@mail.ru

А. В. МЕЛЬГУНОВА

Санкт-Петербургский государственный университет

**ЛЕКСИКА ТЕМАТИЧЕСКИХ ГРУПП «ФЛОРА»
И «ФАУНА» КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ
ТЕХНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ**

Ключевые слова: терминология, метафора, номинация, флора, фауна.

В статье рассматривается лексика тематических групп «флора» и «фауна», которая используется в процессе создания технической терминологии. Данные лексические единицы в результате метафоризации могут использоваться в роли термина самостоятельно или выступать в качестве компонента сложного слова. Источником материала послужили немецкие словари.

A. V. MELGUNOVA

St. Petersburg State University

**THEMATIC GROUP OF WORDS «FLORA»
И «FAUNA» IN THE FORMATION
OF TECHNICAL TERMINOLOGY**

Keywords: terminology, metaphor, denotation, flora, fauna.

The article deals with the analysis of words of thematic groups “flora” and “fauna”, which are used to form technical terminology, separately or as constituents of word composition. Technical terms of this type appear because of metaphorization. Material was collected from dictionaries of the German language.

Терминология является важной частью словарного состава языка и формируется как при помощи заимствований, так и за счёт использования ресурсов самого языка. Наряду с образованием терминов по имеющимся в языке словообразовательным моделям, широко используется метафора как способ перевода общеупотребительной лексики в категорию профессиональной.

Рассмотрим такие, казалось бы, далёкие друг от друга области, как природа и техника. Благодаря свойству человеческого мышле-

ния находить аналоги в объектах окружающей действительности (схожесть признаков), лексика, относящаяся к первой группе, часто является средством создания технической терминологии.

В целях создания имён предметов может использоваться метафора, что является причиной возникновения омонимии [3: 296]. Результаты подобной метафоризации, обладающей номинативной функцией, будут рассмотрены далее.

Данное явление существует в разных языках и имеет место в различных областях применения техники. Например, в русской военной терминологии существуют следующие номинации подобного рода: «ежи» — противопехотные и противотанковые заграждения, «личинка» — деталь станкового пулемёта, названия танков «Скорпион», «Тигр», «Пантера» и боевых вертолётов «Чёрная акула», «Аллигатор» [1: 151–152]. Как мы видим, первые два примера представляют собой имена нарицательные, а названия конкретных моделей техники являются именами собственными. В качестве подобных имён собственных обычно выбираются названия хищных или представляющих опасность животных.

Для авиационной терминологии является типичным сравнение летательного аппарата с птицей и ещё на этапе конструирования самолёт уподобляется птице [2: 209].

Объектом номинации являются как инструменты или механизмы в целом, так и отдельные части инструмента или механизма. В качестве материала создания номинации используется лексика тематической группы «фауна» (названия млекопитающих, птиц, рыб, насекомых и частей их тела) и «флора» (названия растений и их частей).

По словообразовательной структуре большинство подобных терминов в немецком языке относится к двум группам. Это корневые слова, например, *die Fliege* «бегунок» (текстильная промышленность) — дословно «муха», *der Bär* — «ударная баба» (кузнечное дело) — дословно «медведь», *die Klaue* — «гвоздодёр» — дословно «коготь», *die Katze* — «крановая монорельсовая тележка» — дословно «кошка» и композиты, имеющие в качестве одного из компонентов лексическую единицу, обозначающую объект из области природы: *das Kielschwein* — кильсон (деталь в судостроении), *das Rotorblatt* — лопасть (винта вертолёта), *die Höhenflosse* — «стабилизатор вертолёта», *der Kettbaum* — «навой» (деталь ткац-

кой мотальной машины). Основное значение перечисленных компонентов: das Schwein «свинья», das Blatt «лист», die Flosse «плавник», der Baum — «дерево».

Не существует такой закономерности, что часть тела животного или часть растения именуется, соответственно, именно часть механизма, а название животного/растения целиком — механизм в целом. Например, der Fuchsschwanz — «пила-ножовка» (целый инструмент) — дословно «хвост лисы» (часть животного); die Mücke «бегунок» (часть механизма) — дословно «комар» (целое); das Fischauge — фотообъектив типа «рыбий глаз» (часть); die Libelle — «уровень» (целое) — дословно «стрекоза» (целое). Последний тип является наименее частотным.

В сложных существительных лексика, относящаяся к группам «флора» и «фауна» может выступать в качестве первого или второго компонента. Семантические отношения между компонентами композитов могут быть охарактеризованы следующим образом: Первый компонент обозначает чаще всего тип механизма или его части: das Entenflugzeug «утка» — тип самолёта, der Schneckenbohrer — «улиткообразный бурав», der Bananenstecker — «банановый штекер» (радиотехника) или принадлежность к механизму: Bärstange — «ударная часть бабы» (кузнечное дело).

В качестве второго компонента данная лексика является основным наименованием, а первый компонент уточняет функцию инструмента/детали. die Laufkatze «крановая тележка» (от laufen — бегать и die Katze — кошка) die Spannklaue «зажимной кулачок» (от spannen — зажимать и die Klaue — коготь) das Sägeblatt — (от sägen — пилить и das Blatt — лист), der Tragflügel — «крыло» (от tragen — нести и der Flügel — крыло) или принадлежность детали к определённом инструменту; das Rotorblatt, das Kielschwein.

Оба компонента композита могут иногда относиться к одной сфере — обычно, если термин представляет собой результат переноса наименования с части тела животного — как упомянутое выше слово Fuchsschwanz или, например, Möwenflügel — тип крыла самолёта «чайка», дословно «крыло чайки».

В случае с корневыми словами можно выделить следующие признаки, в связи с которыми производится номинация инструмента, механизма или его части:

1) сходство формы: der Igel — игольчатая борона (сельское хозяйство), дословно — «ёж», die Linse «линза», дословно — «чечевица», der Zapfen — «цапфа, шип», дословно «хвойная шишка», das Maul — «зев, отверстие тисков», дословно «пасть, морда».

2) размер (учитывается при обозначении мелких механизмов и их деталей): die Wanze — миниатюрное подслушивающее устройство, дословно «клоп»; die Fliege «бегунок», дословно «муха».

3) способность передвигаться или способ передвижения: der Frosch — «передвижной бортик» (типографское дело), дословно «лягушка»; die Raupe — гусеница (экскаватора).

Также могут учитываться несколько признаков одновременно, как, например, размер и способность двигаться в случае с вышеупомянутым термином die Fliege.

Следует отметить, в большинстве случаев эти сравнения являются условными. Например, деталь «гусеница» не копирует полностью способ передвижения гусеницы в природе. Если соотносить техническую терминологию с основными значениями лексических единиц, от которых она образована, можно выявить как определённую логичность, так и её нарушение. Например, der Hahn — «кран» и das Kücken «пробка крана», дословно «петух/цыплёнок» — название взрослой птицы и детёныша сопоставляются по принципу большое/маленькое. В этом отношении сопоставление является логичным, хотя, конечно, цыплёнок не является частью петуха.

В иных номинациях, например, некоторых частей самолёта, который всегда сравнивается с птицей, происходит определённое нарушение логической связи, если рассмотреть авиационный термин die Schwanzflosse — «хвостовой стабилизатор», так как die Flosse «плавник» — это часть тела рыбы, а не птицы, как в случае с крыльями. Однако причина возникновения именно такой номинации ясна — именуемая деталь имеет сходство по форме как раз с плавником рыбы, а соответствие законам природы при переносе наименований на технику не играет большой роли.

Некоторые слова могут встречаться в разных областях техники в качестве термина, например, таким универсальным словом, которое используется для обозначения лезвий и лопастей самых разных механизмов и инструментов, является das Blatt — «лист».

Рассмотренные примеры показали, что при образовании терминов лексика группы «фауна» используется чаще, чем лексика со

значением «флора». Вероятно, это можно объяснить тем, что лексика, относящаяся к миру животных, предоставляет больше возможностей для создания необходимых номинаций — например, если необходимо подобрать название для движущегося механизма или его части.

При сопоставлении немецкой технической терминологии с терминологией в русском языке мы не всегда обнаруживаем соответствия в способах образования термина, например:

а) der Flügel «крыло», die Maus — (компьютерная) «мышь» — в данном случае термины совпадают;

б) die Schnecke — (тех.) «шнecк, червяк» (деталь машины) дословно «улитка» — в русском языке термин также основан на переносе из сферы фауны, но с заменой на другую лексическую единицу группы «фауна»;

в) der Fischgrätenmilchstand «доильная установка «ёлочка» — в русском языке замена лексики фауны на лексику флоры «рыбья кость» — «ёлочка»;

г) die Rose — «картушка» (компас) — в немецком языке термин происходит из области флоры — «роза», в русском не относится к этой сфере;

е) «хобот» — в русском языке (деталь фрезерного станка), в немецком соответствующая номинация der Gegenhalter не основана на лексике групп флора/фауна.

Подобные сходства и различия в образовании терминологии на материале различных языков представляют собой интересный материал для исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рябов, А.Г. Метафора в терминообразовании (на примере военной терминологии) // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2009. № 3. С. 149–154.

2. Шарфутдинова, Н.С. Многозначные термины в немецкой авиационной терминосистеме: основные способы и источники их формирования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 2 (32). С. 208–211.

3. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000.

Источники иллюстративного материала

Иллюстрированный словарь на немецком и русском языках. М.: ИУНБЕС, 1994.

Немецко-русский (основной) словарь. М.: Русский язык, 1992.

Немецко-русский русско-немецкий иллюстрированный словарь / сост. Ж.К. Корбей, А. Ашамбо. М.: Эксмо, 2013.

REFERENCES

1. *Riabov, A.G.* Metafora v terminoobrazovanii (na primere voennoi terminologii) [Metaphor in the formation of terms (by the example of military terms)] // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. 2009. № 3. S. 149–154 (in russia).

2. *Sharafutdinova, N.S.* Mnogoznachnye terminy v nemetskoj aviatcionnoy terminosisteme: osnovnye sposoby i istochniki ikh formirovaniya [Polysemantic terms in the German aviation terminological system: basic ways and sources for their formation] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 2 (32). S. 208–211 (in russia).

3. Iazikoznanie. Bolshoi entsiklopedicheskii slovar'. [Linguistics. Big Encyclopedia] / gl. red. V.N. Iartseva. Moskva: Bol'shaja Rossiiskaia entsiklopedia. 2000 (in russia).

Sources of examples

Illiustrirovannii slovar' na nemetskom i ruskom iazikakh [Illustrated Dictionary: German, Russian]. Moskva: IUNVES, 1994.

Nemetsko-russkii (osnovnoi) slovar'. [German (basic) dictionary] Moskva: Russkii iazik, 1992 (in russia).

Nemetsko-russkii russko-nemetskii illiustrirovannii slovar' [German-Russian and Russian-German illustrated dictionary] / sost. J.K. Korbei, A. Ashambo. Moskva: Eksmo, 2013.

Мельгунова Анна Владиславовна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ. Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Anna V. Melgunova

Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University.

Address: 7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: melgunova@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Ключевые слова: теория и практика перевода, терминологическая лексика, общественно-политический текст, политический дискурс, параллельный текст, корпусы текстов.

В статье речь идет об особенностях перевода немецкой терминологической лексики в политическом дискурсе. Особенности данной лексической группы анализируются на примере общественно-политических параллельных текстов из материалов ООН и Форума «Петербургский диалог». При этом отмечается своеобразие политической терминологии по сравнению с терминологическими системами из других сфер коммуникации и намечаются пути поиска русскоязычных параллелей в случае отсутствия словарных соответствий.

L. N. GRIGORIEVA

St. Petersburg State University

SPECIAL ASPECTS OF POLITICAL TERMINOLOGY TRANSLATION

Keywords: theory and practice of translation, terminological vocabulary, socio-political text, political discourse, parallel text, text corpus.

This article addresses the question of German terminological vocabulary translation in the political discourse. Special aspects of this lexical group are analyzed in terms of socio-political parallel texts based on the data from the materials of “Petersburger Dialog” Forum and UN documents. In this regard, the particular distinction of the political terminology in comparison with terminological systems from other spheres of communication is noted and the ways of searching for Russian parallels in case of a direct lexical correspondence unavailability are outlined.

Одну из трудностей при переводе текстов общественно-политической тематики представляет передача значения встречающихся в них терминологических единиц, под которыми, как из-

вестно, понимаются слова или словосочетания специального языка, создаваемые для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов [6: 111].

С лексической точки зрения тексты общественно-политической тематики отличаются целым рядом особенностей, среди которых, во-первых, можно назвать большое количество специальной лексики из самых разных областей знания. В отличие от технических их характеризует довольно широкий круг вопросов, и потому переводчикам, специализирующимся на переводе в сфере международной деятельности в таких организациях, как ООН, ЮНЕСКО, ЕС и пр., приходится постоянно переключаться с одной тематической области на другую [3: 89]. Во-вторых, в связи с постоянно меняющейся политической ситуацией переводчики часто сталкиваются с отсутствием соответствующих терминов в существующих словарях. В-третьих, эти трудности связаны также со спецификой деятельности самих организаций и институтов, для которых осуществляется перевод.

В нашей статье, написанной на основе немецко- и русскоязычных вариантов текстов ООН и документов из сферы двустороннего сотрудничества России и Германии (например материалов Форума «Петербургский Диалог»), делается попытка определить основные особенности политической терминологии, выявить потенциальные возможности ее перевода в случае отсутствия словарного эквивалента, а также разработать пути решения подобных трудностей, возникающих в процессе переводческой деятельности.

Термины из сферы политического дискурса отличает целый ряд особенностей, не свойственных терминологическим системам из других сфер профессиональной коммуникации. Среди этих особенностей политической терминологии можно выделить такие, как ее неоднозначность, терминологическая стертость и «неяркость», изменчивость и зависимость от конкретной исторической ситуации, а также известная каноничность. Остановимся на этих моментах несколько подробнее.

Что касается таких характеристик политической терминологии, как ее неоднозначность и терминологическая стертость, то эти

качества противоречат тому мнению, согласно которому термины отличает однозначность и независимость от контекста [2: 111].

Терминологическая сущность многих, особенно исконно немецких, слов выражена неярко, что может быть продемонстрировано на следующем примере:

[...] wo angezeigt, Rechtshilfe- und <i>Auslieferungsvereinbarungen</i> abzuschließen und umzusetzen [...].	[...] заключения и осуществления в надлежащих случаях <i>соглашений о взаимной правовой помощи и экстрадиции</i> [...].
---	---

Для существительного „*Auslieferung*“ в русском переводе данного примера используется термин «экстрадиция», но в двуязычном словаре такой вариант перевода не значится. В качестве вариантов перевода для „*Auslieferung*“ приводятся следующие значения: 1. *Выдача, отпуск; поставка (товара); вручение, передача (документа); полигр. сдача (тиража);* 2. *Выдача, передача (кого-л., чего-л. кому-л., в чьи-л. руки)*. Ни один из перечисленных вариантов для перевода „*Auslieferungsvereinbarung*“, не подходит, поскольку все они требуют в соответствии с нормами русского языка заполнения правой валентности, что видно уже из самой словарной статьи.

Изменчивость политической лексики и ее зависимость от ситуации также часто осложняют процесс перевода. В таких случаях часто словарное значение не только не помогает при переводе, а, наоборот, может ввести переводчика в заблуждение. Поэтому перевод терминологических единиц в общественно-политических текстах оказывается осложненным необходимостью переосмысления существующих словарных значений.

В качестве примера можно привести лексику „*Leibeigenschaft*“, которая в немецко-русском словаре дана в единственном ее значении как «крепостное право», «крепостной строй» с пометой историзм. Очевидно, что подобный перевод не имеет никакого отношения к следующему абзацу, взятому из Резолюции ООН:

<p>[...] wobei Ausbeutung mindestens die Ausnutzung der Prostitution anderer oder andere Formen sexueller Ausbeutung, [...], <i>Leibeigenschaft</i> oder die Entnahme von Organen umfasst [...].</p>	<p>[...] эксплуатация включает как минимум эксплуатацию проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, [...], <i>подневольное состояние</i> или извлечение органов [...].</p>
--	--

Аналогичное несоответствие словарного эквивалента и контекста обнаруживается и в другом примере:

<p><i>Wanderarbeitnehmer</i> zählen im Zusammenhang mit der gegenwärtigen Krise zu den am meisten gefährdeten Gruppen.</p>	<p>В условиях нынешнего кризиса наиболее уязвимой группой являются <i>рабочие-мигранты</i>.</p>
--	---

В немецко-русском словаре лексема „*Wanderarbeitnehmer*“ отсутствует. В нем в качестве перевода для „*Wanderarbeiter*“ можно найти слово «отходник», а соответствующий род деятельности — „*Wanderarbeit*“ — переводится как «отходничество», «отхожий промысел». Данные лексемы не сопровождаются никакими специальными пометами, однако, если обратиться к толковому словарю русского языка, станет ясно, что они относятся к устаревшим единицам: «отходничество — временный уход из деревни на сезонные работы в город», а отходник — это «крестьянин, уходящий на сезонные работы в город». В то же время в толковом словаре немецкого языка „Duden“ термин „*Wanderarbeitnehmer*“, обозначенный как синоним для „*Wanderarbeiter*“, означает «сезонного рабочего, вынужденного искать работу вдали от действительного местожительства».

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что для обеспечения адекватного перевода невозможно просто бездумно использовать найденные в словарях переводные эквиваленты. От переводчика требуется понимание того, что имеется в виду. Поэтому работа с терминологией предполагает также поиск дополнительной информации, относящейся к специальным областям знания.

Каноничность политической лексики также представляет собой одну из специфических черт политического дискурса. Под ка-

ноничностью имеется в виду наличие закрепленных в переводе канонических соответствий. На создание некоторых терминов могут уходить годы переговоров и усилия дипломатов, согласовавших те или иные спорные вопросы. В связи с этим переводчик должен понимать, что любая попытка отойти по тем или иным соображениям от установившейся в практике перевода терминологии может стать причиной серьезного недоразумения.

В первую очередь это свойственно терминологическому аппарату ООН, в том числе в сфере политики. В двуязычном словаре лексические единицы, которые в контексте ООН имеют особый перевод, обозначены специальной пометой. Так, к примеру, „*Charta*“ в каких-то случаях может переводиться как «*хартия*», тогда как сочетание „*die Charta der Vereinten Nationen*“ — „*Устав Организации Объединенных Наций*“:

Wir bekräftigen die in <i>der Charta der Vereinten Nationen</i> festgelegten Ziele.	Мы подтверждаем цели Организации Объединенных Наций, изложенные в ее <i>Уставе</i> .
---	--

Аналогичное явление наблюдается и в случае с лексемой „*Generalversammlung*“. Употребленная в отношении руководителей компании, она может означать «*итоговое собрание*»; если же речь идет об ООН, то „*Generalversammlung*“ является термином, который следует переводить как «*Генеральная Ассамблея ООН*»:

Sowie unter Hinweis auf das von <i>der Generalversammlung</i> am 16. September 2005 verabschiedete <i>Ergebnis</i> des Weltgipfels [...].	Ссылаясь также на принятый <i>Генеральной Ассамблеей</i> 16 сентября 2005 года <i>Итоговый документ</i> Всемирного саммита [...].
---	---

Для слова „*Ergebnis*“ в том же немецко-русском словаре можно найти только следующие варианты перевода: «*результат*», «*вывод*», «*последствие*», «*итог*», но ни один из них не указывает на возможность передачи значения данного слова как «*письменный документ*».

В другом случае в словарной статье на слово „*Übereinkommen*“, необходимый эквивалент — *конвенция* — присутствует, но без каких-либо специальных помет, поэтому для переводчика, не

имевшего ранее дела с терминологией ООН, выбор соответствия из ряда синонимов (*соглашение, договор, конвенция, договоренность*), может также представить определенную трудность. Кроме того, в контексте ООН «*Конвенция*», как и многие другие термины, пишется с заглавной буквы, что видно из параллельного русского текста:

<p>[...], mit der sie <i>das Übereinkommen</i> der Vereinten Nationen gegen die grenzüberschreitende organisierte Kriminalität [...] verabschiedete [...].</p>	<p>[...], в которой она приняла <i>Конвенцию</i> Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [...].</p>
--	---

Большое значение при переводе терминологической лексики в документах международных компаний и организаций, в которых часто представлено несколько официальных языков, имеет постоянство соответствий, передающих одно и то же понятие или одну и ту же формулировку. При неоднократном переводе с одного языка на другой, как, например, в случае с документами двустороннего сотрудничества, это постоянство соответствий должно сохраняться.

Помимо ООН унифицированной терминологии придерживаются также и другие ведущие международные организации и учреждения, такие как МОТ, ВОЗ, МАГАТЭ, ЮНЕСКО, Всемирный банк, ФАО и др. В связи с этим вся лексика в переводе документов такого уровня должна быть тщательно выверена по аутентичным образцам написания того или иного вида документа.

Что касается статуса отдельных лексем, относящихся к политической терминологии, как языковых единиц, их частеречной принадлежности и словообразовательных моделей, то здесь можно отметить следующие закономерности. В политическом дискурсе встречаются как однословные термины, так и термины, представляющие собой единицы иерархически более высокого уровня, а именно, словосочетания.

Среди однословных терминов однозначно доминируют существительные, они являются основной терминообразующей частью речи. Но в качестве терминов могут выступать и другие части речи, например, глаголы:

Über lange Jahre ist die Wirtschaft dieses Landes von Russland <i>subventioniert</i> worden [...].	В течение долгих лет экономика этой страны <i>поддерживалась субсидиями</i> с российской стороны [...].
--	---

В двуязычном словаре для глагола „*subventionieren*“ дано единственное глагольное соответствие «*субсидировать*», являющееся, в свою очередь, в русском языке калькой с английского „*to subsidize*“. В варианте на русском языке представлен альтернативный перевод глагола, полученный в результате его замены на глагольно-именное словосочетание, что позволило избежать буквализма.

Многие глагольные термины, особенно заимствования, вовсе не находят отражения в двуязычных словарях, как, например, глагол *viktimisieren*:

[...], und dass sie nicht infolge von Maßnahmen staatlicher Behörden <i>viktimisiert</i> werden.	[...], и чтобы они не <i>подвергались виктимизации</i> в результате действий, предпринимаемых государственными властями.
--	--

Данный термин, относящийся к области социологии, как для немецкого, так и для русского языка является калькой английского глагола „*to victimize*“, который, в свою очередь, образован от латинского существительного „*victima*“ («*жертва*»). Ввиду своей низкой частотности (по данным электронного словаря „*Duden*“) термин не представлен ни в одном из существующих двуязычных словарей, поэтому, чтобы понять его сущность, переводчику необходимо обратиться либо к помощи корпуса параллельных текстов, либо толкового словаря. Так, в частности, „*Duden*“ дает следующее его определение: „*zum Opfer machen, schikanieren*“ (дословно «*делать жертвой, преследовать*»).

Среди терминов-существительных большую часть немецких политических терминов составляют с точки зрения словообразовательных моделей композиты. Несмотря на то, что их значение часто можно понять, исходя из структуры, многие термины не имеют

в русском языке соответствия на уровне слова и требуют развернутого перевода:

<p>Ebenso besorgt sind wir über die spezifischen Probleme, von denen die <i>Mittel- und Niedrigeinkommensländer</i> mit schwachen und armen Bevölkerungsgruppen im Hinblick auf die Entwicklung stehen.</p>	<p>Мы в равной степени обеспокоены конкретными проблемами и в области развития, которые испытывают <i>страны со средним и низким уровнем дохода</i>, в которых имеются уязвимые и бедные группы населения.</p>
---	--

Продуктивность словосложения в немецком языке приводит к тому, что большинство сложных слов не находит отражения в переводных словарях, в связи с чем их значение приходится выводить из их компонентов:

<p>Besondere Sorge bereiten uns die Auswirkungen auf die Länder in besonderen Situationen, darunter die am wenigsten entwickelten Länder, die kleinen <i>Insel- und Binnenentwicklungsländer</i> [...].</p>	<p>Мы обеспокоены воздействием кризиса на страны, находящиеся в особой ситуации, в том числе на наименее развитые страны, <i>малые островные развивающиеся государства и не имеющие выхода к морю развивающиеся страны</i> [...].</p>
---	---

Немецкое сложное существительное „*Binnenentwicklungsländer*“ объединяет в себе два других термина: „*Binnenland*“ и „*Entwicklungsland*“, из которых ни первое, ни второе не имеет в русском языке эквивалента на уровне слова. Если для существительного „*Entwicklungsländer*“ имеется соответствующее терминологическое словосочетание «*развивающиеся страны*», то в случае „*Binnenland*“ применяется описательная передача термина — «*страны, не имеющие выхода к морю*». Совмещая оба значения, переводчик получает перевод немецкой лексемы в виде семи лексем на переводном языке. Особенно негативное влияние подобная асимметрия оказывает на качество устного синхронного перевода, когда переводчику приходится чем-то пожертвовать, чтобы успеть передать подобный сложный термин на русский язык.

Примечательно, что в приведенном примере существительные «*страна*» и «*государство*» употребляются в качестве полных синонимов, несмотря на то, что с точки зрения русского языка они не являются полностью тождественными понятиями. Такая замена позволяет избежать повтора в пределах одного предложения, в результате чего термин „*Entwicklungsländer*“ получает два равноправных соответствия: «*развивающиеся государства*» и «*развивающиеся страны*».

Для перевода сложных немецких слов не существует единого правила. К примеру, композиты, образованные в результате сложения основ двух существительных, могут переводиться на русский язык сочетанием *прил. + сущ.* либо *сущ. + сущ. в род. п.* Сделать выбор в пользу того или иного варианта перевода сложно, если значение термина неочевидно, как в следующем примере:

Dieser Prozess muss weiterhin unter der Führung der <i>Programmländer</i> stehen [...].	Эти меры реагирования должны по-прежнему приниматься при ведущей роли <i>стран осуществления программ</i> [...].
---	--

Поэлементный перевод сложного слова „*Programmland*“ по аналогии с „*Entwicklungsland*“ дает словосочетание «*программная страна*», которого нет в Национальном корпусе русского языка, никаких результатов не дал также его поиск в системе Google. Аналогичный результат был получен и в случае с сочетанием «*страна программы*». Очевидно, что для того, чтобы адекватно перевести данный термин, переводчику необходимо сначала понять его сущность. Для этого можно проанализировать употребление существительного „*Programmland*“ в других контекстах, в частности, с помощью англо-немецкого корпуса параллельных текстов:

Namentlich für Ghana, welches ein <i>Programmland</i> des SIPPO Programms ist, verfügt Osec über Know-how und relevante Kontakte. In jedem <i>Programmland</i> wird eine nationale Agentur benannt.	As far as Ghana (one of the SIPPO <i>programme countries</i>) is concerned, in particular, Osec has the relevant know-how and contacts. A National Agency has been set up in each <i>participating country</i> .
--	--

В англоязычных текстах термин „*programme countries*“ чередуется со словосочетанием „*participating countries*“, из чего становится ясно, что речь идет о странах-партнерах, между которыми действуют те или иные соглашения. На основании этого можно было бы перевести „*Programmland*“ как «*страна-участница программы/программ*». Такой перевод, однако, отличается от термина, использованного в параллельных текстах.

То, что словосочетание «*страны осуществления программ*» является случайным, доказывает тот факт, что оно было употреблено в 86 документах, найденных с помощью поисковой машины Google, среди которых есть и аналогичные тексты ООН:

Одновременно с этим Генеральный Секретарь предложил Председателю Группы Объединенных Наций по вопросам развития (ГРООН) возглавить работу по продвижению инициативы «Единство действий» с учетом заинтересованности *стран осуществления программ* [...].

Исполнительный совет приветствует Республику Южный Судан в качестве новой *страны осуществления программ* Программы Развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) [...].

Еще большую трудность для перевода представляют политические термины-словосочетания. Как правило, они не фиксируются словарями, а, если некоторые из них и зафиксированы в них, то непонятно, на какую из лексем следует искать словарную статью. Так, например, словосочетание „*zivilgesellschaftliche Organisationen*“ могло бы быть представлено как в словарной статье на существительное „*Organisation*“, так и на прилагательные „*zivil*“ или „*gesellschaftlich*“, но ни в одной из них перевод данного словосочетания не был обнаружен. Уже закрепившееся в русском языке традиционное соответствие для данного словосочетания — «*организации гражданского форума*» — значительно расходится с его прямым поэлементным переводом.

Аналогичная ситуация имеет место с калькированием структуры русского терминологического словосочетания «*информационно-разъяснительные кампании*» — *,*informationell-informatatorische Aktionen*“. Данный буквальный поэлементный перевод абсолютно

не похож на существующий адекватный эквивалент в немецком языке: „*die Kampagnen zur Sensibilisierung der Öffentlichkeit*“.

Для некоторых терминологических словосочетаний в двуязычных словарях можно найти только описательный перевод. Например, лексему „*Gleichstellung*“ предлагается переводить в рамках словосочетания „*die Gleichstellung der Frau*“ как «*положение женщины наравне с мужчиной*». Очевидно, что в следующем отрывке из Резолюции ООН, в котором речь идет о новых программах в области защиты прав человека, аналогичная передача словосочетания „*Gleichstellung der Geschlechter*“ как «*положение полов наравне друг с другом*» невозможно:

[...] mit den einschlägigen politischen Konzepten und Programmen in den Bereichen Migration, Bildung, Beschäftigung, <i>Gleichstellung der Geschlechter</i> , <i>Ermächtigung der Frauen</i> und Verbrechensverhütung [...].	[...] с соответствующими стратегиями и программами в области миграции, образования, занятости, <i>гендерного равенства</i> , <i>расширения прав женщин</i> и предупреждения преступности [...].
--	---

Для лексемы „*Ermächtigung*“ в том же словаре вообще не приводится никаких вариантов, а единственное словарное соответствие — «*полномочие*» — в переводе словосочетания „*Ermächtigung der Frauen*“, как видно из приведенного примера, не фигурирует.

Проведенный анализ материала ставит перед теорией и практикой перевода, а также перед смежными дисциплинами анализ создания справочников по переводу терминологии, встречающейся в современном политическом дискурсе. Известно, специализированного немецко-русского словаря, охватывающего тематику международных отношений, не существует. Основу же многих современных двуязычных словарей, по мнению некоторых исследователей и авторитетных переводчиков, по-прежнему образуют источники времен «железного занавеса», когда международные контакты были на совершенно другом уровне и количество носителей языка, которых можно было привлечь к переводу, было ограничено, как и доступ ко многим аутентичным документам. Между тем, тезаурус международных организаций постоянно расширяется и обновляется, базы периодически пополняются новой терминологи-

ей, причем некоторые термины могут быть неполными и использоваться временно, пока они не будут окончательно утверждены на всех официальных языках соответствующих международных организаций.

В помощь переводчику многие организации предлагают собственные электронные глоссарии, большинство из которых, к сожалению, ориентированы только на английский язык. Среди таких электронных ресурсов можно назвать, например, глоссарии МОТ (<http://www.ilo.org/iloterm>) и ЮНЕСКО (<http://termweb.unesco.org>). Терминологическая база ООН осуществляет поиск по шести официальным языкам, включая русский.

Полезным ресурсом может стать онлайн-база данных Тезаурус ЮНБИС. Она содержит терминологию, используемую в качестве дескриптов при анализе документов, относящихся к деятельности и программам ООН. Тезаурус, как заявляют разработчики, является многоотраслевым и отражает широкий круг вопросов деятельности ООН.

Большую помощь в работе переводчика может оказать также сопоставительный анализ так называемых корпусов параллельных текстов. Под ними понимается совокупность документов, переведенных на два или более языков [ср.: 1: 32; 8]. Об их значимости А.Б. Кутузов пишет, например следующее: «Переводоведение получило в лице корпусной лингвистики прекрасный набор новых инструментов и методик, которые можно и нужно использовать для решения задач, связанных с изучением процесса перевода и подготовкой профессиональных переводчиков» [4: 24].

Возможность использования параллельных текстов и, как следствие, пополнения переводных словарей за их счет иллюстрирует и следующий пример:

Die <i>Mandatsträger</i> sollen den Staaten behilflich sein [...].	<i>Мандатарии</i> должны оказывать государствам помощь [...].
--	---

Термин «*мандатарий*», который, согласно толковому словарю русского языка, указывает на уполномоченного (лицо или государство), получившего мандат, в русско-немецком словаре имеет

единственно возможное соответствие — „*Mandatar*“. В действительности же данная лексема, как это видно из примера, может передаваться на немецкий язык и как „*Mandatsträger*“ (в словаре „*Duden*“: «*некто, кому был передан мандат*»).

Как показал проведенный анализ, терминологический аппарат современного политического дискурса, несомненно, заслуживает самого пристального внимания со стороны лингвистов разных направлений и нуждается в подробном и всестороннем изучении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беляева, Л.Н.* Теория и практика перевода: учеб. пособие. СПб.: Книжный дом, 2007.
2. *Комиссаров, В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для ин-тов и факт. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990.
3. *Комиссаров, В.Н.* Современное переводоведение: учеб. пособие. М.: ЭТС, 2002.
4. *Кутузов, А.Б.* Корпусные методики в переводоведении и преподавании перевода // Материалы международного научно-методического коллоквиума «Проблемы билингвизма в современном межкультурном дискурсе». Пермь: Изд-во ПГТУ, 2011. С. 368–373.
5. *Москальская, О.И.* Большой немецко-русский словарь в двух томах. М.: Русский язык, 1980.
6. *Нелюбин, Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта, 2003.
7. *Der große Duden* in 10 Bänden. Mannheim, 1974.
8. *Stede, M.* Korpusgestützte Textanalyse. Grundzüge der Ebenenorientierten Textlinguistik. Tübingen: Narr-Verlag, 2007.

REFERENCES

1. *Belayeva, L.N.* Teoria i praktika perevoda [Theory and Practice of Translation]. St. Petersburg: Knizhnyi dom, 2007 (in russia).
2. *Komissarov, V.N.* Teoria perevoda (lingvisticheskie aspekty) [Theory of Translation (linguistic Aspect)]. Moskva: Vysshaya, 1990 (in russia).
3. *Komissarov, V.N.* Sovremennoe perevodovedenie [Modern Theory of Translation]. Moskva: EST, 2002 (in russia).

4. *Kutuzov, A.B.* Korpusnye metodiki v perevodovedenii i prepodavanii pereвода [Corpus-based Methods in Translation Theory and Teaching] // Materialy mezhdunarodnogo nauchno-metodicheskogo kollokviuma „Problemy bilingvizma v sovremennom mezhkul'tonom diskurse“. Perm: Izd-vo PGTU, 2011. S. 368–373 (in russia).

5. *Moskalskaya, O.I.* Bolshoi nemetsko-russkiy slovar' [The Great German-Russian Dictionary]. Moskva: Russkiy yasyik, 1980 (in russia).

6. *Nelyubin, L.L.* Tolkoviy perevodovedcheskiy slovar' [The Translation Dictionary]. Moskva: Flinta, 2003 (in russia).

7. *Der große Duden* in 10 Bänden. Mannheim, 1974.

8. *Stede, M.* Korpusgestützte Textanalyse. Grundzüge der Ebenenorientierten Textlinguistik. Tübingen: Narr-Verlag, 2007.

Григорьева Любовь Николаевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ. Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Liubov N. Grigorieva

Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University.

Address: Universitetskaya emb., 7/9, St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: LNG@mail.wplus.net

А. В. БОЯРКИНА

Санкт-Петербургский государственный университет

О МУЗЫКАЛЬНЫХ ТЕРМИНАХ В ПИСЬМАХ В.А.МОЦАРТА: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Ключевые слова: немецкая музыкальная терминосистема, музыкальные термины XVIII века, профессионализмы, письма В.А. Моцарта.

В статье рассматриваются музыкальные термины в письмах В.А. Моцарта и возможности их перевода. Особое внимание уделяется разнородному составу немецкой музыкальной терминосистемы XVIII века, особенностям перевода профессионализмов.

A. V. BOYARKINA

St. Petersburg State University

ABOUT MUSICAL TERMS IN THE LETTERS OF MOZART: TRANSLATION PROBLEMS

Keywords: German terminological music, musical terms of the XVIII century, professional vocabulary, letters of Mozart.

The article deals with the musical terms that appear in the letters of W.A. Mozart and their translation possibilities. Particular attention is paid to the heterogeneous composition of German musical terminology of the XVIII century, the peculiarities of translating professional vocabulary.

Немецкая музыкальная терминология ко второй половине XVIII века, времени появления писем Вольфганга Амадея Моцарта, была уже вполне сформирована, благодаря музыкально-теоретическим трактатам, которые теперь издавались на немецком языке. К середине XVIII века базовая музыкальная терминосистема приобрела свои очертания, она включала в основном большое количество греческих и латинских заимствований (прямых и через языки-посредники итальянский и французский), а также заимствования из итальянского и французского языков.

В первых немецкоязычных трактатах, и такое положение сохранялось практически до конца XVIII века, все заимствованные термины

ны выделялись графостилистически: для этого вместо фразатуры, поздней разновидности готического письма, использовался шрифт антиква. В представленном ниже примере из трактата «Историческое описание благородного искусства пения и игры» [9: 7] Вольфганга Каспара Принца (1641–1717), автора первой немецкоязычной истории музыки, четко различимы музыкальные термины на немецком языке (Stimme, Stücke) и заимствования (Accente, Accenten, Varietät).

Любопытно, что в первых переводах на русский язык музыкально-теоретических и исполнительских трактатов наблюдались сходные процессы (например, в «Клавикордной школе» Г.С. Лёляйна в переводе Федора Габлица 1773 г. «Верном наставлении в сочинении Генерал-Баса» Давида Кельнера в переводе Николая Зубрилова 1791 г.; «Правилах гармонических и мелодических» Винченцо Манфредини в переводе Степана Дегтярева 1805 г.).

§. 4. Nothwendige Anreizungen seyn gewesen die Vernunft/die in die Höhe und Tiefe veränderliche Menschliche Stimme / und dann ein sonderbarer Trieb der Natur. Denn es ist gewiß / und kan von niemanden geläugnet werden / daß ohne diese drey Stücke die Music keines Weges hat können erfunden werden : Angesehen dieselbe erfordert eine in die Höhe und Tiefe veränderliche Menschliche Stimme / um eine annehmliche Varietät / ohne welche die Music nicht bestehen kan / zu erwecken ; Die Vernunft / um von der wahren Lieblichkeit des Schalles und der Zusammenstimmung zu urtheilen; und dann einen sonderbahren Trieb der Natur / das Unbekandte zu erfinden.

§. 5. Anleitende Anreizungen die Music zu erfinden/seyn gewesen 1. Die unterschiedliche Accente der menschlichen Stimme / 2. Der Vogel Singen / 3. Der von denen Winden bewegten Bäume Pfeiffen / 4. Die unterschiedliche Gemüths-Regungen der Menschen / 5. Der Müßiggang und 6. Die Begierde andere zu über treffen.

§. 6. Wir wollen zwar nicht für gewiß ausgeben ; Doch ist es wahrscheinlich / daß die Music ihren Ursprung habe von denen unterschiedlichen Accenten der menschlichen Stimme/welche das Gehör belustigen.

Благодаря немецкоязычным музыкальным словарям Й.Г. Вальтера [11], Барникеля [5], Й.Г. Зульцера [10] в XVIII веке была закреплена большая часть собственно немецких музыкальных терминов, а также заимствований, ассимилированных в разной степени.

В год рождения Вольфганга Амадея Моцарта (1756) у отца великого композитора, Леопольда Моцарта, вышел в свет трактат «*Опыт систематического обучения игре на скрипке*» (со второго издания трактат назывался «Основательной школой игры на скрипке» [7]). В этом трактате Леопольд Моцарт показал себя не только тонким музыкантом и талантливым педагогом, но и настоящим теоретиком, блестяще владеющим музыкальной терминосистемой на немецком языке. На протяжении долгого времени трактат пользовался большим успехом, выдержал множество переизданий и был переведен на несколько языков. Учитывая, что общим и музыкальным образованием Вольфганга Амадея Моцарта занимался сам Леопольд, можно не сомневаться, что Вольфганг не испытывал сложностей при освоении музыкальных терминов, что мы и наблюдаем в его письмах.

Вопреки ожиданиям, музыкальной терминологии в письмах Моцарта не так много, она представлена в письмах немецкими терминами и заимствованиями из итальянского, французского и латыни. По тематическому признаку ее можно объединить в несколько групп (предлагаемые избранные термины приводятся в оригинальной орфографии).

Музыкальные произведения и музыкальные формы⁹

Buffe (№ 342) [7], Cadenzen (№№ 423, 430, 638, 648, 722, 728, 770, 797, 799, 813, 824, 854, 860, 907), Capriccio (№ 466), Choraltöne (№ 343), Comoedie (№ 333) Divertimenti (№ 350), Duetto (№ 221), Duodrama (auch Monodrama) (№№ 504, 507, 508, 509), Duodrame — Monodrame (№ 510), finalmusic (№ 342), klavierauszug (№№ 715, 850, 892, 909), klavierfugen (№ 668), Musique (№ 342) — Musik — Musick, opera seria (№ 342), Rondeau (№ 342), Sinfonien (№ 376), Singspiel (№ 342), Sonate (№ 331).

⁹ Здесь и далее в скобках указывается номер письма по изданию Mozart W.A. Briefe und Aufzeichnungen [8]. Именно эта нумерация писем сохраняется во всех более поздних изданиях писем Моцарта на немецком языке и в переводах, та же нумерация писем сохраняется в цифровом издании писем и документов В.А. Моцарта, осуществленном фондом Моцартеум Зальцбург. <http://dme.mozarteum.at/DME/briefe/doclist.php> (дата обращения 1.02.2015).

Музыкальная деятельность и мероприятия

Accademie des amateurs (№№ 504, 506), Action-Ausführung-Production (№№ 306, 311, 350, 393, 457, 553, 562, 564, 793, 897, 947), Componieren (komponieren) (№№ 347, 419, 428, 431, 559, 573, 604, 612, 615, 663, 673, 715, 775), Concert (№ 793), Concert der Amateurs (Liebhaber Concert) (№№ 824, 936, 948), Concert des Amateurs (№№ 383, 444, 469, 686), Concert spirituel (№№ 383, 417, 431, 438, 440, 444, 447, 450, 453, 458, 462, 464, 469, 686), Dilettanten Concerts (№№ 673, 674, 675), dirigieren (tactieren) (№№ 227, 393, 482, 485, 487, 490, 705, 1130, 1188), Durchführung eines Konzerts (№380), Konzerte (более 400 упоминаний), Orgelspiel (№№ 352, 355, 370, 393, 396, 398, 416, 503, 766, 1094), Prima vista-Spiel (№№ 349, 352, 366, 398, 405, 416, 428), Probe (№№ 342, 348).

Музыкальные инструменты

Buttergeige (№ 1210), clarinetti (№№ 508, 509), Clavier (№№ 419, 429), Flöte (№ 423), Fortepiano pedale (№ 850).

Музыкальные профессии, амплу

Clavierist (№ 399), Comoediantin (№ 333), Compositeur (№ 333), Compositions-Scolaren (№№ 390, 449, 440, 450, 452, 457, 462, 471, 758), Concertmeister (№№ 480, 482, 491, 495), Copiatur (Copisten) (№№ 222, 223, 233, 249, 284, 350, 383, 430, 609, 702, 790, 956, 988), diskantist (№№ 348, 382), sängerin (№ 342).

Музыкальная артикуляция и приемы исполнения

Adagio (№ 331), affecten (№№ 422, 450, 569), applikatur (№№ 345, 405, 439), Cantabile singen, spielen (№№ 411, 419, 426, 453, 608), Decrescendo (№ 342), Expression (№№ 352, 353, 370, 373, 389, 405, 410, 411, 448, 470, 510, 557, 570, 838, 854, 907, 950, 1036), Tempo rubato (№№ 355, 1038), Triller (№ 342).

Учебная и научная литература

Compositionswissenschaft (№№ 353, 359, 389, 466, 478, 659), Contrapunctswissenschaft (№ 337).

Предлагаемый список моцартовских музыкальных терминов далеко не полный. Однако даже эти избранные термины вполне

отражают общую тенденцию развития немецкой музыкальной терминосистемы середины-конца XVIII века: вариантная форма фиксации некоторых терминов (орфографические различия), наличие параллельных форм (заимствование — немецкий термин; калька, полукалька), заимствования, не адаптировавшиеся к системе немецкого языка либо с низкой степенью ассимилированности (в основном из итальянского языка).

Встречающиеся термины, как правило, простые, родовые, могут являться членами словосочетаний, строящихся по типу существительное + существительное, существительное + прилагательное (Concert — Konzert: Concert der Amateurs, Liebhaber Concert, Concert spirituel, Dilettanten Concerts). Частотны термины-глаголы французского происхождения с суффиксом -ieren со значением действия, процесса (Componieren, komponieren, dirigieren, tactieren), а также макаронизмы — Comoediantin, Comoedie (лат. comoedia, нем. Komödie, фр. Comedie). В целом, заимствований в текстах писем оказывается значительно больше, чем собственно немецких терминов.

Однако несмотря на то, что в музыкальных терминах Моцарта вполне достаточно выражена контекстуальная независимость и стилистическая нейтральность и это позволяет переводчикам практически безошибочно справляться с текстом, в редких случаях в термин может проникать игра слов, и тогда, если обыгрываемый термин обнаруживается или, что хуже, не обнаруживается переводчиком, проблемы перевода возникают.

Обыгрывание музыкальных терминов у Моцарта появляется редко и только в письмах к отцу, а в поздний период, после смерти отца, — в письмах к друзьям-музыкантам. Иногда и Леопольд Моцарт позволяет себе вместо терминов использовать вульгарные профессионализмы. Например, в письме от 6 апреля 1778 г. (№ 444), негативно отзываясь о мангеймском композиторе Кристиане Каннабихе, который обманул, по мнению отца, Вольфганга Амадея. Леопольд называет его *ein so elender Syfonischmierer* (*дрянным композиторшишкой симфоний*):

NB du hattest ihm vorher deine *Pariser — Londoner, und Holländer Sonaten* gratis geben müssen, und er versprach dir dafür seine *Sinphonien* zu geben; Nahm aber das geld und reiset davon. Und glaubst du

wohl, daß ein so elender **Synfonischmierer** dich im Ernste neben seiner in diensten haben möchte? — da du noch oben drein jung und er schon alt ist? Ich glaubs nicht!

В данном случае профессиональная номинация выражена существительным, состоящим из двух компонентов (словосложение основ без интерфикса): существительное, термин **Synfoni** (симфония) + существительное, просторечие с пренебрежительным оттенком **Schmierer** (пачкун, мазила о художнике; писака о писателе; немецко-русский словарь И.Я. Павловского 1902 г. дает следующие значения: маральщик, пачкун, кропатель) в значении «композитор». Сочетание термина и просторечия дает необходимый профессиональное звучание и комический эффект, очень тонко характеризующее личность обсуждаемого персонажа — К. Каннабих, один из основателей мангеймской школы, повлиявший на симфоническое творчество В.А. Моцарта и его современников, был известен своими симфониями (около 90), однако не оказал поддержки Вольфгангу Амадею, на которую рассчитывал Леопольд, чем и вызвал такую негативную реакцию.

При рассмотрении редких случаев использования вульгарных профессионализмов в письмах Моцарта интересен следующий пример: в письме от 23–25 октября 1777 г. речь идет о посещении Моцартом Аугсбурга, где композитор импровизирует на органе фугу, тему для которой ему предлагают слушатели (№ 355):

... ich sagte, er möchte mir ein thema geben, er wollte nicht, aber einer aus den geistlichen gab mir eins. Ich führte es spazieren, und mitten darin, |: die fugue ging ex g minor: | fieng ich major an, und ganz was scherzhaftes, aber in nämlichen tempo, dann endlich wieder das thema, und aber **arschling**; endlich fiel mir ein, ob ich das scherzhafte wesen nicht auch zum thema der fugue brauchen könnte? — ich fragt nicht lang, sondern machte es gleich, und es gieng so accurat, als wenn es ihm der Daser angemessen hätte.

В этом отрывке необходимо обратить внимание на упомянутое Моцартом южно-немецкое и австрийское грубое просторечие **arschling**, означающее *наоборот* (варианты формы — **arschlings**, **ärschling**, **ärschlings**). Однако из контекста данного письма становится ясно, что композитор указывает на преобразование темы в

полифоническом произведении (а именно, в фуге), которое называется *ракоход* (*Krebs, Krebsgang* в современном музыковедении, *ein rückgängiger Contrapunct* — обозначение, принятое в немецкой музыкально-теоретической литературе середины XVIII века [6: 38]). Этот музыковедческий термин означает полифонический прием — исполнение темы в обратном движении, от последней ноты к первой, и Моцарт в данном отрывке письма к отцу, который как профессиональный музыкант вполне может оценить шутку, явно обыгрывает этот музыкальный термин.

Любопытно проследить, какие переводческие решения данного отрывка предлагают переводчики писем Моцарта (рассмотрим переводы в хронологическом порядке).

Перевод из «Новой биографии Моцарта» А.Д. Улыбышева был сделан в 1890 г. Модестом Чайковским (братом Петра Ильича Чайковского), литератором, критиком и переводчиком [4: 90] (здесь и далее примеры предлагаются в оригинальной пунктуации):

«... Я попросил дать мне тему. Один из монахов дал. Я начал развивать ее и среди фуги в *sol* минор начал играть что-то шутливое в мажоре, не изменяя движения; потом снова появилась тема, но уже **обращенная**. Наконец мне пришла в голову мысль, что можно совместить шутливую тему с первоначальной. Я недолго искал: все пригналось как будто сам Дазер снимал мерку».

При довольно точном переводе отрывка мы видим, что переводчик «почувствовал» за шутливым обыгрыванием *arschling* музыкальный термин. Однако вместо *ракохода* предлагается другой музыкальный термин — *обращение*, также полифонический прием, при котором тема исполняется не в обратном направлении от последней ноты к первой, а в зеркальном отображении относительно какого-либо звука (например, все интервалы наверх исполняются вниз, поступенное движение вниз исполняется наверх). Не переданы также экспрессивность и сниженность лексики.

Перевод 1900 г. выполнен музыкальным критиком и музыковедом В.Д. Коргановым [1: 107]:

«Я просил задать мне тему; он отказался, но другой господин (тоже духовное лицо) предложил ее мне. Я стал развивать и в самой середине (фуга была в *sol mineur*) перешел в *sol majeur* и начал

очень веселый мотив, хотя в том же размере; затем вернулся к теме, но в **обратном виде**. Под конец мне пришла идея взять для темы фуги веселый мотив. Не долго думая, я приступил; все было так гладко, как платью Дазера (портной)».

В данном переводе теряется не только экспрессивность и сниженность, имеющиеся в тексте Моцарта, за описанием термина общеупотребительной лексикой (**в обратном виде**) трудно понять, что Моцарт имеет в виду определенный полифонический прием и полностью теряется особый акцент, который Моцарт хотел бы сделать в предложении. В этом отрывке также бросается в глаза своеобразное оформление упоминаемых тональностей (на французском языке *sol mineur, sol majeur*), что наталкивает на мысль, что В.Д. Корганов переводил фрагменты писем для своей книги с французского перевода писем Моцарта, однако подтверждения этой гипотезы нет.

Следующий перевод был осуществлен нашими современниками, группой московских переводчиков в 2000 г. [2: 59]:

«Я попросил его заказать мне тему. Он отказался, тогда один из духовных дал мне тему. Я повел ее погулять и в середине (фуга шла *ex g minor*) начал в мажоре, совсем весело, но в соответствующем темпе. Потом, наконец, снова тему, но **страшно длинно**. Наконец, мне пришло в голову, почему бы мне не взять что-нибудь веселое для темы фуги? Я раздумывал недолго, я сразу так и сделал, и это вышло так хорошо, будто мерку снимал сам Дазер».

В данном переводе *arschling*, вероятно, трактуется как грубое просторечие, однако именно просторечие переводчики заменяют на общеупотребительную лексику, снимая всю экспрессию оригинала, а ракоходное проведение темы превращается в абсолютно бессмысленное «*страшно длинно*».

Перевод 2006 года, переводчик Ирина Алексеева [3: 73–74]:

«... я сказал, чтобы он соблаговолил задать мне тему, он не захотел, но кто-то из духовных лиц дал мне тему. Я повел ее прогуляться, и посреди фуги /: она шла в *g-moll*:/ я вдруг начал в мажоре, и нечто совершенно шутовское, но в том же темпе, а затем наконец снова заиграл тему, но **задом наперед**; в конце концов, мне пришло в голову, а не смогу ли я эту шутовскую использовать для темы

фуги? — я недолго задавал себе этот вопрос, а тут же так и сделал, и вышло все так аккуратно, будто мерку снимал сам Дазер».

В данном переводе сохранена шутливость, эмоциональная окрашенность, музыкальный термин в переводе не используется, но правильно передается его смысл. Просторечие воспринимается как профессиональный жаргонизм, и по значению переводная фраза полностью соответствует оригиналу.

Несмотря на орфографические варианты записи терминов и большое количество заимствований (что образует определенную «многослойность», «многоязычие» лексического состава текста), перевод музыкальных терминов в письмах В.А. Моцарта не вызывает особых затруднений, так как переводчики разных эпох (середины-конца XIX века, начала XX века и наши современники) имеют в своем арсенале уже сформировавшиеся и закреплённые в словарях однозначные соответствия.

Переводческие проблемы возникают лишь в тех случаях, когда в текстах писем Моцарта встречаются профессиональные жаргонизмы (особенно вульгарные профессионализмы), являющиеся неофициальными аналогами терминов. Они косвенно, контекстуально указывают на термин, но не всегда распознаются и соответствующим образом трактуются переводчиком. Именно в этом случае требуется *особый творческий подход* и, вероятно, консультация специалиста в данной области для того, чтобы всю дополнительную экспрессию, оценочность, часто сниженность и одновременно терминологическое значение лексической единицы передать в переводе в полном объеме.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Корганов, В.Д.* Моцарт. Биографический очерк. СПб.; М.: Т-во М.О. Вольф, 1900.
2. *Моцарт, В.А.* Письма. М.: Аграф, 2000.
3. *Моцарт, В.А.* Полное собрание писем. М.: Международные отношения, 2006.
4. *Улыбышев, А.Д.* Новая биография Моцарта. Т. 1. М.: П. Юргенсон, 1890.

5. *Barnickel, G.* Kurtzgefasstes musicalisches Lexicon. Chemnitz: J. Christoph, 1749.
6. *Marpurg, F.W.* Abhandlung von der Fuge. Bd. II. Berlin: A. Haube, J.E. Spener, 1753.
7. *Mozart, L.* Versuch einer gründlichen Violinschule. Augsburg: J.J. Lotter, 1756.
8. *Mozart, W.A.* Briefe und Aufzeichnungen. Gesamtausgabe / Hrsg. v. der Internationalen Stiftung Mozarteum Salzburg, gesamm. v. W.A. Bauer, O.E. Deutsch. Bd. 1–7. Kassel: Int. Stiftung Mozarteum, 1962–1975.
9. *Printz, W.C.* Historische Beschreibung der Edelen Sing-und Kling-Kunst. Dresden: J. Ch. Mieth, 1690.
10. *Sulzer, J.G.* Allgemeine Theorie der Schönen Künste in einzeln, nach alphabetischer Ordnung der Kunstwörter auf einander folgenden Artikeln abgehandelt. Leipzig: in der Weidmannschen Buchhandlung. 1771–1774.
11. *Walther, J.G.* Musicalisches Lexicon oder Musicalische Bibliothec. Leipzig: Wolfgang Deer, 1732.

REFERENCES

1. *Korganov, V.D.* Mozart. Biograficheskii ocherk [Biographical sketch]. SPb., Moskva.: tovarischestvo M.O. Wolf, 1900 (in russia).
2. *Mozart, W.A.* Pisma [Letters]. Moskva: Agraf, 2000 (in russia).
3. *Mozart, W.A.* Polnoe sobranie pisem [Complete collection of letters]. Moskva: Mezhdunarodniye otnosheniya, 2006 (in russia).
4. *Ulybyshev, A.D.* Novaya biografija Mozarta [A new biography of Mozart]. T. 1. Moskva: P. Jurgenson, 1890 (in russia).
5. *Barnickel, G.* Kurtzgefasstes musicalisches Lexicon. Chemnitz: J. Christoph, 1749.
6. *Marpurg, F.W.* Abhandlung von der Fuge. Bd. II. Berlin: A. Haube und J.E. Spener, 1754.
7. *Mozart, L.* Gründliche Violinschule. 3. Aufl. Augsburg: J.J. Lotter, 1787.
8. *Mozart, W.A.* Briefe und Aufzeichnungen. Gesamtausgabe / Hrsg. von der Internationalen Stiftung Mozarteum Salzburg, gesamm v. W.A. Bauer, O.E. Deutsch. Bd. 1–7. Kassel: Int. Stiftung Mozarteum, 1962–1975.

9. *Printz, W.C.* Historische Beschreibung der Edelen Sing-und Kling-Kunst. Dresden: J. Ch. Mieth, 1690.

10. *Sulzer, J.G.* Allgemeine Theorie der Schönen Künste in einzeln, nach alphabetischer Ordnung der Kunstwörter auf einander folgenden Artikeln abgehandelt. Leipzig: Weidmannsche Buchhandlung, 1771–1774.

11. *Walther, J.G.* Musicalisches Lexicon oder Musicalische Bibliothec. Leipzig: Wolfgang Deer, 1732.

Бояркина Альбина Витальевна

Доцент кафедры иностранных языков для факультета искусств СПбГУ.

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Albina V. Boyarkina

Associate Professor of Department of Foreign Languages Faculty of Arts, St. Petersburg State University.

Address: 7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: al.bojarkina@mail.ru

ПОНЯТИЯ «СВОЙ/ЧУЖОЙ» В СИСТЕМЕ КООРДИНАТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ключевые слова: свой/чужой, межкультурная коммуникация, адаптация, аккультурация, ингруппа, аутгруппа

В статье рассматриваются различные интерпретации дихотомии свой/чужой в русской и немецкой терминологии. При безусловной bipolarности этой оппозиции имеются различные взгляды на наполнение полюсов: свой, родной, с одной стороны, и чужой, иной, иностранный, с другой. Автор статьи прослеживает различные уровни инаковости, чужеродности и связанную с этим понятийную группу ингруппа / аутгруппа.

При взаимодействии собственной и чужой культур возникают ситуации наложения культур, которые могут проявлять различную динамику: доминирование собственной культуры над чужой; ассимиляция культур; концепция дивергентности; ситуация синтеза. Культурная адаптация, или аккультурация понимается как процесс и результат влияния разных культур друг на друга, при котором все или часть представителей одной культуры перенимают нормы, ценности и традиции другой культуры, и который предполагает различные стратегии: ассимиляция, сепарация, маргинализация и интеграция.

L. F. BIRR-TSURKAN

St. Petersburg State University

CONCEPTS OF OWN VS. FOREIGN IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

Keywords: own vs. foreign, intercultural communication, adaptation, acculturation, in-group, out-group.

This paper discusses different interpretations of the own vs. foreign dichotomy in Russian and German terminology. Given an unconditional bipolarity of this opposition, different approaches exist in interpreting these two opposites, i.e. own/familiar/of one's own kind on the one hand and for-

eigen/stange/alien, on the other. The author analyzes different degrees of stangeness/foreignness and resulting conceptual in- and out-groups.

When one's own culture interacts with a different one, a cultural overlapping arises that might manifest itself in a number of ways, e.g. dominance of own culture over the foreign one, cultural assimilation, divergence or synthesis. Cultural adaptation, or acculturation is interpreted as a process and a result of cultural interaction whereby all or some representatives of one culture adopt norms, values and traditions of another. Acculturation implies different strategies: assimilation, separation, marginalization and integration.

Важными понятиями в системе координат межкультурной коммуникации являются понятия «свой/чужой». Восприятие чужого (в немецкой терминологии — Fremdwahrnehmung) противопоставляется восприятию своего (Selbstwahrnehmung). В результате восприятия своего/чужого формируется образ своего/образ чужого (Selbstbild/Fremdbild). Свой образ означает представления о собственной персоне, этим образом мы руководствуемся в своих действиях. Образ чужого включает в себя представления о человеке с позиций другого лица, а тем самым находится в непосредственной зависимости от опыта, установок и стереотипов этого другого лица. Образ чужого является одним из центральных понятий межкультурной коммуникации.

В.Е. Болдырев справедливо отмечает проблему научного анализа оппозиции свой/чужой, заключающуюся в том, что «до настоящего времени не сформулировано научного определения этих понятий» [9: 88].

Русская терминология оперирует в основном дихотомией свой/чужой, которая соответствует немецкой оппозиции «eigen/fremd».

Словарь Duden дает следующее определение слова «eigen»: «jemandem selbst gehörend, einer Sache zugehörend (oft nur verstärkend beim Possessivpronomen oder an dessen Stelle)». Слово «fremd» определяется как: «1) nicht dem eigenen Land oder Volk gehörend, eine andere Herkunft aufweisend, 2) einem anderen gehörend, einen anderen, nicht eigene Person, den eigenen Besitz betreffend, 3) a) unbekannt, nicht vertraut b) ungewohnt, nicht zu der Vorstellung, die jemand von jemandem, etwas hat, passend, anders geartet» [2].

В качестве синонимов приводятся «ausländisch, auswertig, fremdländisch; unbekannt, unvertraut; andere, andersartig, ungewöhnlich».

Толковый словарь русского языка определяет слово «чужой» как «1) не свой, не собственный, принадлежащий другим, 2) не родной, не из своей семьи, посторонний, 3) далекий по духу, по взглядам» [12: 877].

Таким образом, чужой противопоставляется понятию свой, но проявляет разные аспекты значения, которые довольно сложно разграничить. Об этой сложности говорит Герхард Малецке в своей книге «Interkulturelle Kommunikation. Zur Interaktion zwischen Menschen verschiedener Kulturen» (1996) [3]. Он предлагает рассматривать несколько уровней «чужого»:

- чужое как иностранное (das Auswärtige, Ausländische), т. е. нечто, находящееся территориально за пределами какой-то разграничивающей линии;
- чужое как инородное (etwas Fremdartiges), отчасти и в смысле аномального, неприемлемого, неподходящего;
- чужое как незнакомое (das noch Unbekannte) связано с возможностью познания;
- чужое как непостижимое (das letztlich Unerkennbare) предполагает нечто, находящееся за пределами воспринимаемого нами (das für den Sinnbezirk transzendente Außen). В отличие от предыдущего уровня, этот уровень принципиально исключает возможность познания;
- чужое как жуткое (das Unheimliche) противопоставляется защищённости (Geborgenheit). Граница между внутренним и внешним (Innen und Außen) становится расплывчатой, когда родное (das Heimische) становится жутким, тревожным, зловещим (unheimlich) [3: 30].

Тео Зундермайер предлагает различать два уровня:

1) Чужое, понимаемое как «инаковость» (Fremdartigkeit) на уровне эмоций. Это чужое «описывает спонтанную, нерелективную реакцию на встречу с людьми, не относящимися к «собственному миру» (eigene Lebenswelt). «Чужой» является относительным понятием. Другое лицо для меня чужое по сравнению со знакомым мне... Инаковость, воспринимаемую глазами, носом,

ушами, нельзя путать с отчуждением (Befremden), причиной которому является болезненное состояние, разница в возрасте или необычное социальное поведение. В этом случае инаковость сравнивается с плащом, накидываемым на все еще знакомое и родное» [5: 28].

2) Второй уровень понятия «чужой» касается чужого миропорядка. «Чужой порядок демонстрирует, что феномен чужеродности, инаковости намного шире, чем просто индивидуально и субъективно определяемая внешняя сторона. Это основополагающее различие, определяющее весь образ жизни и совсем не совместимо или совместимо только отчасти с привычным образом жизни. Образ жизни, или, скажем, культура, подразумевают комплекс человеческих достижений, которые определяют жизнь некой группы людей: язык, религиозные, общественные и политические образования, эстетическую эмоциональность, а также отношение к миру и окружению» [5: 29].

Именно этот второй уровень является наиболее релевантным в ситуации межкультурного общения. Тео Зундермайер справедливо отмечает, что и культурная инаковость, чужеродность (kulturelle Fremdheit) понимается относительно, потому что мерилom этой инаковости выступает собственная культура, именно в ее координатах происходит оценка чужой культуры [5: 29].

Согласно Ингеборг Брайш, понятие «чужой» (fremd) свидетельствует о том, что все до сих пор имеющиеся опыты общения с людьми не работают при контакте с данными конкретными лицами или группами лиц. При этом И. Брайш отмечает, что чужой не всегда есть чужеродный. Инаковость, чужеродность (Andersartigkeit) лишь тогда совпадает с чуждостью (Fremdheit), когда она не существует как возможная, уже принятая группой альтернатива [1: 22].

И. Брайш выделяет три формы чуждости, инаковости:

1) внутренняя чуждость (Binnenfremdheit, interne Fremde). Сюда исследователь относит людей или группы людей, которые неизвестны лицу в своем сообществе. Кроме того, из числа своего сообщества могут быть исключены и стать чужими те его представители, которые не принимают существующие правила поведения;

2) структурная или внешняя чуждость (strukturelle Fremdheit, externe Fremde). Здесь чужие находятся за пределами собственной, своей сферы (Eigensphäre), но настолько, что их «инаковость может

быть воспринята, инаковость, которая выражается непосредственно в языке или обыденном поведении или опосредованно в нормах и ценностях»;

3) радикальная чуждость (*radikale Fremdheit*). Эта чужеродность касается воображаемых, мнимых существ, которые не существуют (или уже не существуют) или с которыми еще никто не встречался. При этом И. Брайш отмечает, что инаковость, непринадлежность к группе, наблюдается и констатируется как со стороны своих, так и со стороны чужих. Мы-группа (*Wir-Gruppe*) артикулирует и утверждает свою идентификацию своим образом цивилизации и культуры (*Zivilisations- und Kulturmuster*), которые хранятся в коллективной и культурной памяти группы. Исходя из этого, группа распознает и оценивает определенные признаки как чужие, чужеродные, не вписывающиеся в свой миропорядок [1: 23].

К.С. Илиополова в своей диссертации на тему «Противоречие «Свой–Чужой» в социокультурной коммуникации» приходит к выводу, что «оппозиция Своего–Чужого имеет древнее происхождение. Культурогенез в целом или возникновение новой культурной группы в рамках некоторого сообщества выступает как процесс уяснения того, что является Своим в окружающем мире, чему надо следовать, что является основой существования. Вместе с тем определение культурой Себя осуществляется в значительной степени через противопоставление Чужому миру» [10: 141]. Автор диссертации рассматривает данную оппозицию как бинарную, при этом «бинарность Своего–Чужого рассматривается в диссертации как конкретизация таких смысловых структур, как Я–Другое, Мы–Они–Вы, Я–Ты–Оно» [10: 5].

В.Е. Болдырев говорит о возможности оппозиции «свой/другой»: в межкультурном взаимодействии имеют место две оппозиции: «свой–чужой» и «свой–другой». При этом только последняя из них исключает саму возможность возникновения конфликта, поэтому диалог культур как желаемая форма взаимоотношений возможен только на основании восприятия незнакомого как «другого», но не как «чужого» [9: 89].

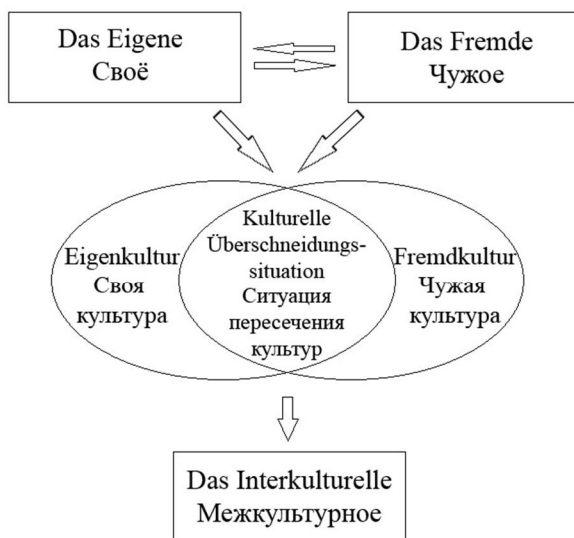
Наиболее обоснованным представляется взгляд С.Г. Тер-Минасовой. Оппозиция в ее описании по-прежнему бинарна, но один полюс образуют понятия «свой, родной», а другой — «чужой, иной, иностранный» [13: 24].

Вопрос об отношении понятий «чужой/иностранный» (fremd/ausländisch) не находит однозначного решения. Как свидетельствуют приведенные выше толкования, понятие «чужой» шире, чем только «иностранный». Однако разница не ограничивается этим: даже когда предполагается именно данный ракурс — чужой как иностранный, т. е. представитель иной культуры — можно отметить определенные различия. По мнению некоторых авторов (например Харальд Вайнрих), слово «иностранный» в русском языке звучит нейтральнее и позитивнее, чем слово «чужой», которое, как правило, имеет негативный привкус. В русском языке со словом «иностранец» ассоциируются, в первую очередь, европейцы или американцы. Когда мы говорим о китайцах, вьетнамцах, корейцах, мы, вероятнее всего, назовем их конкретную национальную принадлежность. В немецком же языке, негативную коннотацию содержит, скорее, слово «Ausländer». По свидетельству опрошенных немцев, они назовут представителей европейских государств конкретно «Franzose, Engländer, Schwede» и т. д. [8: 15].

Разграничение понятий «свой/чужой» (eigen/fremd) заставляет нас говорить, как минимум, о бикультурной ситуации, которая приводит, в свою очередь, к понятийной паре «ingroup/outgroup», закрепившейся в русской терминологии именно в такой, англоязычной, огласовке, как «ингруппа» и «аутгруппа». Эти понятия были введены в 1906 г. одним из американских основоположников социологии Уильямом Грэмом Самнером (William G. Sumner). Под ингруппой понимается социальная группа, к которой принадлежит конкретный индивид, а под аутгруппой — социальные группы, к которым конкретный индивид не принадлежит. Граница между «внутри» и «снаружи» не является постоянной и неизменной. Границы групп могут варьироваться от небольшой социальной группы, такой как семья, до крупной — народность, нация.

Столь же относительным, как границы группы, является и понятие «чужой». Пожалуй, лучше всего эта относительность показана в часто цитируемом скетче знаменитого немецкого юмориста Карла Валентина «Die Fremde» (Чужбина). Не будем приводить его здесь полностью, ограничимся лишь сентенцией «Fremd ist der Fremde nur in der Fremde» («Чужим чужой бывает лишь на чужбине»).

Александр Томас в главе «Das Eigene, das Fremde, das Interkulturelle» книги «Handbuch Interkulturelle Kommunikation» предлагает следующую схему взаимодействия Своего и Чужого: при взаимодействии собственной и чужой культур возникают ситуации наложения культур, в которых встречается Свое и Чужое, при переработке которых может возникнуть межкультурное [6: 46].

В качестве примера такого наложения культур А. Томас приводит ситуацию общения американского менеджера и греческого служащего, которую он позаимствовал в статье V. Vassiliu «A comparative analyses of subjective culture», изданной в сборнике под редакцией Н.С. Triandis «The analyses of subjective culture». (Полный текст данной статьи доступен в сети интернет по адресу: <http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/663889.pdf>) Привожу этот диалог в переводе на русский язык [6: 45].

<p>Американец: Сколько времени тебе потребуется на составление этого отчета?</p>	<p>Американец: Я прошу его активно участвовать в планировании работы.</p>
--	---

Грек: Я не знаю. А сколько надо?	Грек: Он ведет себя странно. Он ведь шеф! Почему он не скажет мне конкретно? Американец: Он уходит от ответственности. Грек: Я попросил его дать мне указание.
Американец: Тебе же самому лучше судить, сколько времени тебе на это нужно.	Американец: Я заставляю его взять на себя ответственность за свои действия. Грек: Что за глупость! Уж лучше я ему отвечу что-нибудь.
Грек: 10 дней	Американец: Он не способен правильно оценить необходимое время; этот срок нереален.
Американец: Лучше 15. Ты готов сделать отчет за 15 дней?	Американец: Я предлагаю ему соглашение. Грек: Это приказ, 15 дней.
	На самом деле на такой отчет требуется минимум 30 нормальных рабочих дней. В результате грек работает днем и ночью, но на 15-ый день понимает, что ему не хватило еще одного дня.
Американец: Где отчет?	Американец: Я хочу убедиться, что он помнит о нашей договоренности. Грек: Он хочет видеть отчет.
Грек: Завтра будет готов.	Оба понимают, что отчет не готов.
Американец: Но ведь мы договорились на 15 дней.	Американец: Я должен научить его соблюдать договоренности. Грек: Этот тупой, некомпетентный шеф! Не только дает неверные указания, а еще и не понимает, что я 30-дневную работу сделал за 16 дней.
Грек подает заявление об увольнении.	Американец обескуражен. Грек: Я не могу работать на такого человека.

Таких примеров можно привести множество. При этом чужой в подобной ситуации может оказаться любая из сторон. Если место действия рассмотренного примера — Америка, и греческий служащий является иммигрантом, то чужим оказывается именно он. Если же это происходит в Греции и в роли мигранта выступает американский руководитель фирмы, привлекающий к работе в своем филиале местных греков, то за ним же закрепляется и роль чужого.

Ситуация наложения культур может проявлять различную динамику: доминирование собственной культуры над чужой; ассимиляция культур, когда чужеродные элементы с готовностью заимствуются и интегрируются в собственную культуру; концепция дивергентности, когда нормы и ценности обеих культур оцениваются как значимые и важные, но не могут быть интегрированы, а, в результате возникают постоянные противоречия; ситуация синтеза, когда партнерам удается объединить значимые элементы обеих культур в новом качестве.

Если иметь в виду ситуацию иностранца в чужой стране, то он, будучи чужим, вынужден приспособливаться к новому, чужому для него окружению, принимая соответствующие правила поведения. Для обозначения этого процесса, как правило, пользуются понятием культурной (или социокультурной) адаптации или аккультурации. В немецкой специальной литературе для того же процесса используются такие термины, как *Einkulturation*, *Akkulturation*, *Assimilation*, *interkulturelles Lernen*, *Anpassung*.

Понятие аккультурации было введено в научный обиход немецким этнологом В. Крикенбергом в книге 1910 г. «*Illustrierte Völkerkunde*» в контексте культурного взаимодействия между племенами Южной Америки. В 1932 г. Рихард Турнвальд впервые употребил данный термин (*acculturation*) в названии своей научной работы [7: 136]. Также в 30-е годы Р. Редфилд, Р. Линтон и М. Херсковиц разработали типовую модель исследования аккультурации, разграничив испытуемых на реципиентов и доноров и выделив три основных типа реакции группы-реципиента в ситуации культурного контакта: принятие (полное замещение старой культурной модели новой, заимствованной у группы-донора), адаптация (частичное изменение своей культурной модели под воздействием донорской) и реакция (полное отторжение донорской культурной модели, со-

проводящееся усилиями по сохранению традиционной модели в неизменном состоянии) [4: 149–152].

В современной науке термин аккультурация обозначает «процесс и результат влияния разных культур друг на друга, при котором все или часть представителей одной культуры перенимают нормы, ценности и традиции другой культуры» [14: 60]. Г. Малецке понимает под этим «процесс обучения и преодоления проблем, возникающих в результате столкновения с чужой культурой» [3: 160].

Ученые выделяют четыре основные стратегии аккультурации: ассимиляция (человек полностью принимает нормы и ценности иной культуры, отказываясь при этом от норм и ценностей своей культуры); сепарация (отрицание чужой культуры при сохранении принадлежности к своей культуре); маргинализация (при этой стратегии человек теряет идентичность с собственной культурой и одновременно не проявляет заинтересованности в получении новой культурной принадлежности); интеграция (идентификация как со старой, так и с новой культурой) [14: 60].

В.Б. Кашкин справедливо отмечает, что „маркеры «своего» и «чужого» не являются раз и навсегда установленными, они проявляют территориальную, индивидуальную и историческую неоднородность“, при этом «межкультурные посредники более толерантны в отношении негативных коннотаций, зачастую вовсе их отрицают, у них вырабатывается осознанный метакоммуникативный взгляд. Таким образом, этнолингвистическую компетенцию можно воспитывать» [11: 229].

Если в завершение данных размышлений на тему «свой/чужой» в ситуации межкультурного общения мы вновь обратимся к уже упомянутому скетчу Карла Валентина, то найдем в нем такие слова: «человек остается чужим, только пока не узнает и не увидит все, потому что потом для него уже все перестает быть чужим» (*der Mensch ist «nur so lange ein Fremder, bis er alles kennt und gesehen hat, denn dann ist ihm nichts mehr fremd»*). Безусловно, это упрощенный и весьма схематичный рецепт, но в основе своей он правильный — преодоление незнания других культур, работа над ростом собственной межкультурной компетентности есть единственно верный способ преодоления непонимания в ситуации межкультурного общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Braisch, I.* Eigenbild und Fremdverständnis im Duecento: Saba Malaspina und Salimbene da Parma. Teil I. Frankfurt a.M.; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Peter Lang, 2010.
2. *Duden.* Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. 4. Aufl. (URL: <http://www.duden.de/rechtschreibung/fremd> (дата обращения: 27.01.2015)).
3. *Maletzke, G.* Interkulturelle Kommunikation. Zur Interaktion zwischen Menschen verschiedener Kulturen. Opladen: Westdeutscher Verlag GmbH, 1996.
4. *Redfield, R., Linton, R., Herskovits, M.J.* Memorandum for the Study of Acculturation // *American Anthropologist.* 1936. Vol. 38, N 1. P. 149–152
5. *Sundermeier, T.* Die Begegnung mit dem Fremden. Plädoyer für eine Hermeneutik des Vertrauens // *Die Begegnung mit Fremden und das Geschichtsbewusstsein* / Hrsg. J. Becker, B. Braun. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2012. S. 27–40.
6. *Thomas, A., Kinast, E.-U., Schroll-Machl, S.* Handbuch Interkulturelle Kommunikation und Kooperation. Bd. 1: Grundlagen und Praxisfelder. Bd. 2: Länder, Kulturen und interkulturelle Berufstätigkeit / Hrsg. A. Thomas, E.-U. Kinast, S. Schroll-Machl. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005.
7. *Thurnwald, R.* The Psychology of Acculturation // *American Anthropologist.* XXXIV. 1932. P. 557–569 = Thurnwald R. The Psychology of Acculturation // *Grundfragen menschlicher Gesellung. Ausgewählte Schriften von R. Thurnwald* / Hrsg. H. Thurnwald. Berlin, 1957. S. 136–148.
8. *Weinrich, H.* Wege der Sprachkultur. Stuttgart: DeutscheVerlags-Anstalt, 1985.
9. *Болдырев, В.Е.* Введение в теорию межкультурной коммуникации: курс лекций. М.: Русский язык. Курсы, 2010.
10. *Илиополова, К.С.* Противоречие „Свой–Чужой“ в социокультурной коммуникации: Дис. ... канд. филол. наук по специальности 09.00.11. Ростов н/Д., 2010. 148 с. (URL: <http://www.dissercat.com/content/protivorechie-svoi-chuzhoi-v-sotsiokulturnoi-kommunikatsii#ixzz-3PqLFWILZ> (дата обращения: 27.01.2015)).
11. *Кашкин, В.Б.* Парадоксы границы в языке и коммуникации. Сер. Аспекты языка и коммуникации. Вып. 5. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2010.

12. *Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: АЗЪ, 1995.

13. *Тер-Минасова, С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Изд-во МГУ, 2008.

14. *Фрик, Т.Б.* Основы теории межкультурной коммуникации. Томск: Изд-во Томск. политех. ун-та, 2013.

REFERENCES

1. *Braisch, I.* Eigenbild und Fremdverständnis im Duecento: Saba Malaspina und Salimbene da Parma. Teil I. Frankfurt a.M.; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Peter Lang, 2010.

2. *Duden.* Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. 4. Aufl. (URL: <http://www.duden.de/rechtschreibung/fremd> (date of access: 27.01.2015).

3. *Maletzke, G.* Interkulturelle Kommunikation. Zur Interaktion zwischen Menschen verschiedener Kulturen. Opladen: Westdeutscher Verlag GmbH, 1996.

4. *Redfield, R., Linton, R., Herskovits, M.J.* Memorandum for the Study of Acculturation // *American Anthropologist*, 1936. Vol. 38, N 1. P. 149–152.

5. *Sundermeier, T.* Die Begegnung mit dem Fremden. Plädoyer für eine Hermeneutik des Vertrauens // *Die Begegnung mit Fremden und das Geschichts bewusstsein* / Hrsg. J. Becker, B. Braun. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2012. S. 27–40.

6. *Thomas, A., Kinast, E.-U., Schroll-Machl, S.* Handbuch Interkulturelle Kommunikation und Kooperation. Bd. 1: Grundlagen und Praxisfelder. Bd. 2: Länder, Kulturen und interkulturelle Berufstätigkeit / Hrsg. A. Thomas, E.-U. Kinast, S. Schroll-Machl. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005.

7. *Thurnwald, R.* The Psychology of Acculturation // *American Anthropologist*, XXXIV. 1932. P. 557–569 = Thurnwald R. The Psychology of Acculturation // *Grundfragen menschlicher Gesellung. Ausgewählte Schriften von R. Thurnwald* / Hrsg. H. Thurnwald. Berlin, 1957.

8. *Weinrich, H.* Wege der Sprachkultur. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1985.

9. *Boldyrev, V.E.* Vvedenie v teoriyu mezhkulturnoi kommunikatsii [Theory of intercultural communication: introduction]. Kurs lektsii. Moskva: Russkij jazyk. Kursy, 2010 (in russia).

10. *Iliopolova, K.S.* Protivorechie „svoj–chuzhoj“ v sotsiokulturnoj kommunikatsii. [The 'own–alien' opposition in sociocultural communication]. Avtorev. Diss. kand. nauk 09.00.11. Rostov-na-Donu, 2010. (URL: <http://www.dissercat.com/content/protivorechie-svoi-chuzhoi-v-sotsiokulturnoi-kommunikatsii#ixzz3PqLFWILZ> (date of access: 27.01.-2015) (in russia).

11. *Kashkin, V.B.* Paradoksy granitsy v jazyke i kommunikatsii [Paradox of borders in language and communication]. Seria „Aspekty jazyka i kommunikatsii“ // Issue 5. Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, 2010 (in russia).

12. *Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Ju.* Tolkovyj slovar russkogo jazyka: 8000 slov u fraseologicheskikh vyrazhenij [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 words and phrases]. Moskva: AZ, 1995 (in russia).

13. *Ter-Minasova, S.G.* Jazyk I mezhkulturnaya kommunikatsiya. [Language and intercultural communication]. Moskva: MGU, 2008 (in russia).

14. *Frick, T.B.* Osnovy teorii mezhkulturnoj kommunikatsii. [Foundations of the intercultural communication theory]. Tomsk: Izd-vo Tomsk. politech. un-ta, 2013 (in russia).

Бирр-Цуркан Лилия Федоровна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ. Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Lilia F. Birr-Tsurkan

Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University.

Address: 7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: LiljaTs@mail.ru

III. СТРАНОВЕДЧЕСКИЙ И ДИДАКТИЧЕСКИЙ POST SCRIPTUM

УДК 811.112.2'25

Н. Д. ИМЕРЕТИНСКАЯ

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ПЕРЕВОДЧИКУ В СОВРЕМЕННОМ ДЕЛОВОМ МИРЕ

Ключевые слова: Переводческие компетенции, практические навыки переводчика, техническая компетенция, CAT Tools.

В статье очерчен круг основных требований, практических навыков и умений, предъявляемых в современном деловом мире к письменному переводчику. Особое внимание уделяется технической компетенции, без которой невозможно стать конкурентоспособным специалистом, а именно, владению специальным программным обеспечением, обозначаемого термином Computer Aided Translation Tools, слепым методом печати, скорописью.

N. D. IMERETINSKAYA

St. Petersburg State University

PROFESSIONALLY RELEVANT TRANSLATION COMPETENCE IN MODERN BUSINESS WORLD

Key words: Translation competences for professional translators, practical skills of an translator, technological competence, CAT Tools.

In the article the main practical requirements are defined imposed to translators in the modern business world. Practical skills and abilities are described which a translator should possess to be competitive, such as technological competence, which involves use of Computer Aided Translation Tools, touch typing, etc.

Выступая в Москве на встрече с Союзом ректоров России 30 октября 2014 г., Владимир Путин отметил, что задача высшего образования — учить так, «чтобы у выпускника оставался не только диплом, но знания и профессиональные навыки», поскольку «сегодня на первый план выходит максимальное сближение образования с производством, с практикой, с реальной жизнью» [5].

В 2003 г. Российская Федерация присоединилась к Болонской декларации, выдвинувшей на первый план новые подходы к системе образования, в том числе высшего. Согласно концепции модернизации российской системы образования основной целью профессионального образования является «подготовка квалифицированного специалиста соответствующего уровня и профиля, конкурентоспособного на рынке труда, компетентного, ответственного, свободно владеющего своей профессией и ориентированного в смежных областях деятельности, способного к эффективной работе по специальности на уровне мировых стандартов, готового к постоянному профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности» [7]. Акценты с содержания образования теперь переносятся на результаты обучения, которые описываются категорией «компетенции» [1].

Все выше перечисленные требования касаются в том числе и подготовки переводчиков. Лингвисты различают в этой связи различные виды компетенций, входящих в профессиональную компетентность переводчика в различных аспектах, и прежде всего в языковых. Р.К. Миньяр-Белоручев выделяет три вида компетенций: языковую, речевую и лингвострановедческую [6: 131]. В. Н. Комиссаров пишет о четырех компетенциях: языковой, коммуникативной, текстообразующей, технической, а также о личностных характеристиках как составляющей профессиональной компетенции переводчика [2: 326]. Некоторые авторы говорят о роли в переводческой деятельности социокультурной или межкультурной компетенции (например Ю. Хольц-Мянттяри [10]). Однако все они едины во мнении, что эта категория объединяет в себе как знания, так и практические навыки специалиста. Так Л.К. Латышев определяет переводческую компетенцию как «совокупность знаний, умений и навыков, позволяющих переводчику успешно решать свои профессиональные задачи» [3: 12].

Экспертная группа Европейской комиссии, созданная в Брюсселе в январе 2009 г. в рамках проекта «Магистр в области перевода» (Master's in Translation), в своем докладе выделяет следующие компетенции для профессиональных переводчиков и экспертов в области мультилингвальной и мультимедийной коммуникации: компетенция, обеспечивающая переводческие услуги (Translation Service Provision Competence), языковая компетенция (language competence), межкультурная компетенция (Intercultural competence), предусматривающая социолингвистический и текстуальный аспекты (sociolinguistic and textual dimension), информационная или информационно-поисковая компетенция (Information Mining Competence), тематическая (предметная) компетентность (Thematic competence), технологическая компетентность (Technological Competence). Под компетенцией, обеспечивающей переводческие услуги (Translation Service Provision Competence), первой в списке экспертной группы Европейской комиссии, понимается соответствие квалификации переводчика требованиям, предъявляемым рынком, и требованиям работодателя [9: 4].

Каковы же требования, предъявляемые сегодня к переводчику на рынке труда?

В своей статье «Как найти хорошего переводчика или как найти хорошему переводчику?» руководитель переводческого агентства Н.Г. Шахова проанализировала результаты проведенного анкетирования заказчиков и переводчиков. При оценке перевода заказчики на первое место поставили «качество перевода (81 %) и скорость (его выполнения) (32 %)» [8: 45]. Качество перевода при этом «обусловлено тремя слагаемыми: пониманием переводчиком текстов на иностранном языке, знанием переводчиком тематической специфики, умением адекватно и грамотно изложить текст на русском языке» [8: 45]. То есть для заказчика в первую очередь важна тематическая и языковая компетенции в области исходного и переводящего языков.

Наибольшую трудность в силу объективных причин для выпускников филологических факультетов представляет тематическая компетенция. Поскольку знания, накопленные человечеством в различных областях деятельности, огромны, переводчики часто

специализируются на переводах по определенной тематике. Согласно Общеввропейскому переводческому стандарту European EN 15038, вступившему в силу 1 августа 2006 г., переводчик вообще должен иметь соответствующую квалификацию по другой специальности, а также двухлетний официально зарегистрированный переводческий стаж [4]. В данной связи встает вопрос не только о формировании у выпускников информационно-поисковой компетенции, обеспечивающей в некоторых ситуациях решение определенных переводческих задач (например, нахождение однозначного эквивалента узкоспециального термина), но и о дополнительной квалификации переводчика в других смежных дисциплинах.

Безусловно, знание тематики перевода способствует и скорости выполнения перевода. Однако для быстрого выполнения перевода необходимы и высокая скорость набора текста, обеспечиваемая навыком слепого метода печати как на русском языке, так и латиницей, а также умение пользоваться другим программным обеспечением (например проверка орфографии и грамматики текста перевода).

Компьютерная грамотность современного специалиста с высшим образованием — это вещь сама собой разумеющаяся, однако в отношении специалистов по переводу она подразумевает еще и владение специальными программами, так называемым CAT Tolls (Computer Aided Translation Tools). Так, в указанной выше статье Шаховой 64 % заказчиков «считают наличие ТМ — инструментария (Translation Memory) у переводчика обязательным», а 10 % «хотят «Традос» [8: 46]. То есть, технологическая компетенция переводчика — это требование работодателя, предъявляемое к переводчику на данный момент. Экспертная группа Европейской комиссии по проекту «Магистр в области перевода» описывает ее как умение эффективно и быстро использовать весь спектр имеющихся программ для подготовки текста перевода (коррекция, верстка, редактирование текста, использование памяти переводческих систем и баз терминологических соответствий, программного обеспечения по распознаванию звучащей речи); умения создавать базы данных и управлять ими; знания по освоению новых инструментов перевода, в частности, связанных с переводом мультимедийных и аудио-

визуальных материалов; умения подготовки и осуществления перевода с помощью различных программных средств; знание возможностей и пределов машинного перевода [9: 7]. Работодатель более конкретен в своих требованиях к техническим навыкам переводчика. Если проанализировать требования, предъявляемые к переводчику на сайте Headhunter, то все более или менее известные в Санкт-Петербурге и Москве переводческие агентства и прямые работодатели упоминают при размещении вакансий необходимость владения специализированными программами для автоматизации переводческого процесса (Trados, SDLX, MemoQ, Smart CAT). Некоторым работодателям также важен опыт работы в программах Autocad, Excel, Acrobat Reader, Explorer, при этом требуется владение ПК «на продвинутом уровне».

О том, что использование современных компьютерных технологий в практике перевода недостаточно или совершенно не представлено в учебных планах, указывают В.В. Липатова и А.В. Литвинов [4]. Необходимость владения технологической компетенцией, однако, очевидна, и решить данную задачу можно, например, в тесном сотрудничестве переводческих факультетов с компаниями — разработчиками CAT Tools. Многие компании — разработчики программ готовы на безвозмездной основе передавать вузам новые версии своих программ не только в целях продвижения [4].

Что касается личностных качеств, предъявляемых к переводчику, то на том же сайте по поиску работы Headhunter работодатели отмечают «внимательность к деталям», «скрупулезность», «аккуратность и ответственность», «стрессоустойчивость», а именно «способность работать с большим объемом информации» и «возможность работы по срочным заказам». Иными словами, переводчик должен уметь работать быстро, добросовестно, не допуская ошибок и промахов. При этом «возможность работы по срочным заказам» или «стрессоустойчивость» могут быть обеспечены именно высокой технологической компетенцией переводчика.

Таким образом, в современных условиях при обучении переводу на первый план выходят тематическая (поисково-тематическая) и технологическая компетенции, мало представленные в планах обучения и наименее разработанные в методике преподава-

ния перевода. Важность развития данных компетенций у современных выпускников вузов определяется требованиями рынка труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болонский процесс и реформа российской системы образования // BSTU.RU Сайт Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова. URL: <http://www.bstu.ru/about/important/vpo/reform> (дата обращения: 15.01.2015).
2. *Комиссаров, В.Н.* Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2001.
3. *Латышев, Л.К.* Технология перевода: учебное пособие для студентов лингвистических вузов и факультетов. М.: Академия, 2007.
4. *Липатова, В.В., Литвинов, А.В.* Современная модель профессиональной компетенции переводчика в контексте системы подготовки переводчика языковых вузов // nor-dipo.ru Портал Национального объединения преподавателей иностранных языков, делового и профессионального общения в сфере бизнеса. URL: <http://www.nor-dipo.ru/ru/node/416> (дата обращения: 15.01.2015).
5. *Метцель, М.* Путин: Претензий к высшему образованию пока много // tass.ru: новостной сайт. URL: <http://tass.ru/obschestvo/1542957> (дата обращения: 22.01.2015).
6. *Миньяр-Белоручев, Р.К.* Теория и методы перевода. М.: Московский Лицей, 1996.
7. Приказ Министерства образования Российской Федерации № 393 от 11.02.2002 «О концепции модернизации российского образования на период до 2010 года»//edu.ru: Российское образование. Федеральный портал. URL: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_02/393.html (дата обращения: 15.01.2015).
8. *Шахова, Н.Г.* Как найти хорошего переводчика или как найтись хорошему переводчику? // Мосты. 2012. № 1 (33). М.: П. Валент. С. 42–57.
9. *Gambier, Y. and ETM Expert Group.* Competences for professional translators, experts in multilingual and multimedia communication. URL: http://ec.europa.eu/dgs/translation/programmes/emt/key_documents/emt_competences_translators_en.pdf (дата обращения: 15.01.2015).
10. *Holz-Mänttäri, J.* Translatorisches Handeln. Theorie und Methode. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1984.

REFERENCES

1. Bolonskij process i reforma rossijskoj sistemy obrazovanija [Bologna process and reform of the Russian education system] // BSTU.RU Sajt Belgorodskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta imeni V.G. Shuhova. URL: <http://www.bstu.ru/about/important/vpo/reform> (data obrashhenija: 15.01.2015) (in russia).
2. *Komissarov, V.N.* Sovremennoe perevodovedenie [Modern Translation Studies]. Moskva: Izdatel'stvo «JeTS», 2001. P. 424 (in russia).
3. *Latyshev, L.K.* Tehnologija perevoda: uchebnoe posobie dlja studentov lingvisticheskikh VUZov i fakul'tetov [Technology of translation: the manual for students of linguistic high schools and faculties]. Moskva: Izdatel'skij centr «Akademija», 2007. P. 320 (in russia).
4. *Lipatova, V.V., Litvinov, A.V.* Sovremennaja model' professional'noj kompetencii perevodchika v kontekste sistemy podgotovki perevodchika jazykovyh vuzov [Modern model of the professional competence of the translator in a context of the translator training system at linguistic high schools] // nop-dipo.ru Portal Nacional'nogo obedinenija prepodavatelej inostrannyh jazykov, delovogo i professional'nogo obshhenija v sfere biznesa. URL: <http://www.nop-dipo.ru/ru/node/416> (data obrashhenija: 15.01.2015) (in russia).
5. *Metcel' M.* Putin: Pretenzij k vysshemu obrazovaniju poka mnogo [Mr. Putin: we have still big concerns about our education] // tass.ru: novostnoj saj. URL: <http://tass.ru/obschestvo/1542957> (data obrashhenija: 22.01.2015) (in russia).
6. *Min'jar-Beloručev, R.K.* Teorija i metody perevoda [The theory and translation methods]. Moskva: Moskovskij Licej, 1996. P. 208 (in russia).
7. Prikaz Ministerstva obrazovanija Rossijskoj federacii № 393 ot 11.02.2002 «O koncepcii modernizacii rossijskogo obrazovanija na period do 2010 goda» [Order of the Ministry of Education of the Russian Federation № 393 of 2.11.2002 «About the concept of modernization of Russian education for the period till 2010»] //edu.ru: Rossijskoe obrazovanie. Federal'nyj portal. URL: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_02/393.html (data obrashhenija: 15.01.2015) (in russia).
8. *Shahova, N.G.* Kak najti horoshego perevodchika ili kak najtis' horoshemu perevodchiku? [How to find a good translator or how can a good

translator find an employer?] // *Mosty*. № 1 (33). Moskva: R. Valent, 2012. P. 42–57 (in russia).

9. *Gambier, Y. and ETM Expert Group*. Competences for professional translators, experts in multilingual and multimedia communication. URL: http://ec.europa.eu/dgs/translation/programmes/emt/key_documents/emt_competences_translators_en.pdf (data obrashcheniya: 15.01.2015).

10. *Holz-Mänttäri, J.* *Translatorisches Handeln. Theorie und Methode*. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1984. P. 193.

Имеретинская Наталья Дмитриевна

Кандидат филологических наук, ассистент кафедры немецкой филологии СПбГУ

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Переводчик ООО «Базальт Менеджмент»

Natalya D. Imeretinskaya

Doctor of Philological Sciences, Assistant Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University.

Address: 7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

Translator in Basalt-Actien-Gesellschaft, Russia

E-mail: natasha30@pisem.net

К ИСТОРИИ НЕМЕЦКОГО СТОРЧАТОГО АЛТАРЯ

Ключевые слова: Алтарь, готический стиль, интернациональный стиль, скульптура, живопись, створчатый алтарь, архитектура.

В статье рассматривается история немецкого створчатого алтаря XIII–XV веков. Резной деревянный алтарь-складень (Flügelaltar) принято считать «драгоценностью в цепи позднеготических скульптур в Германии». Створчатый алтарь — одно из величайших достижений немецкого средневекового искусства, представляющий собой грандиозный комплекс, является образцом синтеза скульптуры, живописи и декоративного искусства.

L. I. PODGORNAIA

St. Petersburg State University

ON THE HISTORY OF THE GERMAN FOLDING ALTAR

Keywords: Altar, pointed style, international style, sculpture, painting, folding altar, architecture.

In the article is reviewed the history of the German folding altar in the XIII–XV centuries. The fretted wooden folding altar (Flügelaltar) is considered as „a jewellery in the succession of the late Gothic German sculpture“. The folding altar is one of the greatest achievements in the German medieval art. This grandiose complex is a beautiful piece of synthesis of sculpture, painting and ornamental art.

Средневековая Германия была страной с высокоразвитыми художественными ремеслами. Произведения немецких мастеров отличались определенным своеобразием, которое проявляется в основном в пышной насыщенности изделий декоративными деталями, обильной орнаментике и соединении в одном изделии различных художественных приемов и техник украшения.

Расцвет готической немецкой пластики падает на 3-ю четверть XIII века, когда готический стиль уже достиг больших высот во

Франции и начал свое победное шествие по Германии. В интерьере храма значительную роль приобретает алтарь.

С течением веков алтарь проделал долгий и сложный путь развития. Алтарь — священное место принесения жертвы или вознесения молитвы богам. Наиболее распространенная версия происхождения термина — от латинского корня *alt* в значении «высокий». По другой версии слово «алтарь» происходит от глагола *adolere* — возжигать, что имело в виду жертвенные воскурения. Время появления алтаря в религиозных культах неизвестно. Алтарь для принесения жертв, совершения возлияний и воскурений с целью умиловливания богов или поминовения предков существовал в большинстве культов политеистических религий. Древнейшие алтари представляли собой искусственные возвышения, созданные из земли или природного камня. В текстах Ветхого Завета упоминается алтарь в виде возвышения из земли, отдельно взятого камня, сооружения из камней. В храме Соломона находились два алтаря: жертвенник всесожжений, сделанный из меди, и жертвенник курений — деревянный стол, покрытый золотом, так называемый «золотой жертвенник».

В православной традиции алтарем называют всю часть храма, окружающую место евхаристического жертвоприношения. Католики называют алтарем только сам престол. Предписание обращать алтарь всегда к востоку, происходит еще от Папы Сикста II. Со времен Григория VI в римской церкви сделалось обычаем ставить несколько алтарей. Самый главный из них, так называемый высокий алтарь (*Hochaltar*), сохранил свое место на возвышении, другие ставились у колонн, на восточной стороне приделов, у боковых стен, в капеллах и криптах.

Толчком для развития художественно оформленного алтаря послужили и тяга к непосредственному общению молящегося с божеством, а также желание своими глазами убедиться в реальности чуда. Именно такому общению с божеством способствовала возможность сконцентрироваться на объекте преклонения, каким и явился алтарь. До его появления алтарный стол становился местом священнодействия только в моменты богослужения, во время проведения службы. Алтарь же всегда обращен к молящему-

ся. Визуальному восприятию той или иной легенды способствовали изображения на створках и коробе алтаря. Со временем эти изображения становились все более натуральными, а само повествование более подробным.

Алтари различаются по их местоположению: Hochaltar — главный престол; Nebenaltäre — боковые алтари, посвященные святым; по их форме: Tischaltar — алтарь-стол в виде плиты на опорах; Kastenaltar — алтарь-короб с большим реликварием внутри цоколя; Blockaltar — алтарь-блок с цоколем в виде блока и выступающим столом; Sarkophagaltar — алтарь-саркофаг в форме саркофага или с использованием саркофага. Различаются они также по их привязке к месту: fester Altar — стационарный (altare fixum). Для исполнения церковных треб, в дороге, в походе и т. п. употреблялся переносный алтарь (tragbarer Altar, oder Targaltar) в форме стола или короба или небольшой алтарь-складень, стоящий на деревянном постаменте. Во время реформации число алтарей в каждой церкви было ограничено до одного; из швейцарских церквей они даже совсем удалялись. Поэтому и теперь в лютеранских церквях находится только один алтарь, в кальвинистских только простой, снабженный крестом стол.

Изначально алтарь состоял из стола (Mensa), на котором священник в соответствии с Писанием проводил превращение хлеба и вина в тело и кровь Христа (Meßopfer). Алтарь находился в крипте, священник стоял за алтарем и производил священнодействие на глазах у прихожан. На самом столе стояли распятие, светильник и принадлежности для службы. С IX века на столе выставляются также мощи святых. В раннем средневековье ритуал меняется — священник стоит уже перед столом и совершает действие, отвернувшись от прихожан. И лишь спустя века алтарь перемещается в основное помещение храма и занимает в нем центральное место. В XII веке в связи с возросшей пышностью обрядов богослужения на скромный алтарный стол ставились иконы или реликварии. Постепенно эти предметы приобретали все более роскошный вид, одновременно увеличивались и их размеры. Так алтарный или заалтарный образ стал основным предметом богослужения и воплотил в себе понятие алтаря в целом.

Стол является необходимой частью алтаря. К дополнительному оборудованию относится табернакль (Tabernakel) — футляр на столе для хранения святых даров. Не менее важную роль играет ретабль (Retabel) — украшенная живописью или скульптурой задняя стенка алтаря, которая в Средневековье жёстко соединена с престолом, а в период готики образует раскладной алтарь. Этимологически слово «retabel» (tabula de retto) обозначает простой уступ, расположенный за престолом и предназначенный для предметов литургии (канделябры, табернакль, кресты). Из этой изначальной формы в эпоху раннего христианства появилась алтарная картина (Altarblatt). Утилитарная функция алтаря вскоре уступила место изобразительной функции — изображению божественного присутствия или святых, которое вскоре получило широкое распространение. Таким образом, алтарная картина — это престольный изобразительный ансамбль.

В конце XIII века появляется створчатый алтарь-складень (Flügelaltar) — «драгоценность в цепи позднеготических скульптур в Германии». Одним из величайших достижений немецкого искусства XIV–XV веков является резной деревянный створчатый алтарь, представляющий собой грандиозный комплекс — образец синтеза скульптуры, живописи, архитектуры и декоративного искусства. Общая высота алтаря иногда превышала 10 метров, ширина с раскрытыми створками могла достигать 7 метров. Изображения на створках могли быть живописными или скульптурными. В Европе форма складного алтаря была распространена более всего в Германии, Австрии, Швейцарии, Нидерландах.

Алтарь состоит из центральной части — короба (шкафа) (Schrein) и подвижных крыльев-створок (Flügel), которые прикрепляются к нему справа и слева. Вначале к коробу привешивалась одна пара створок, со временем их стало 2–3. По праздникам створки алтаря открывались, а в будни были закрыты, т. е. изображения внутренней и внешней части существовали совершенно изолированно. Со временем стали делать алтари даже с дополнительной, третьей парой боковых неподвижных (Standflügel). Алтарь не всегда был рассчитан на обход, в таких случаях украшалась и его обратная сторона. В XV веке между коробом и створками появля-

ется новый элемент — пределла/надстройка. Как и сам алтарь, пределла имеет короб и створки. Слово пределла (от ломбардского «pretil», скамья или доска) обозначало сначала постамент, на котором стоит алтарь, а потом нижнюю часть самого алтаря. Предполагается, что немецкие художники позаимствовали ее у итальянцев. Зачастую пределла служит для хранения реликвий и заменяет подставку для постоянного алтарного шкафа, короба (Altarschrein). Шкаф, створки и пределла украшаются гравюрами (резной алтарь) или живописными картинами. Несколько пар разных створок позволяют изменять внешний вид алтаря (Wandelaltar — изменяющийся алтарь). Позднеготический алтарный шкаф (Altarschrein) получает навершие в форме готических башенок, вимпергов, фиал со множеством мелких статуй (Auszug, Gesprenge). Обилие таких фигур давало повод для сравнения их с пышностью готических соборов. В шутку их называли “Domfassaden in Möbelform”.

В готическую эпоху, особенно начиная с XIV века, алтарная картина претерпевает большие изменения — она принимает формы стрельчатой архитектуры, иногда еще просто прямоугольной, но увенчанной «аркой в форме митры». С появлением боковых створок, окружающих центральную картину, возник полиптих. Полиптих (от греч. «poly» — много и «ptychos» складной) состоит из нескольких подвижных или неподвижных створок. Диптихом называют полиптих, состоящий из двух створок, триптихом — из трех.

Полностью раскрытый алтарь с двумя парами створок имел одно важное свойство — он мог менять свой облик. В будние дни, когда отсутствовало богослужение, створки были закрыты. Снаружи они были либо вовсе без украшений, либо украшение сводилось к более скромной росписи, обычно без применения золота. По воскресеньям открывалась первая пара створок, и перед молящимися предстала более нарядная и часто более радостная по содержанию воскресная композиция. По определенным праздникам, чаще всего — главным церковным, распаивалась вторая пара створок, и открывался короб с фигурами, мерцающими чистым золотом и яркими красками.

Живописные иконы, выдержанные в византийской манере, стали важным фактором развития алтарных картин. Ставя перед

европейскими художниками сложные творческие задачи, алтарный образ открывал новые широкие возможности для самовыражения при оформлении алтарного пространства, которому надлежало стать предметом главного внимания и религиозных чувств паствы. Различие между внутренними и внешними створками средневековых складных алтарей принципиально. Некоторые исследователи, анализируя алтари поздней готики, считают, что мастера для наружных досок выбирают бледные тона, расписывая доски серым по серому. По праздникам, когда открывают среднюю часть, створки сияют во всем своем красочном великолепии, в котором выражается во всей полноте радостное настроение праздника.

С самого начала в Германии развивались две формы складня — с расписной (живописной) центральной частью и со скульптурной. В первом случае створки должны были быть живописными. Во втором случае также соблюдались определенные правила: в короб чаще всего ставились круглые скульптуры, на створках крепились рельефы, либо они, створки, расписывались. Снаружи створки оставались без украшений или покрывались живописью. Алтарь становился своего рода сценой. На нем можно найти уже не только живопись, но и рельефы, а позднее и фигуры, которые изготавливаются в три четверти человеческого роста, иногда даже выше.

Подвижные створки, закрывающие центральное панно, бывают, как правило, расписаны с двух сторон, одна из которых иногда расписывается в технике гризайль. В XV веке над верхней частью некоторых алтарей делали выступающий элемент — балдахин. В XIV и XV веках форма алтарей варьируется в зависимости от архитектуры, которой она стремится подражать. Фронтон может быть разорванным или принимать форму митры, центральное панно часто увенчивается люнетом, по бокам располагаются пинакли, а медальоны разных форм (трилистники, четырехлистники) с изображением святых и ангелов украшают тимпаны стрельчатых фронтонов.

Со временем алтарь становился все более объемным, приходилось монтировать его прямо в помещении храма. Как правило, каркас изготовлялся из дуба, в некоторых местах он скреплялся железными полосами. Для створок, которые служили основой либо для

картины, либо для рельефа и фигур, мастера использовали липу. Для изготовления таких алтарей были нужны мастера различных специальностей: сначала столяр (Schreiner) изготавливал короб и створки, резчики (Holzschnitzler) изготавливали скульптурные украшения, в заключение к работе приступали позолотчики и отделочники (Fassmaler). И хотя чаще всего живописные и скульптурные части алтаря выполнялись разными мастерами, живописец раскрашивал также и скульптуры. Однако иногда живописными и скульптурными работами занимался один автор, привлекавший к себе в помощь подмастерьев.

Ряд алтарей не был или был частично предназначен для раскраски. Огромную роль в создании алтаря играли умение и талант скульптора, который был в большинстве случаев творцом такого произведения, объединяя в одном лице скульптора и живописца.

Изображения на алтаре подчинялись определенной и строгой программе. Она развивалась в двух направлениях — снаружи вовнутрь и снизу вверх. В больших резных алтарях живописные композиции, как и рельефы на створках, шли фризами в два или более рядов. Статуи же занимали собой почти всю высоту короба.

Важнейшим элементом отделки алтаря была полихромия. Сверкание красок, блеск золота и серебра превращали алтарь в средоточие интерьера церковного здания. Прежде всего это относилось к главному алтарю. Именно он становился центром литургического действия, посвящался святым, покровителям церкви или данного собора. Поэтому главному алтарю придавалось такое великолепие, достойное его назначения.

Начало победного шествия алтаря по северной Европе относится ко второй половине XIV века. Для многих немецких мастеров алтарных композиций образцом для подражания была чешская живопись того времени. Огромное влияние почти на все немецкие земли имела пражская школа, представленная **Петером Парлером**. Этот выдающийся мастер родом из Швабии возглавил в 1356 г. строительство собора св. Вита в Праге по приглашению Карла IV. Его самобытное искусство стало предвестником нового периода в скульптуре Германии. Во второй половине XIV века почти все крупнейшие строительные артели империи возглавлялись род-

ственниками Петра Парлера. Его ученики трудились в Вене, Регенсбурге, Страсбурге, Кёльне, Нюрнберге, Базеле. Уже в артели Парлера наметилась тенденция к смягчению суровой и монументальной манеры изображения, начал формироваться «мягкий стиль». Его развитию способствовало мощное франко-бургундско-фламандское влияние.

Крупнейший представитель чешской ветви — архитектор и скульптор Петр Парлерж (Петер Парлер) с 1356 г. работал в Чехии; руководил строительством собора Святого Вита (продолженным его сыновьями Вацлавом и Яном) и Карлова моста с предмостными башнями в Праге, построил хор церкви Святого Варфоломея в Колпне. Среди скульптурных произведений Петра Парлержа выделяются каменные надгробия Пржемысла Отакара I и Пржемысла Отакара II, а также выразительные по характеристикам, отмеченные яркостью жизненных наблюдений каменные портретные бюсты в галерее трифория собора Святого Вита (1374–1385). Творчество Петра Парлержа стало вершиной готического искусства Чехии. В 1988 г. астроном Антонин Маркос назвал в честь Парлера открытый им астероид 6550.

«Тржебоньский алтарь» (Wittingauer Altar) — одно из самых знаменитых чешских произведений интернациональной готики, выполненное анонимным богемским мастером, называемым Мастер Тржебоньского алтаря. Этот мастер, настоящее имя которого остается неизвестным, работал в Богемии во 2-й половине XIV века. Он принадлежал к пражской школе живописи и входил в число художников, работавших для пражского двора. Его главным произведением является алтарь, предназначенный для монастыря августинцев в Тржебоне (Виттенгау). От алтаря сохранилось только три створки с изображением Страстей Христовых: «Моление о чаше» (Kelchgebet), «Положение во гроб» (Grablegung) и самая знаменитая — «Воскресение» (Himmelfahrt/Auferstehung). В картинах изображена условная природа со стилизованными деревьями и множеством птиц. Они пронизаны красотой и трогательной наивностью, характерными для периода расцвета интернациональной готики. Помимо того им присуща некая почти болезненная хрупкость. Особенно это бросается в глаза при рассмотрении сцены

Воскресения. Его Христос обладает сильно вытянутыми пропорциями, слабое тело окутано плащом, складки которого образуют вычурный орнамент. Бесплотный и невесомый, он реет над тяжелым саркофагом. Воины сидят и лежат в разных, но у всех неудобных позах, их оружие и шлемы образуют своего рода контур, вызывающий беспокойство. Впечатление усиливает цвет — кроваво-красный плащ на почти черной подкладке, темно-красное зарево на небе, темно-коричневые скалы, золотой нимб и желтое оружие. Используя приемы сложной асимметрии, мастер располагает фигуры и пейзаж так, что Христос оказывается не только физическим центром картины, но и духовным стержнем события. Все это вместе взятое создает впечатление взволнованности, тревоги, доходящей до экзальтации. На оборотной стороне досок со Страстями написаны фигуры святых. Влияние работ Мастера Тржебоньского алтаря в конце XIV века распространилось на сопредельных с Чехией территориях — Нюрнберг, Баварию и Силезию, а отголоски его творчества можно увидеть и в некоторых других произведениях немецких средневековых мастеров. Искусство Мастера Тржебоньского алтаря пронизано гармонией, ему присущи поэтичность и близкая к мистицизму религиозность. Его принято считать одним из основоположников «прекрасного стиля», распространившегося в Богемии и Центральной Европе.

Следы влияния этого искусства можно заметить и в творчестве Мастера Бертрама, который является главной фигурой искусства Нижней Германии XIV века. Мастер Бертрам — старейший немецкий художник, живописец и скульптор. Его основное произведение известно под названием «Грабовский алтарь» (Grabower Altar). Этот алтарь был создан для церкви св. Петра в Гамбурге в 1379 и установлен в 1383 г. Гигантский по своим размерам, украшенный множеством скульптурных фигур и серией из 24 картин, он является одним из самых важных свидетелей начала живописных панно в Германии. В XVIII веке алтарь был перенесен в церковь города Грабов (Мекленбург), что спасло его от гибели, так как церковь Петра в Гамбурге сгорела во время пожара 1842 г. В 1903 г. основатель гамбургской картинной галереи Альфред Лихтварк купил алтарь для города, где он и находится до сегодняшнего дня.

Алтарь представляет собой один из самых богатых скульптурных ансамблей Северной Европы. Он состоит из двух пар створок, открывающихся только в праздничные дни во время богослужений. Его ширина — более 7 метров, он содержит 79 резных фигур. На внутренних створках алтаря (живопись на внешних створках погибла) представлен цикл картин из двадцати четырех композиций на библейские и евангельские сюжеты. Когда открыты внешние створки, можно видеть в двух рядах (по 12 картин в каждом) 18 сцен «Бытия» (от первых дней Творения до истории Исаака) и 6 сцен «Детства Христа» (от «Благовещения» (Verkündigung) до «Бегства в Египет» (Flucht nach Ägypten)); когда открыты внутренние створки, появляется скульптурный алтарь: в центре возвышается «Распятие» (Kreuzigung), а по сторонам, в двух рядах ниш, фигуры пророков, апостолов и святых. Бертрам стремится придать фигурам объемность, выделяя их на золотом фоне и разграничивая четким рисунком. Наиболее отчетливо своеобразие стиля Мастера Бертрама выступает в клеймах, повествующих о создании мира. Семь раз изображает художник бога-отца, монументальная фигура которого заполняет почти все поле картин, четко выступая на золотом фоне. С наивной повествовательностью мастер изображает творца, создающего мир, отделяющего сушу от воды. При этом создатель стоит, упиравшись большими ступнями в кафельный пол. В другой композиции бог создает животных и птиц, которых художник старательно пишет, отмечая их характерные особенности и проявляя большой интерес ко всему живому. Мастер по-новому, более реально изображает человеческую фигуру, снабжает картины множеством реалистических (пусть наивно трактованных) подробностей. Главная его забота — не столько реалистическое изображение предметов, сколько сам способ их представления. В сцене «Сотворение животных» рыбы плывут вверх, поднимаясь из воды. Над ними (снизу вверх) изображены лебедь, петух, павлин и щегол. Один из сюжетов — сооружение Ноева Ковчега в виде корабля. Мастер Бертрам был одним из первых в истории европейской живописи, кто изобразил Ноев Ковчег таким. Это огромный шаг вперед по сравнению с живописью XIII — начала XIV века, когда алтарные композиции представляли собой, скорее, увеличенные

книжные миниатюры. Только во второй половине XIV века, и в частности в творчестве Мастера Бертрама, алтарная живопись приобрела свой собственный язык.

Многие алтарные сооружения Германии погибли в результате иконоборческих выступлений уже в первой половине XVI века, не меньше их было разобрано при секуляризации монастырей в конце XVIII — начале XIX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Domscheit, M.* Konrad von Soest. Dresden: VEB Verlag der Kunst, 1988.
2. *Dreißiger, Chr.-M.* Meister der hl. Veronika. Dresden: VEB Verlag der Kunst, 1987.
3. *Dreißiger, Chr.-M.* Stephan Lochner. Dresden: VEB Verlag der Kunst, 1986.
4. *Freeden, M.H. von.* Tilman Riemenschneider. München: Deutscher Kunstverlag, 1981.
5. *Hofstätter, H. von.* Spätes Mittelalter. München; Würzburg: Naturalis Verlag.
6. *Schindler, H.* Große bayerische Kunstgeschichte. München: Ludwig Verlag, 1997.
7. *Söder, G.* Martin Schongauer. Dresden: VEB Verlag der Kunst, 1984.
8. *Souchal, F.* Das hohe Mittelalter. München, Würzburg: Naturalis Verlag.
9. *Walther, S.* Huber. Dresden: VEB Verlag der Kunst, 1985.
10. *Zöllner, W.* Reise in die Gotik. Leipzig: Prisma-Verlag, 1996.
11. Готика. Архитектура. Скульптура. Живопись. S. 1.: Tandem Verlag GmbH, 2004.
12. *Дмитрюева, И.А.* Краткая история искусств. Вып. 1–2. М.: Искусство, 1986–1989.

REFERENCES

1. *Domscheit, M.* Konrad von Soest. Dresden: VEB Verlag der Kunst, 1988.
2. *Dreißiger, Chr.-M.* Meister der hl. Veronika. Dresden: VEB Verlag der Kunst, 1987.

3. *Dreißiger, Chr.-M.* Stephan Lochner. Dresden: VEB Verlag der Kunst, 1986.
4. *Freeden, M.H. von.* Tilman Riemenschneider. München: Deutscher Kunstverlag, 1981.
5. *Hofstätter, H. von.* Spätes Mittelalter. München, Würzburg: Naturalis Verlag, s. a.
6. *Schindler, H.* Große bayerische Kunstgeschichte. München: Ludwig Verlag, 1997.
7. *Söder, G.* Martin Schongauer. Dresden: VEB Verlag der Kunst, 1984.
8. *Souchal, F.* Das hohe Mittelalter. München, Würzburg: Naturalis Verlag, s. a.
9. *Walther, S.* Huber. Dresden: VEB Verlag der Kunst, 1985.
10. *Zöllner, W.* Reise in die Gotik. Leipzig: Prisma-Verlag, 1996.
11. Gotika. Architektura. Zhivopis [Gotic. Architektura. Painting]. S. l.: Tandem Verlag GmbH, 2004 (in russia).
12. *Dmitrieva, I.A.* Kratkaja istorija iskusstv. [Brief history of art]. Vypuski 1–2. Moskva: Iskusstvo, 1986–1989 (in russia).

Подгорная Людмила Ивановна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ.
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Liudmila I. Podgornaia

Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University.
Address: 7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.
E-mail: podgornaja_l_i@mail.ru

REZENSION ÜBER DEN SAMMELBAND

Hanna Bergerová / Marek Schmidt / Georg Schuppener (Hrsg.): Aussiger Beiträge. Germanistische Schriftreihe aus Forschung und Lehre. Lexikologie und Lexikografie — Aktuelle Entwicklungen und Herausforderungen. 7. Jahrgang. Ústí nad Labem: Univerzita J.E. Purkyně v Ústí nad Labem, Filozofická fakulta Ústí nad Labem, 2013. 303 Seiten. ISBN 978-3-7069-0778-1

Im Vorwort zum vorliegenden Band der Aussiger Beiträge bemerken die Herausgeber Hanna Bergerová, Marek Schmidt und Georg Schuppener nicht ohne Grund: „Kaum eine Teildisziplin der Sprachwissenschaft ist derart facettenreich wie die Lexikologie, keine Teildisziplin so stark aktuellen Anforderungen unterworfen und über die engere Domäne der Sprachwissenschaft hinauswirkend wie die Lexikografie“ [S. 7]. Die 13 Beiträge des siebten Themenheftes machen die Leser mit einer breiten Palette von „Fragen und Herausforderungen“, aber auch mit aktuellen Problemen der modernen Lexikologie und Lexikografie bekannt.

So beschäftigen sich Hanna Bergerová und Eva Ciešalová in ihren Beiträgen mit dem Thema „Sprache und Emotion“, das in der letzten Zeit an Popularität gewonnen hat. Darüber hinaus gehen beide Autorinnen sprachkontrastiv vor und befassen sich mit dem phraseologischen Material. Durch Analyse von Kollokationen in modernen Wörterbüchern und Kookurrenzanalyse in den Korpora kommt Hanna Bergerová nicht nur zu neuen Erkenntnissen in Frage der Kombinierbarkeit im Emotionswortschatz, sondern auch zu praktischen Ergebnissen, die helfen können, moderne Wörterbücher lernerorientierter zu gestalten. Eva Ciešalová untersucht Phraseme mit der Bedeutung ‚Scham‘ im Deutschen und im Tschechischen und benutzt ebenfalls sowohl das Material der Wörterbücher als auch das der elektronischen Korpora. Bei vorwiegender semantischer Äquivalenz finden sich in beiden Sprachen feine Unterschiede morphologisch-syntaktischer, lexikalischer, stilistischer

und referentieller Art, die die Forscherin ausführlich fixiert, wobei die Wahrnehmung der Emotion in beiden Kulturen nahezu identisch ist.

Einen wichtigen Beitrag zur diachronischen Phraseographie leistet Michaela Kaňovská, die Phraseme in den Leitartikeln des *Mährischen Tagblatts* untersucht und deren Form und Bedeutung mit den Daten in Wörterbüchern und Korpora vergleicht. Die Analyse zeigt, dass es besonders schwer ist, konnotative Unterschiede der Phraseme eindeutig zu interpretieren.

Der Aufsatz von Herbert J. Holzinger ist den unikalenen Elementen gewidmet, dem Thema, das der Autor selbst „[eine] Herausforderung für Lexikologie und Lexikografie“ nennt. Wie treffend diese Bezeichnung ist, versteht man, wenn man sich mit seiner vergleichenden Analyse bekannt macht. Herbert J. Holzinger betrachtet kontrastiv die lexikografische Erfassung der unikalenen Elemente und deren Gebrauch in Texten. Eine wichtige Erkenntnis ist es, dass die Phraseme mit unikalenen Elementen ihrer Festigkeit nach nicht gleich sind und ein „Kontinuum der Festigkeitsgrade“ bilden [S. 63]. Die Forschungsergebnisse sollten dazu beitragen, dass die unikalenen Elemente besser lexikografisch dargestellt werden.

In drei weiteren Beiträgen werden lexikalische und lexikografische Themen in Bezug auf Sprachlehren und -lernen betrachtet. Tamás Kispál befasst sich mit der Frage, in wie weit Jugendsprache in den modernen Lernwörterbüchern vertreten ist. Obwohl die Lernwörterbücher relativ wenige Einheiten der Jugendsprache enthalten und sie heterogen vom lexikografischen Standpunkt beschreiben, sind sie eine bessere Informationsquelle für Lernende als populäre Jugendsprachelexika. Jupp Möring und Franziska Wallner untersuchen die Wortschatzlisten aus dem Referenzwerk „Profile Deutsch“, das die Anforderungen der Niveaustufen des Gemeinsamen Europäischen Referenzrahmens beschreibt. Die Zusammenstellung der Wortschatzlisten erfordert somit eine große Verantwortung, weil sich daran die meisten Lehrenden, Lernenden und Lehrbuchautoren orientieren. Die Forscher schlussfolgern, dass beim Zusammenstellen sowohl kommunikativ-pragmatische als auch quantitative Prinzipien berücksichtigt werden sollen. Die Frage über die Methode lassen sie allerdings unbeantwortet. Marek Schmidt analysiert die wichtigsten deutschen Aussprachewörterbücher, geht auf

deren Entstehungsgeschichte ein und vergleicht die wissenschaftlichen Grundlagen, wobei er die lexikografischen Probleme aufdeckt, auf welche die tschechischen Studierenden beim Nutzen der Wörterbücher stoßen.

Viele benutzen heute Wörterbücher in elektronischer Form, dabei wissen wahrscheinlich die wenigsten, wie wichtig bei der Entwicklung solcher Programme die linguistische Arbeit ist. Eine Vorstellung darüber zu bekommen hilft der Beitrag von Marina Kulichikhina und Natalia Ruban. Die Autorinnen schreiben über die Arbeitsmethoden am semantischen Wörterbuch der deutschen Sprache, das für die Aufgaben der maschinellen Sprachverarbeitung entwickelt wird. Auch Paloma Sánchez Hernández zeigt am Beispiel der Kognitionsverben, welche Probleme bei der Erarbeitung eines deutsch-spanischen onomasiologisch-semasiologischen Online-Verbwörterbuchs entstehen.

Martin Šemelík, Marie Vachková und Věra Kloudová stellen in ihrem Beitrag eine auf der Korpusanalyse aufgebaute Untersuchungsmethode vor, mit deren Hilfe man „auch feinere Nuancen in der Bedeutungsstruktur der jeweiligen Wortschatzeinheiten“ definieren kann [S. 205]. Sie demonstrieren sie am Beispiel der substantivierten Infinitive und der synonymischen Konkurrenzformen. Ihrer Forschung liegt die Arbeit am Großen Akademischen Wörterbuch Deutsch-Tschechisch zu Grunde, das ebenfalls in elektronischer Form gestaltet werden soll.

Die Verbundenheit der sprachlichen Entwicklung mit den gesellschaftlichen Prozessen wird besonders offensichtlich, wenn man sich mit den Aufsätzen von Georg Schuppener und Kateřina Šichová bekannt macht. Georg Schuppener untersucht lexikalische Besonderheiten der Sprache rechtsradikaler Internetseiten. In seinem Aufsatz zeigt er, wie „dort lexikalisch auf die Sprache des Nationalsozialisten Bezug genommen wird“ [S. 171] und wie die in demokratischer Gesellschaft gebrauchte politische Lexik umgedeutet wird. Die Frage der geschlechtsspezifischen Restriktionen bei Phrasemen mit somatischen Komponenten steht im Mittelpunkt der Forschung von Kateřina Šichová. Sie kritisiert einerseits moderne Wörterbücher wegen mangelhafter Markierung der Geschlechtsspezifität der entsprechenden Phraseme, andererseits beweist sie durch ihre vergleichende Korpusanalyse der somatischen Phraseme im Deutschen und im Tschechischen, dass die geschlechtsspezifische

schen Restriktionen keinen systematischen Charakter haben, so dass man kaum von einem deutlichen Einfluss gesellschaftlicher soziokultureller Änderungen sprechen kann.

Mit der These, dass die Kulinaristik nicht nur im Bereich der Kochkunst, sondern auch im Bereich der Sprache entwickelt, fängt der Beitrag von Joanna Szczek an. Die Autorin zeigt das am Beispiel der Bezeichnungen von Weihnachtsgebäck: Sie „dienen als Vorboten, die zum Zugreifen einladen“ [S. 238]. Wie das passiert, deckt die Forscherin auf, indem sie Struktur und Motivationsgründe der Wortbildungen analysiert. Sie kommt zu dem Schluss, dass dabei Elemente, die positive Emotionen hervorrufen und kulturell geprägt sind, eine besonders wichtige Rolle spielen.

Die kurze Übersicht über die Problematik der Aufsätze des Sammelbandes zeigt nicht nur die Vielfältigkeit der Themen und Forschungsobjekte, sondern auch unterschiedliche Herangehensweisen und Untersuchungsverfahren, die neue Perspektiven in Lexikologie und Lexikografie eröffnen. Unter anderem wird ersichtlich, wie wichtig und aussichtsreich heute die Forschungsmethoden sind, die auf Korpusanalyse basieren. Die Verwendung elektronischer Korpora und die Auswertung der im Internet publizierten Sprachmaterialien lassen einerseits die Autoren zu Ergebnissen kommen, die sich durch Überzeugungskraft und Beweisfähigkeit auszeichnen, andererseits stellt die Korpuslinguistik an die lexikologische und lexikografische Forschung neue Anforderungen. Der Sammelband ist für alle, die sich für neue Erkenntnisse und Tendenzen der modernen Lexikologie und Lexikografie interessieren, besonders empfehlenswert.

Слинина Людмила Ярославна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ.
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Liudmila Y. Slinina

Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University.

Address: 7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: ludmila.slinina@gmx.at

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

I. ПРАГМАТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В НАУКЕ

<i>С.Т. Нефёдов</i> ЯЗЫК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ: ВОПРОСИТЕЛЬНОСТЬ В АССЕРТИВНОЙ «СРЕДЕ» НАУЧНОГО ТЕКСТА	9
<i>Э.К. Абдуррахманова</i> МЕТАДИСКУРСИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КАК ТИПИЧНЫЕ СТРУКТУРЫ ЯЗЫКА НАУКИ (на примере немецкоязычных лингвистических монографий)	27
<i>И.А. Вороновская</i> ТЕКСТОТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКОГО ПРЕДИСЛОВИЯ (на материале немецкоязычных монографий по лингвистике)	37
<i>Н.С. Супоницкая</i> ОТРАЖЕНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ АВТОРИЗАЦИИ В РАЗНЫХ БЛОКАХ НАУЧНОГО ТЕКСТА	47
<i>М.Н. Дмитриева</i> РОЛЬ МЕТАКОММУНИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ФИЛОСОФСКОЙ ПРОЗЕ НОТКЕРА НЕМЕЦКОГО	63
<i>А.К. Филиппова</i> К ВОПРОСУ О МЕТАФОРИЧНОСТИ НЕМЕЦКИХ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ XVIII ВЕКА	70
<i>А.В. Елисеева</i> КОМИЧЕСКОЕ И СПОСОБЫ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ	77
<i>Л.Я. Слина</i> СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ СПЕЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ТЕКСТЕ	89

II. МЕТАЯЗЫК ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

<i>К.А. Филиппов</i> ОСОБЕННОСТИ МЕТАЯЗЫКА НЕМЕЦКОЙ ГРАММАТИКИ ИОГАННА КРИСТОФА ГОТШЕДА	105
---	-----

<i>К.В. Манерова</i> К ВОПРОСУ О МЕТАЯЗЫКОВОЙ КОНЦЕПЦИИ НЕМЕЦКИХ АВТОРСКИХ СЛОВАРЕЙ	118
<i>Е.А. Ковтунова</i> О ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ СТАТУСЕ НЕМЕЦКИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ	129
<i>А.В. Мельгунова</i> ЛЕКСИКА ТЕМАТИЧЕСКИХ ГРУПП «ФЛОРА» И «ФАУНА» КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ТЕХНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ	141
<i>Л.Н. Григорьева</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ	147
<i>А.В. Бояркина</i> О МУЗЫКАЛЬНЫХ ТЕРМИНАХ В ПИСЬМАХ В.А. МОЦАРТА: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА	161
<i>Л.Ф. Бирр-Цуркан</i> ПОНЯТИЯ «СВОЙ/ЧУЖОЙ» В СИСТЕМЕ КООРДИНАТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	172

III. СТРАНОВЕДЧЕСКИЙ И ДИДАКТИЧЕСКИЙ POST SCRIPTUM

<i>Н.Д. Имеретинская</i> ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ПЕРЕВОДЧИКУ В СОВРЕМЕННОМ ДЕЛОВОМ МИРЕ	185
<i>Л.И. Подгорная</i> К ИСТОРИИ НЕМЕЦКОГО СТОРЧАТОГО АЛТАРЯ	193

Рецензия на сборник научных статей

<i>L.J. Slinina</i> REZENSION ÜBER DEN SAMMELBAND	205
--	-----

H. Bergerová, M. Schmidt, G. Schuppener (Hrsg.). Aussiger Beiträge. Germanistische Schriftreihe aus Forschung und Lehre. Lexikologie und Lexikografie — Aktuelle Entwicklungen und Herausforderungen. 7. Jahrgang / Ústí nad Labem: Univerzita J.E. Purkyně v Ústí nad Labem, Filozofická fakulta. 2013. 303 S. ISBN 978-3-7069-0778-1

TABLE OF CONTENTS

Foreword	5
----------------	---

I. PRAGMATICS OF PROFESSIONAL COMMUNICATION IN SCIENCE

S.T. Nefedov

LANGUAGE OF LINGUISTICS: INTERROGATIVITY WITHIN ASSERTIVE CONTEXT IN GERMAN ACADEMIC WRITINGS	9
--	---

E.K. Abdurrakhmanova

METADISOURCE ELEMENTS AS TYPICAL STRUCTURES OF ACADEMIC LANGUAGE (by the example of german linguistic monographs)	27
---	----

I.A. Voronovskaya

TEXT TYPICAL FEATURES OF THE AUTHORIAL PREFACE (by the example of german linguistic monographs)	37
--	----

N.S. Suponitskaya

REFLECTION OF THE AUTHORIZED COMMUNICATIVE STRATEGIES IN DIFFERENT BLOCKS OF ACADEMIC WRITINGS	47
--	----

A.V. Eliseeva

THE COMIC AND MEANS OF ITS MANIFESTATION IN SCIENTIFIC TEXTS	63
---	----

A.K. Filippova

ON METAPHORICAL CHARACTER OF 18 TH CENTURY GERMAN SCIENTIFIC TEXTS	70
--	----

L.Y. Slinina

METHODS OF TRANSFER OF SPECIAL INFORMATION IN POPULAR SCIENCE TEXT	77
---	----

M.N. Dmitrieva

ROLE METACOMMUNICATIVE DESIGNS IN THE PHILOSOPHICAL PROSE OF NOTKER TEUTONICUS	89
---	----

II. ETALANGUAGE OF PROFESSIONAL COMMUNICATION

K.A. Filippov

DISTINCTIVE FEATURES OF METALANGUAGE IN J. CHR. GOTTSCHED'S GERMAN GRAMMAR	105
---	-----

<i>K.V. Manerova</i> ABOUT THE METALANGUAGE CONCEPT IN GERMAN AUTHOR'S DICTIONARIES	118
<i>E.A. Kovtunova</i> ABOUT PHRASEOLOGICAL STATUS OF GERMAN SPECIAL PHRASES	129
<i>A.V. Melgunova</i> THEMATIC GROUP OF WORDS «FLORA» И «FAUNA» IN THE FORMATION OF TECHNICAL TERMINOLOGY	141
<i>L.N. Grigorieva</i> SPECIAL ASPECTS OF POLITICAL TERMINOLOGY TRANSLATION	147
<i>A.V. Boyarkina</i> ABOUT MUSICAL TERMS IN THE LETTERS OF MOZART: TRANSLATION PROBLEMS	161
<i>L.F. Birr-Tsurkan</i> CONCEPTS OF OWN VS. FOREIGN IN INTERCULTURAL COMMUNICATION.	172

III. CROSS-CULTURAL AND DIDACTIC POST SCRIPTUM

<i>N.D. Imeretinskaya</i> PROFESSIONALLY RELEVANT TRANSLATION COMPETENCE IN MODERN BUSINESS WORLD	185
<i>L.I. Podgoraia</i> ON THE HISTORY OF THE GERMAN FOLDING ALTAR	193

Review

<i>L.J. Slinina</i> Review about the Collected Articles	205
--	-----

Hanna Bergerová / Marek Schmidt / Georg Schuppener (Ed.) Aussig Articles. Germanic Works from Research and Teaching. Lexicology und Lexicography – Topical Development and Challenges. Publication Year 7. Ústí nad Labem: Univerzita J. E. Purkyně v Ústí nad Labem, Filozofická fakulta Ústí nad Labem, 2013. 303 p. ISBN 978-3-7069-0778-1